

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

◆
БАКУ-1981

1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 1

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

БАКУ—1981

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. ҚОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)**

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нарманова, 31. Академгородок

А. Н. КОНОНОВ, Э. Р. ТЕНИШЕВ, Э. И. ФАЗЫЛОВ

ТЮРКСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ В СССР: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Основанный на ленинских принципах демократии, равноправия и братской дружбы народов, Союз Советских Социалистических Республик объединяет 15 союзных, 20 автономных республик, 8 автономных областей и 10 национальных округов. В национальных республиках, областях, округах живут 120 наций, народностей и этнических групп, говорящих на разных языках, каждый из которых имеет все условия для всестороннего развития.

Тюркские народы составляют основное население пяти союзных (Казахской, Узбекской, Азербайджанской, Киргизской, Туркменской) и семи автономных (Башкирской, Татарской, Каракалпакской, Тувинской, Чувашской, Якутской, Кабардино-Балкарской) республик, трех автономных областей (Горно-Алтайской, Хакаской, Карачаево-Черкесской) и занимают по численности второе место в СССР после славянских народов. В силу этого обстоятельства исследования в области языка, истории, литературы и культуры каждого из тюркоязычных народов, равно как и других народов Советского Союза, имеют исключительно важное значение в идеологической, политической и общественной деятельности в нашей стране.

Постановления ЦК КПСС по вопросам идеологии и решения партийных съездов нацеливают советских ученых-обществоведов на укрепление связи науки с практикой коммунистического строительства, повышение эффективности и качества научных исследований, создание подлинно творческой обстановки в научных коллективах. Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев подчеркивает, что «задачи, стоящие перед нашей общественной наукой, могут быть решены лишь при условии самой тесной ее связи с жизнью. Схоластическое теоретизирование может лишь тормозить наше движение вперед. Только связь с практикой может поднять эффективность науки, а это сегодня — одна из центральных проблем»¹.

Языки, историю, литературы, культуру народов, говорящих на тюркских языках, изучает научная дисциплина, именуемая тюркологией. В этот комплекс наук тюркское языкознание входит одним из важнейших компонентов.

В научно-исследовательских институтах Академии наук СССР, ее филиалах, в институтах республиканских академий, университетах, педагогических институтах, на языковых кафедрах высших учебных заведений тюркоязычных республик и областей плодотворно работают ты-

¹ В основу статьи положен текст доклада, прочитанного на III Всесоюзной тюркологической конференции в Ташкенте 10 сентября 1980 г.

сячи лингвистов-тюркологов, которые исследуют актуальные вопросы синхронного описания тюркских языков и их диалектов, истории развития языков, а также проблемы сравнительно-исторические, ареальные, типологические, социолингвистические.

Дифференциация исследовательских работ в области тюркского языкознания позволяет выделить следующие основные направления исследований, по которым в период между Алма-Атинской и нынешней Ташкентской всесоюзными тюркологическими конференциями были созданы фундаментальные труды:

- 1) фонетика и грамматика тюркских языков;
- 2) историческая фонетика и грамматика отдельных тюркских языков; сравнительно-историческая фонетика и грамматика отдельных тюркских языков; общая сравнительно-историческая фонетика и грамматика тюркских языков;
- 3) изучение и издание памятников тюркской письменности;
- 4) диалектография и диалектология;
- 5) лексикография и лексикология;
- 6) история формирования тюркских национальных языков;
- 7) проблемы классификации тюркских языков;
- 8) изучение закономерностей развития тюркских языков в советскую эпоху;
- 9) «алтайская теория» и тюркское языкознание;
- 10) описание, изучение и издание тюркоязычных рукописей, хранящихся в библиотеках СССР;
- 11) изучение истории отечественного тюркского языкознания;
- 12) библиография отечественной тюркской филологии.

1. **Фонетика и грамматика современных тюркских языков.** В нашей стране продолжает успешно развиваться инструментально-экспериментальное направление исследований звукового строя современных тюркских языков и их диалектов. Новые работы были выполнены фонетистами Киргизии, Казахстана, Туркмении, Татарии, Узбекистана².

Особенно плодотворно работает в этом направлении лаборатория экспериментально-фонетических исследований при Институте истории, филологии и философии Сибирского Отделения Академии наук СССР под руководством В. М. Надеяева, где выполнены интересные исследования по алтайскому (М. Ч. Чумакаева), кумандинскому (И. Я. Селютина), долганскому (Н. П. Бельтюкова), якутскому (Н. Д. Дьячковский, Н. Н. Широкова) языкам и языку бачатских телеутов (К. В. Меркурьев)³.

Значительное число фонетических работ выполнено на основе традиционных слуховых методов. В них освещаются проблемы консонантизма, вокализма, чередований, характеризуются фонетические особенности диалектов.

В некоторых исследованиях уделяется внимание фонологическим аспектам в трактовке фонетических явлений.

Одно из новых продуктивных направлений связано с тем, что экспериментально-фонетические и фонологические исследования выполняются в плане сравнительной типологии, иногда с привлечением математики и статистики. С тюркскими языками сравниваются русский, английский, немецкий и другие европейские языки. При типологическом сопоставлении выявляются не только внутренние и внешние соответствия в структуре разносистемных языков, но и по-новому интерпретируются

некоторые фонетические и грамматические явления собственно тюркских языков. Понятно, что в условиях массового тюркско-русского двуязычия подобные работы имеют и большое практическое значение.

Немало публикаций по вопросам орфографии, орфоэпии, пунктуации⁴.

Для исследования грамматического строя современных тюркских языков характерны поиски новых методов описания морфологических и синтаксических категорий, их углубленный семантический анализ, раскрытие системного характера грамматических явлений. В аспекте формального изучения наметился интерес к особенностям функционирования различных грамматических категорий в рамках единых морфологических моделей, а также к уточнению парадигматических рядов и типов.

В этой связи можно особо отметить теоретические разработки С. Н. Иванова по морфологии турецкого языка, интересные публикации А. А. Юлдашева, В. И. Рассадина⁵. Л. А. Покровская впервые издала синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении⁶. С большим удовлетворением тюркологи встретили вторую часть монографии Е. И. Убрятовой по синтаксису якутского языка, вышедшую в двух книгах.

В последние годы появились обобщающие труды по грамматике отдельных тюркских языков: хакасского (коллектив авторов), караимского (К. Мусаев, О. Я. Прик), саларского и сарыг-югурского (Э. Р. Тенишев), тофаларского (В. И. Рассадин), чулымского (Р. М. Бирюкович), казахского (А. И. Исхаков), узбекского (коллектив авторов, в двух томах), азербайджанского (коллектив авторов, в трех томах), каракалпакского (Е. Бердимуратов, А. Даулетов)⁷.

Из большого числа работ по различным аспектам грамматического строя тюркских языков отметим лишь некоторые монографические исследования: а) по синтаксису алтайского, узбекского, казахского, каракалпакского, туркменского, татарского, ногайского, карачаево-балкарского, киргизского языков; б) по морфологии азербайджанского, якутского, хакасского, башкирского языков⁸.

В настоящее время теория и практика исследования грамматического строя тюркских языков позволяют выделить словообразование в самостоятельный раздел грамматики. По некоторым языкам написаны актуальные труды по словообразованию (Ф. А. Ганиев, М. А. Хабичев)⁹. Ряд исследований посвящен выявлению словообразующих моделей и их значений, а также реализации их в зависимости от лексических разрядов основ. Определенный интерес вызывают современные словообразовательные процессы.

Значительное число обобщающих и частных исследований по фонетике и грамматике тюркских языков не устраняет факта неразработанности отдельных важных проблем. Необходимо увеличивать число языков и диалектов, охваченных инструментальными фонетическими исследованиями. В связи с практическим значением подобных работ для орфоэпии и орфографии современных литературных языков встает вопрос об адекватности фиксируемых особенностей произносительным нормам того или иного языкового коллектива. Больше внимания следует уделять таким сторонам звукового строя, как ударение, интонация, слоговая структура слова и т. д.

В области грамматических описаний важно повсеместно распространить передовые теоретические установки и новые методы наших ведущих тюркологов, иными словами, речь идет о качественном выравни-

вании исследовательской практики в современном тюркском языкознании.

2. Историческая и сравнительно-историческая фонетика и грамматика тюркских языков. Отражением устойчивого интереса к истории языков, наблюдающегося в тюркологии в последние два десятилетия, является выход в период между второй и третьей тюркологическими конференциями нескольких значительных книг по данной проблеме. А. М. Щербак издал первую часть сравнительно-исторической морфологии (Имя)¹⁰, выход второй части (Глагол) планируется на этот год. Б. А. Серебренников и Н. З. Гаджиева опубликовали систематическое изложение курса сравнительно-исторической фонетики, морфологии и синтаксиса¹¹. Н. А. Баскаков выпустил в свет книги по историко-типологической характеристике структуры тюркских языков¹².

В разряд работ по компаративистике входят интересные исследования по огузской группе языков, осуществленные в Туркмении (Б. Ходжаев, А. Боржаков)¹³ и Азербайджане (Ф. Зейналов)¹⁴ и по кыпчакским языкам в Башкирии (Т. М. Гарипов)¹⁵.

Важным направлением в области диахронических изысканий является составление исторических фонетик и грамматик отдельных тюркских языков: азербайджанского (М. Джахангиров, А. Демирчизаде, Т. Гаджиев)¹⁶, башкирского (А. М. Азнабаев, В. Ш. Псянчин)¹⁷, татарского (М. З. Закиев)¹⁸, узбекского (Ш. Шукуров, А. Матгазиев, Х. Г. Нигматов)¹⁹, турецкого (В. Г. Гузев)²⁰, чувашского (Л. С. Левитская) и др.²¹

Имеется немало ценных публикаций по тем или иным разделам сравнительно-исторической и исторической грамматики: это работы Р. Х. Ахметьянова, А. Н. Мамедова, М. Р. Федотова²².

Существенным недостатком в данной области является отсутствие опыта в исследовании исторической фонетики и грамматики младописьменных тюркских языков, за исключением, в известной мере, чувашского. Объективно создание таких трудов тормозится недостаточной разработанностью теоретической базы и отсутствием четких исследовательских критериев отбора и оценки языковых фактов. В первых опытах сравнительно-исторических грамматик центр тяжести оказался заметно смещенным в сторону установления схем формально-звукового развития, тогда как эволюция семантики, отдельных форм и их систем зачастую оставалась вне поля зрения исследователей, что в значительной степени ослабляло теоретическое влияние сравнительно-исторической грамматики на создание исторической грамматики отдельных языков или их групп.

3. Изучение и издание тюркоязычных памятников. Дальнейшее углубленное изучение рунических памятников связывается с изданием их нового свода, который уже в течение нескольких лет подготавливается Институтом востоковедения Академии наук СССР. Первый том, посвященный енисейским надписям, находится в издательстве, второй том, посвященный монгольским надписям — в процессе подготовки к печати²³. Значительным событием в тюркской рунологии является выход в свет «Грамматики языка тюркских рунических памятников VII—IX вв.» академика А. Н. Кононова.

Несколько находок рунических памятников опубликовано или подготовлено к печати С. Г. Кляшторным, Д. Д. Васильевым, Л. Р. и И. Л. Кызласовыми²⁴.

Начата работа по подготовке к изданию корпуса болгарской эпиграфики Поволжья, а также свода эпиграфических памятников Северного Кавказа.

В области древней уйгуристики продолжает плодотворно работать Л. Ю. Тугушева, только что издавшая фрагмент памятника X века — «Биография Сюань-Цзана»²⁵.

Из тюркоязычных памятников арабского письма изданы «Латафат-наме» Ходжанди (Э. И. Фазылов), «Сал-наме» и «Таашук-наме» С. Ахмеда (А. М. Щербак).

А. Шукуров и А. Магерамов посвятили свою монографию языку памятников древнетюркской письменности²⁶, Ф. С. Хакимзянов — языку эпитафий волжских болгар²⁷. После длительной задержки увидел свет первый том «Историко-сравнительного словаря тюркских языков XIV в.» старейшины советских тюркологов Э. Н. Наджипа²⁸; второй том находится в производстве.

Существенное значение для исторического и сравнительно-исторического изучения тюркских языков имеют труды по тюркскому языкознанию, принадлежащие перу восточных филологов. За истекшее пятилетие советскими учеными были обработаны и изданы сразу два труда XIV века. В Ташкенте Э. И. Фазылов и М. Зияева издали «Изысканный дар тюркскому языку» в полной филологической обработке²⁹. В Алма-Ате А. Курышжанов переиздал с исправлениями и дополнениями «Тюркско-арабский словарь». Издание этого же памятника А. Юнусовым включает полный перевод арабского текста на узбекский язык³⁰.

В последнее время проявляется заметный интерес к изучению и изданию поздних тюркских памятников XVI—XIX веков (Я. С. Ахметгалеева, С. С. Джикия)³¹.

Несмотря на очевидные достижения в изучении и издании памятников в этой области предстоит еще большая работа. Наряду с памятниками, издававшимися неоднократно, есть много таких, которые незаслуженно не привлекали внимания исследователей. Немало памятников подвергалось частичному или одностороннему анализу: например, при изучении грамматики вне поля зрения оставались фонетика, лексика и т. д. К сожалению, не все публикующиеся памятники подвергаются всесторонней унифицированной филологической обработке; все еще применяются транскрипции, ориентирующиеся на современные языки. Требуется значительно повысить уровень текстологических исследований, без чего не может быть раскрыто подлинное содержание памятников.

4. Диалектография, диалектология, ареальная лингвистика. В этой важнейшей области тюркологии имеются реальные достижения. За последние годы заметно продвинулась работа над «Диалектологическим атласом тюркских языков СССР». Завершен сбор материалов по 146 объектам четырех зон (Кавказ — 27 пунктов, Поволжье — 34, Средняя Азия — 43, Сибирь — 42), материалы записаны в унифицированной международной фонетической транскрипции, основанной на латинской графике, составлена карта-основа со сквозной нумерацией географических пунктов, готовятся обобщенные карты по материалам зон.

Наряду с этим ведутся работы над диалектологическими атласами отдельных языков: азербайджанского, туркменского, чувашского, татарского, башкирского, киргизского, каракалпакского и региональными атласами говоров казахского и других языков.

С 1976 года советские тюркологи включились в работу над «Лингвистическим атласом Европы», в котором от СССР представлены ка-

рачаево-балкарский, ногайский, кумыкский, караимский, казахский, татарский, башкирский и чувашский языки.

Ценными монографическими исследованиями пополнилась диалектология татарского (Л. Т. Махмутова, Д. Г. Тумашева, Ф. Ю. Юсупов), башкирского (Н. Х. Максютова, С. Ф. Миржанова), казахского (Ш. Ш. Сарыбаев, А. Нурмагамбетов, Ф. Ф. Алиев), туркменского (Д. Худайбергенев), караимского (О. Я. Прик), азербайджанского (М. Ш. Шир-алиев, В. Т. Джангидзе, А. Велиев), каракалпакского (Д. С. Насыров, У. Доспанов), узбекского (Ш. Шаабдурахманов, А. Шерматов, Х. Данияров, А. Ишаев, Э. Ю. Уразов), уйгурского (Н. А. Баскаков, Г. С. Садвакасов) языков³². Заслуживают внимания диалектологические сборники со статьями К. В. Меркурьева, Г. Г. Фисаковой (язык бачатских телеутов), Л. Ш. Арсланова и Ф. Ю. Юсупова (язык татар Астраханской, Челябинской, Курганской областей)³³.

Особо следует отметить появление первого сборника по вопросам исторической диалектологии татарского языка³⁴.

За обозреваемый период вышли диалектологические словари якутского (П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев) и туркменского (С. Аразкулов, С. Атаниязов, Р. Бердыев, Г. Сапарова) языков, повторное издание первого тома диалектологического словаря киргизского языка (Д. Мукамбаев)³⁵. Были изданы учебные пособия по диалектологии татарского (Г. Х. Ахатов), казахского (Г. Калиев, Ш. Сарыбаев) языков³⁶.

Многолетние исследования узбекских диалектологов обобщены в учебных пособиях В. В. Решетова, Ш. Шаабдурахманова, Н. Раджабова, вышедших повторными дополненными изданиями³⁷.

Все большее распространение в тюркологии получают методы ареальной лингвистики. Здесь прежде всего следует назвать монографию Н. З. Гаджиевой, посвященную тюркской ареальной лингвистике Средней Азии и Кавказа³⁸. Ареалогическая методика нашла отражение в работах Г. Ф. Благовой и Р. М. Бирюкович³⁹.

Работа по сбору, систематизации и исследованию диалектов и говоров тюркских языков продолжается. Однако в диалектологических трудах все еще не преодолен обоснованный подход к рассмотрению языковых явлений. Слабо разворачиваются исследования по исторической диалектологии; здесь можно особо отметить важную проблему взаимоотношения литературных языков и диалектов в плане истории их взаимодействия. Недостаточно изучается социолингвистическая проблематика функционирования современных диалектов, в том числе в условиях билингвизма. Пока еще не по всем языкам создаются обобщающие труды — словари, атласы, описания диалектной системы.

Дальнейшее исследование диалектов тюркских языков требует усовершенствования и унификации техники фиксации и подачи материала, а также создания богатого картотечного фонда, обработанного по единой методике. Необходимо организовать комплексные экспедиции для изучения районов со смешанным тюркоязычным населением.

5. Лексикология и лексикография. Весьма отрадной тенденцией лексикографической практики последних лет является создание больших толковых национальных словарей по азербайджанскому (два тома из четырех), казахскому (вышло четыре тома из восьми), татарскому (вышло два тома из трех)⁴⁰ языкам, в этом году выйдет толковый словарь узбекского языка в двух томах.

Показателем высокого уровня развития экономики, науки и культуры национальных республик является создание многотомных энци-

клопедий на казахском, узбекском, киргизском, азербайджанском, туркменском языках.

Тесно связано с запросами практики составление двуязычных национально-русских и русско-национальных словарей. Вышли в свет русско-азербайджанский (в трех томах), русско-казахский (в двух томах), и русско-киргизский словари⁴¹.

Богатством лексики и удачными приемами подачи материала отличаются обширные турецко-русский и русско-турецкий словари⁴².

Большим событием в тюркской лексикографии является выход капитального «Фразеологического словаря казахского языка» академика С. К. Кенесбаева.

Немаловажно и то обстоятельство, что в последнее время разнообразятся типы издаваемых словарей. Появились словари синонимов казахского (Е. Болганбаев), антонимов узбекского (Р. Шукуров), якутского (Н. А. Аллахский), топонимов, ономастические, тематические (Н. Т. Хатамов, С. А. Емельянова, М. Ю. Тихонова), языков отдельных писателей, частотные (А. К. Курышжанов, А. Х. Джубанов, А. Б. Белботаев), обратные, морфемные узбекского (А. Гулямов, А. Н. Тихонов, Р. Кунгуров), киргизского (Ж. Мукамбаев, А. Осменкулов), двуязычные, многоязычные (М. Ж. Таттибаева, Дж. Буранов, К. Рахманбердыев, С. Шаибаев, А. Н. Плутницкий)⁴³.

Продолжают издаваться ставшие традиционными орфографические, орфоэпические, поэтические, ассоциативные, краткие фразеологические, терминологические, отраслевые, афористические словари⁴⁴.

Новую страницу в изучении тюркской лексики открыл фундаментальный труд «Этимологический словарь тюркских языков» Э. В. Севортяна. В 1979 году вышел второй том, в 1980 году — третий⁴⁵.

В области лексикологии, базирующейся на большом многолетнем опыте лексикографической работы, наряду с огромным числом всевозможных частных исследований (М. Джавидова, И. К. Кучкартаев, В. И. Рассадин, Р. Кунгуров, И. Расулев, Я. Ш. Хертек, Д. Х. Базарова, П. С. Афанасьев, И. М. Отаров, Т. Турсунова), появились первые обобщающие труды как по отдельным языкам, так и по тюркской семье языков в целом (К. М. Мусаев)⁴⁶.

Изданы труды по лексикологии татарского (Г. Х. Ахатов) и казахского (А. Болганбаев) языков⁴⁷.

Традиционным направлением тюркской лексикологии является изучение тюркской лексики в русском, монгольских, иранских и других нетюркских языках и иноязычной лексики в тюркских языках. Назовем здесь книги Н. А. Баскакова, Е. Н. Шиповой, Е. Б. Бекмухаметова, Х. И. Суюнчева, П. А. Слепцова, Б. И. Татаринцева. Особо следует отметить труд О. Т. Молчановой «Топонимический словарь Горного Алтая»⁴⁸.

В тюркской лексикологии и лексикографии заметно отстает историческое направление. До сих пор ни по одному из языков не созданы фундаментальные исторические словари типа известных многотомных турецких изданий. Нет серьезных исследований по исторической лексикологии. Весьма медленно продвигается создание этимологических словарей отдельных тюркских языков. В современной лексикологии в особом внимании и критической подлинно научной оценке нуждаются вопросы терминоведения, особенно общественно-политического и научно-технического.

6. История формирования тюркских национальных языков. В последние годы вышел в свет ряд обобщающих трудов по истории староли-

тературных языков: азербайджанского (Т. Гаджиев, М. Джангиров), узбекского (А. Матгазиев, К. Ю. Юнусов), татарского (М. З. Закиев)⁴⁹.

Весьма актуальной в данной области исследований является проблема истории формирования национальных литературных языков и их отношение к общенародным. Характерная тематика многих работ — отношение языка какого-либо памятника или группы памятников к тому или иному современному языку. При этом язык одних и тех же памятников зачастую соотносится с разными языками, в том числе с языками различных классификационных групп. Уже это не может не привести к известному субъективизму в подходе к решению названной проблемы. Преодоление подобного существенного недостатка возможно лишь путем выработки строгой и всеобъемлющей методики анализа, всесторонне охватывающего языковые и художественные особенности памятников, социально-исторические условия их создания и функционирования как литературных произведений и т. п.

7. Проблема классификации тюркских языков и диалектов. Большинство советских исследователей используется в качестве рабочей известная классификация А. Н. Самойловича. Последующие попытки внести в нее коррективы не получили достаточно широкого признания. Скорее всего они могут быть расценены как заявки на более глубокое изучение тех или иных узловых вопросов сравнительно-исторической фонетики и грамматики тюркских языков, недостаточная обоснованность в решении которых и явилась побудительным мотивом для новых попыток классификации. Наряду с фундаментальной проработкой собственно тюркских диахронических явлений всестороннее научное обоснование классификации связано и с интерпретацией внешних данных, получаемых при изучении проблемы алтайской языковой общности.

8. Изучение закономерностей развития тюркских языков в советскую эпоху. Процессам развития, стабилизации и совершенствования современных тюркских языков СССР, имеющим огромное как научное, так и практическое значение, посвящен ряд публикаций по туркменскому (Б. Чарьяров, О. Назаров), узбекскому (А. Н. Тихонов, Э. И. Фазылов), киргизскому (Т. Ахматов), чувашскому (Н. П. Петров) языкам⁵⁰.

На современном этапе, в связи со значительным расширением общественных функций тюркских литературных языков, большое значение приобрели вопросы культуры речи, а также языка и стиля художественной литературы. Определенные сдвиги в этой области уже намечаются⁵¹.

Важным и актуальным направлением работы советских тюркологов является научная разработка проблем функционирования и изучения русского языка как средства межнационального общения.

На Всесоюзной конференции в Ташкенте в мае 1979 года, специально посвященной этим вопросам, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Узбекистана Ш. Р. Рашидов, в трудах которого впервые в советской научной литературе получило теоретическое обоснование положение об огромной роли национально-русского двуязычия в развитии культуры зрелого социалистического общества, отмечал: «В развитии социалистической по содержанию и национальной по форме культуры народов СССР неопределимая роль принадлежит русскому языку. В нашем многонациональном государстве неуклонно растет стремление нерусских народов к овладению русским языком, знание его стало насущной потребностью всех граждан»⁵².

Вопросы развития национальных языков и национально-русского двуязычия являются предметом острой идеологической борьбы на меж-

дународной арене. Этой проблеме посвящено несколько изданий, вышедших в Узбекистане⁵³.

К настоящему времени, несомненно, уже накоплен богатый материал для капитальных трудов, обобщающих закономерности развития тюркских языков в советскую эпоху. Следует коренным образом повысить научный уровень работ по сопоставительной грамматике и лексике тюркских и русского языков. Необходимо, чтобы каждая публикация в этой области не ограничивалась поверхностным сопоставлением явлений, а вскрывала бы глубинные языковые структуры, внося новое в теорию и практику контрастивных исследований. Что касается буржуазных фальсификаций относительно языкового строительства и билингвизма (см. последние зарубежные публикации таких «советологов», как П. Остин В. Сильвестр, Дж. Кричлоу и др.), то долг советских тюркологов противопоставить им объективные исследования реального развития языковых процессов на современном этапе.

9. «Алтайская теория» и тюркское языкознание. Изучение общих элементов тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков открывает дополнительные источники для интерпретации их глубинных диахронических процессов. Последние книги ленинградских алтаистов являются определенным вкладом в решение этой сложной проблемы, однако и в них в целом нет однозначного ответа на вопрос поставленный в науке более двухсот лет назад: родственны данные языки, или общие элементы возникли в них в результате исторических, прежде всего весьма древних контактов?

Дальнейшее успешное исследование алтайской гипотезы связано с расширением фактологической базы. Здесь заслуживает особого упоминания фундаментальный «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков», открывающий новые горизонты не только перед сравнительно-исторической грамматикой тунгусо-маньчжурских языков, но и перед алтаистикой в целом. Новые обобщающие труды нужны по сравнительной грамматике и лексике монгольских языков. Наряду с этим остро стоят вопросы поиска методики, а также — как и для ряда других направлений — подготовки специальных кадров-алтаистов широкого профиля, обладающих знаниями не только по тюркологии, но и по монголистике, тунгусо-маньчжуроведению, корейнистике и японистике.

10. Описание, изучение и издание тюркоязычных рукописей, хранящихся в библиотеках СССР. Уникальные коллекции тюркских рукописей, хранящихся в многочисленных библиотеках нашей страны, частично были систематизированы, описаны и по ним изданы каталоги: Институтом востоковедения Академии наук Узбекской ССР издано 10 томов каталогов восточных рукописей, в том числе тюркских, институтами востоковедения Академии наук СССР и Груз. ССР, Рукописным фондом Академии наук Азербайджанской ССР, Институтом языка и литературы Академии наук Туркменской ССР, Институтом языка и литературы Академии наук Таджикской ССР внесен большой вклад в изучение, описание и публикацию восточных рукописей⁵⁴.

К числу ближайших задач в данной области следует отнести усовершенствование и унификацию схем описания рукописей, а также интенсивное изучение и публикацию самих рукописей (пока работа в этом направлении не может удовлетворить огромного интереса, проявляемого тюркологами всех стран к памятникам тюркоязычных народов). К сожалению, научной текстологией в нашей стране занимаются единицы. Между тем при отсутствии критических текстов немыслимы академические издания. Нельзя признать научными так называемые академиче-

ские издания, предпринимающиеся в союзных республиках без критических текстов.

11. Изучение истории тюркского языкознания. Последнее десятилетие характеризуется интенсивным развитием исследований по истории тюркского языкознания; написаны и изданы такие труды, как: «Библиографический словарь советских востоковедов» С. Д. Милибанд, «Библиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана» (в двух томах) Б. В. Лунина, «Очерки истории изучения турецкого языка» А. Н. Кононова, «Русские тюркологи и узбекское языкознание» Э. И. Фазылова и Л. Г. Чичулиной⁵⁵.

Специальные сборники посвящены выдающимся тюркологам-востоковедам: В. В. Радлову, П. М. Мелиоранскому, А. Н. Самойловичу, С. Е. Малову, Э. В. Севортяну. Находится в производстве книга, посвященная 80-летию Н. К. Дмитриева, подготовлен первый том избранных работ А. Н. Самойловича.

Заметно возрос интерес к истории тюркологических центров, учебных заведений и научно-исследовательских учреждений. Из изданий в этой области стоит выделить труд А. Н. Кононова и И. И. Йориша «Ленинградский восточный институт. Страницы истории советского востоковедения».

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» учредила серию «Русские востоковеды и путешественники» и наметила выпуск в первую очередь библиографических очерков семидесяти известных тюркологов.

Нельзя не отметить важность переиздания трудов ученых, обогативших своими трудами тюркологическую науку. В ближайшие годы будут изданы работы А. Н. Самойловича. Вышли из печати избранные сочинения В. А. Гордлевского (четыре тома), Н. К. Дмитриева (сб. «Строй тюркских языков»), А. П. Поцелуевского, С. Н. Новгородова, Д. Г. Кирекбаева, К. Убайдуллаева⁵⁶.

В Киргизии готовятся посмертные издания трудов В. М. Юнусалиева, И. А. Батманова, К. К. Юдахина.

Необходимо уделять неослабевающее внимание углубленному изучению истории тюркологии, всестороннему объективному освещению деятельности видных тюркологов прошлого и настоящего, пропаганде и популяризации достижений советской тюркологической науки.

12. Библиография тюркской филологии. Надежная и своевременная информация о новых работах в области тюркской филологии в значительной мере способствует повышению теоретического уровня специальных тюркологических исследований и координации работ. В настоящее время собран огромный фактический материал по всем уровням тюркских языков, который требует систематизации и обобщения⁵⁷. Дальнейшее развитие тюркского языкознания немыслимо без подведения итогов, чтобы избежать наблюдающегося часто повторения уже сделанного, установленного. Все это требует ускорения составления и издания сводной библиографии, библиографических указателей по тюркскому языкознанию. Любые усилия в этом направлении заслуживают всяческой поддержки и поощрения. Известными успехами в этой области наука обязана: В. Д. Аракину, С. Н. Иванову, П. Азимову, Ф. Д. Ашнину, А. Н. Базиянцу, А. Г. Каримуллину, Ш. Ш. Сарыбаеву, Т. Гарипову, А. Валееву, А. Т. Кайдарову, Л. Г. Чичулиной, Д. С. Насырову, А. Бектемирову, В. Бекназарову, Г. Айдарову, М. Р. Федотову и др.⁵⁸

Давно назрела настоятельная необходимость в создании специального библиографического бюллетеня по советской тюркологии.

Развитие современной тюркологической науки тесно связано с осведомленностью о последних достижениях зарубежных тюркологов. Поэтому особо надо приветствовать недавно изданные в нашей стране работы К. Г. Менгеса «Восточные элементы в „Слове о полку Игореве“», В. Л. Котвича «Исследование по алтайским языкам» и «Местоимения в алтайских языках».

Таким образом, для советской тюркологии характерными являются широкий диапазон исследований, углубленное теоретическое и практическое изучение всех ярусов тюркских языков как в плане синхронии, так и диахронии.

В последние пять лет наблюдается чрезвычайный количественный рост публикаций в республиках и областях, однако надо отметить, что при этом качество изданий оставляет желать лучшего. В центре внимания должны быть эффективность и научное качество изданий, стремление к которому всегда было характерно для советских ученых.

Разумеется, такая категория, как качество труда филолога, не поддается ни взвешиванию, ни измерению, но есть надежный способ его оценки — всесоюзное и международное признание.

Центр тяжести тюркологических изысканий в настоящее время переместился в союзные и автономные республики и области, что вполне естественно и закономерно. Поэтому важнейшей задачей является подготовка кадров тюркологов широкого профиля: специалистов по буддологии, манихейке, рунологии, уйгурике, монголистике, владеющих не только русским, но и западными языками.

Давно настало время комплексных типологических исследований тюркских языков и литератур.

Решение важнейших проблем требует координации и кооперации усилий тюркологов, особенно в изучении глоттогенеза и этногенеза тюркских народов.

По инициативе Советского комитета тюркологов группа специалистов (Н. З. Гаджиева, В. Г. Гузев, С. Н. Иванов, Э. И. Фазылов — руководитель) разработала примерную схему лексико-грамматического описания тюркоязычных письменных памятников и схему описания диалектов (Л. Т. Махмутова). Обе схемы будут в ближайшее время представлены в редакцию журнала «Советская тюркология» для опубликования и последующего широкого обсуждения.

Бесспорные достижения советских тюркологов в развитии основных разделов тюркского языкознания, и шире — тюркской филологии, не устранили сопутствующих отрицательных моментов. Чтобы двигаться вперед, необходимо глубоко осмыслить уже сделанное, тщательно его проанализировать. Только самокритичное отношение к нашему общему делу может способствовать преодолению различных трудностей, неизбежных при движении по малоизведанному пути.

Дальнейшее успешное развитие тюркологии возможно при условии полной взаимной информированности, взаимопомощи и поддержки всех тюркологических центров, всех тюркологов нашей страны.

¹ «Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики». Доклад Генерального секретаря ЦК товарища Л. И. Брежневца XXV съезду КПСС. — В кн.: «Материалы XXV съезда КПСС», М., 1976, стр. 72.

² А. Ибраев. К вопросу классификации киргизских гласных. — «Труды Киргизского университета. Серия гуманитарных наук», Фрунзе, 1975, вып. II, стр. 3—8; *его же*. К вопросу о долготе гласных в современном киргизском языке. — «Труды Киргизского университета. Серия гуманитарных наук», Фрунзе, 1975, вып. II, стр. 8—16; М. М. Исабеков. Из материалов экспериментально-фонетического исследования длительности кир-

гизских гласных. — В кн.: «Звуковая и семантическая структура языка», Фрунзе, 1975, стр. 41—47; А. Орусбаев. Киргизская акцентуация (Опыт экспериментального исследования ударения в слове и во фразе), Фрунзе, 1974, 112 стр.; *его же*. К исследованию фонетической системы киргизского языка. — В кн.: «Исследования звуковой и семантической структуры языка», Фрунзе, 1975, стр. 5—9; *его же*. Ударение в аффиксах киргизского языка (Экспериментальное исследование). — В кн.: «Звуковая и семантическая структура языка», Фрунзе, 1975, стр. 36—40; *его же*. Динамика формантных частот гласных киргизского языка, Фрунзе, 1976, 117 стр.; *его же*. Киргизская акцентуация (Опыт экспериментального исследования ударения в слове и во фразе), Фрунзе, 1974, 112 стр.; *его же*. К исследованию фонетической системы киргизского языка. — «Советская тюркология», 1976, № 2, стр. 65—67; Ж. К. Сыдыков. Спектры гласных киргизского языка. — В кн.: «Исследования звуковой и семантической структуры языка», Фрунзе, 1975, стр. 19—45; *его же*. Акустическая характеристика безударных гласных в многосложных словах киргизского языка. — В кн.: «Звуковая и семантическая структура языка», Фрунзе, 1975, стр. 48—58; Ж. Аралбаев. К вопросу о динамике фонетической структуры казахского языка. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филологическая», 1976, № 4, стр. 23—27; С. Омарбеков. Фонетические закономерности начала казахского слова. — «Вестник АН Казахской ССР», № 3, стр. 49—54; С. С. Татубаев. Тайны звука. Очерки по фонетике казахского пения в сравнении с речью. Алма-Ата, 1978, 152 стр.; А. А. Исенгельдина. К вопросу о сосуществующих фонематических системах. — «Иностранная филология», Алма-Ата, 1975, вып. 6, стр. 21—26; М. И. Трофимов. Фонетические процессы в слове в современном уйгурском языке. Алма-Ата, 1978, 120 стр.; Т. Талипов. Вопросы уйгурской фонетики в трудах отечественных тюркологов. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филологическая», 1975, № 1, стр. 19—23; С. Куренов. Спектральная характеристика долгих и кратких гласных туркменского языка. Ашхабад, 1974, 94 стр.; А. Нурмухамедов, С. Куренов. Фрикативные и сонорные согласные в туркменском языке. Экспериментальные фонетические исследования. Ашхабад, 1979, 256 стр.; З. Б. Мухамедова. О некоторых архаических чертах в фонетике туркменского языка. — В кн.: «Тюркологические исследования», М., 1976, стр. 152—157; Х. Х. Салимов. Спектральный анализ татарских гласных. Автореф. канд. дисс., Казань, 1975, 24 стр.; А. Махмудов. Аффрикаты узбекского языка. — «Узбек тили ва адабиёти», Ташкент, 1975, № 5, стр. 39—42; Ф. А. Джалилов. Оглушение звонких согласных азербайджанского языка. — «Ученые записки Азербайджанского университета. Серия языка и литературы», Баку, 1975, № 3, стр. 78—83; А. Даулетов. Вокализм каракалпакского языка (Учебное пособие по фонетике). Самарканд, 1976, 166 стр.; В. М. Анисимов. Удвоенные согласные в якутском языке. — «Советская тюркология», 1975, № 2, стр. 9—12; В. И. Котлеев, И. Т. Сергеев. Новые экспериментальные данные к истории интервокальных генирированных согласных в чувашском языке. — В кн.: «Вопросы чувашской фонетики и лексикологии», Чебоксары, 1976, стр. 41—54; В. И. Котлеев. Фонетическая характеристика чувашского слога. — В кн.: «Вопросы чувашской фонетики и лексикологии», Чебоксары, 1976, стр. 3—40; А. Г. Бишиев. О некоторых чуваше-башкиро-татарских фонетических соответствиях. — В кн.: «Башкирский языковедческий сборник», Уфа, 1975, стр. 5—7.

³ Н. П. Бельтюкова. Консонантизм долганского языка (Экспериментальное исследование). Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1979; *ее же*. Переднеязычный *т* в долганском. — В кн.: «Происхождение албранигов Сибири и их языков», Томск, 1976, стр. 68—70; М. Ч. Чумакаева. Согласные алтайского языка (на основе экспериментально-фонетических исследований), Горно-Алтайск, 1978; К. В. Меркуров. Бачатско-телеутский консонантизм. Автореф. канд. дисс., Новосибирск, 1975, 20 стр.; *его же*. Маложумные согласные языка бачатских телеутов. — В кн.: «Язык бачатских телеутов», Кемерово, 1976, стр. 3—47.

⁴ Х. Газиев. Историческое развитие узбекской пунктуации. Ташкент, 1979, 224 стр.; Т. Тачмуратов. Орфоэпия туркменского литературного языка. Ашхабад, 1976, 123 стр.; *его же*. Формирование орфографии туркменского литературного языка в советскую эпоху. Ашхабад, 1979, 175 стр.; Г. Г. Саитбатталов. Стилистика и пунктуация башкирского языка. Уфа, 1978, кн. I, 150 стр.

⁵ С. Н. Иванов. Курс турецкой грамматики. Часть I. Грамматические категории имени существительного. Л., 1975, 100 стр.; А. А. Юлдашев. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. М., 1977, 270 стр.; В. И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, 251 стр.

⁶ Л. А. Покровская. Синтаксис гагаузского языка. В сравнительном освещении. М., 1978, 203 стр.

⁷ Э. Р. Тенишев. Строй сарыг-югурского языка. М., 1976, 307 стр.; *его же*. Строй сарларского языка. М., 1976, 575 стр.; «Грамматика хакасского языка». М., 1975, 418 стр.; «Грамматика туркменского языка. Ч. II. Синтаксис словосочетания и простого предложения». Ашхабад, 1977, 280 стр.; А. Бердимуратов, А. Даулетов. Современный каракалпакский язык. Фонетика, лексикология. Нукус, 1979, 348 стр.; «Современный азербайджанский язык». В трех томах, Баку, 1978, т. I, 324 стр.; У. Турсунов. Современный узбекский литературный язык (Лексикология, фонетика, морфология). Учебное пособие. 2-е дополненное издание, Ташкент, 1975, 260 стр.; Д. Г. Тумашева. Современный татар-

ский литературный язык. Морфология. Учебное пособие. Казань, 1978, 221 стр.; «Грамматика узбекского языка. Т. I, Морфология». Ташкент, 1976, 611 стр.; «Грамматика узбекского языка. Т. II, Синтаксис». Ташкент, 1976, 560 стр.; Д. Г. Кюкбаев, А. А. Галлямов, Х. С. Фаритов и др. Башкирский язык для педучилищ. Уфа, 1976, 415 стр.; О. Я. Прик. Очерк грамматики караимского языка (Крымский диалект). Махачкала, 1976, 188 стр.; А. И. Исхаков. Современный казахский язык. Учебник. Алма-Ата, 1974, 408 стр.; М. З. Закиев. О целях и задачах изучения словосочетаний в тюркских языках. — В кн.: «Проблемы словосочетаний в тюркских языках», Чебоксары, 1975; А. Н. Баскаков. Словосочетания в современном турецком языке. М., 1974, 185 стр.; Х. Абдурахманов. К изучению особенностей синтаксиса простого предложения. Ташкент, 1976, 201 стр.; И. Расулов. Односоставные предложения в современном узбекском литературном языке. Ташкент, 1974, 286 стр.; Б. Уринбаев. Вопросы синтаксиса разговорной речи узбекского языка. Ташкент, 1974, 148 стр.; А. С. Сафаев. Семантико-синтаксическое членение предложения в узбекском языке. Ташкент, 1977, 142 стр.; А. Бабаева. Неполные предложения в современном узбекском литературном языке. Ташкент, 1978, 104 стр.; И. Ташалиев. Вставочные конструкции в современном узбекском литературном языке. Ташкент, 1976, 123 стр.; А. Ахмедов. Коммуникативные типы предложений в узбекском языке. Ташкент, 1979, 172 стр.; Е. Н. Чунжикова. Природа простого предложения в алтайском языке. Горно-Алтайск, 1977, 144 стр.; Н. Х. Демесинова. Развитие синтаксиса современного казахского языка. Алма-Ата, 1974, 171 стр.; К. Есенов. Осложненные предложения в казахском языке. Алма-Ата, 1974, 196 стр.; С. Омарбеков. Общие признаки казахской народной-разговорной речи с родственными языками. Алма-Ата, 1978, 156 стр.; И. А. Андреев. Вопросы синтаксиса чувашского языка. Ч. 2. Чебоксары, 1975, 208 стр.; А. З. Абдуллаева. Сложноподчиненные предложения в современном азербайджанском языке. Автореф. докт. дисс. Баку, 1974, 31 стр.; А. Джавадов. Порядок синтаксических единиц в современном азербайджанском литературном языке. Баку, 1977, 112 стр.; М. Давлетов. Простые осложненные предложения в современном каракалпакском языке. Нукус, 1976, 312 стр.; А. Джапаров. Синтаксис киргизского языка. Учебник, 1979, 34 стр.; И. Жакыпов. Синтаксис современного киргизского языка. Фрунзе, 1975, 180 стр.; А. Турсунов. Словосочетания в киргизском языке. Фрунзе, 1976, 95 стр.; его же. Глагольные словосочетания в киргизском языке. Фрунзе, 1978, 338 стр.; С. Гапаров. Синтаксический строй киргизских пословиц и поговорок. Фрунзе, 1979, 140 стр.; А. Муратов. Пути образования неполных предложений в современном туркменском языке. Ашхабад, 1975, 44 стр.; Г. Ачилова. Устойчивые словосочетания в современном туркменском языке. Ашхабад, 1977, 185 стр.; С. Куренов и др. Интонация простых повествовательных и вопросительных предложений в туркменском языке. Ашхабад, 1977, 177 стр.; М. З. Закиев. Современный татарский язык (Синтаксис). Учебное пособие. Дополненное 2-е издание. Казань, 1974, 336 стр.; С. М. Ибрагимов. Синтаксические синонимы в татарском языке. Казань, 1976, 168 стр.; Ф. С. Сафиуллина. Синтаксис татарской разговорной речи. Казань, 1978, 253 стр.; Е. И. Коркина. Глагольные лично-отнесенные модальные конструкции в якутском языке. Якутск, 1979; И. Х. Ахматов. Проблемы семантического анализа простого предложения. Нальчик, 1979.

* Н. Оралбаева. Аналитическая форма глагола современного казахского языка. Научное пособие. Алма-Ата, 1975, 136 стр.; ее же. Структура и семантика аналитических формантов казахского глагола. Алма-Ата, 1979, 195 стр.; Н. Р. Раджапов. К вопросу об изучении частей речи в тюркских языках. — «Труды Самаркандского университета», 1975, вып. 269, стр. 140—154; А. Телепов. Грамматические категории казахского глагола. Алма-Ата, 1975, 72 стр.; А. Исхаков. Принципы классификации слов по частям речи в казахском языке. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филологическая», 1976, № 4, стр. 8—16; К. Мелиев. Причастие в современных тюркских языках (На материале узбекского, уйгурского, казахского, каракалпакского и других языков), Ташкент, 1974, 172 стр.; К. К. Сартбаев. Классификация частей речи в киргизском языке. Фрунзе, 1975, 49 стр.; А. Хасенова, А. Ибатов. Задачи и перспективы исследований по морфологии казахского языка. — В кн.: «Исследование по грамматике казахского языка», Алма-Ата, 1975, стр. 6—39; Т. Копыров. Казахские сравнения. Алма-Ата, 1978, 192 стр.; Ж. Ешбаев. Наречие в каракалпакском языке. Нукус, 1976, 99 стр.; К. Убайдуллаев. Категория прошедшего времени глаголов в изъявительном наклонении в современном каракалпакском языке. Нукус, 1978, 134 стр.; А. Бекбергенов. Числительные в каракалпакском языке. Нукус, 1976, 107 стр.; О. Б. Орузбаева. О структурно-морфологических особенностях корневых морфем типа ГС в киргизском языке. — «Советская тюркология», 1975, № 5, стр. 78—81; С. Кудайбергенов. Глаголообразование в киргизском языке. Фрунзе, 1979, 124 стр.; Б. Ходжаев. Причастные формы в современном туркменском языке. Ашхабад, 1975, 198 стр.; А. Аннануров. Туркмен дилинде халшилик формалары (тарыхы аспектде). Ашхабад, 1974, 196 стр.; А. Боржанов. Имена действия в современном туркменском языке. Ашхабад, 1978, 170 стр.; Н. К. Якубова. Расстановки аффиксов в узбекских словоформах. Ташкент, 1979, 122 стр.; М. Мукаррамов. Сравнения в узбекском языке. Ташкент, 1976, 88 стр.; И. Пулатов. Фономорфологические особенности падежной системы (На материале диалектов узбекского языка). — В кн.: «Уровни языка и их анализ», М., 1976, стр. 3—22; М. В. Зайнуллин. Категория модаль-

ности в современном башкирском языке. (Учебное пособие), Уфа, 1975; Г. Г. Фисакова. «Формы выражения прошедшего и будущего времен изъявительного наклонения в языке бачатских телеутов. — В кн.: «Язык бачатских телеутов», Кемерово, 1976, стр. 111—121; *её же*. Имя прилагательное в языке бачатских телеутов. — В кн.: «Язык бачатских телеутов», Кемерово, 1976, стр. 81—88; *её же*. Вспомогательные глаголы в языке бачатских телеутов. — В кн.: «Язык бачатских телеутов», Кемерово, 1976, стр. 122—129; И. П. Павлов. Краткий очерк морфологии современного чувашского языка. — «Труды научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР», 1975, вып. 53, стр. 3—18; К. Б. Бектаев. Статистико-информационная типология тюркского текста. Алма-Ата, 1978, 183 стр.

⁹ Ф. А. Ганиев. Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке. Казань, 1974, 232 стр.; *его же*. Суффиксальное образование глаголов в современном татарском литературном языке. Казань, 1976, 108 стр.; *его же*. Фонетическое словообразование в татарском языке. Казань, 1973, 40 стр.; М. А. Хабичев. Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971; *его же*. Карачаево-балкарское именное словообразование и словоизменение. Черкесск, 1977; Р. С. Мирзаев. Теоретические вопросы системы словообразования. Баку, 1975, 120 стр.; М. М. Текуев. О глагольном словосложении в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1979; Р. И. Могилевский, З. А. Аликулов. К вопросу о возникновении и функционировании аббревиатур в тюркских языках народов СССР. — «Труды Самаркандского университета», 1976, вып. 279, стр. 79—98; А. Нажимов. Парные и повторные слова в каракалпакском языке. Нукус, 1979, 112 стр.; А. Бекбергенов. Словообразование в каракалпакском языке (Словосложение). Нукус, 1979, 127 стр.; «Труды по татарскому языку и литературе». Казань, 1977, кн. 6, 158 стр.

¹⁰ А. М. Щербак. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л., 1977, 191 стр.

¹¹ Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Учебное пособие. Баку, 1979, 304 стр.

¹² Н. А. Баскаков. Историко-типологическая морфология тюркских языков (Структура слова и механизм агглютинации). М., 1979, 274 стр., *его же*. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. Словосочетание и предложение. М., 1975, 287 стр.

¹³ Б. Ходжаев. Причастные формы в тюркских языках юго-западной группы, 1977, 244 стр.; А. Боржаков. Имена действия в тюркских языках юго-западной группы. Ашхабад, 1976, 174 стр.

¹⁴ Ф. Р. Зейналов. Түрк дилләринин мугајисәли грамматикасы. Ч. 1, Баку, 1974, 140 стр.; *его же*. Түрк дилләринин мугајисәли грамматикасы. Ч. 2, Баку, 1975, 132 стр.

¹⁵ Т. М. Гарипов. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики. М., 1979, 303 стр.

¹⁶ М. Джангиров. Образование азербайджанского национального литературного языка. Баку, 1978, 236 стр.; А. Демирчизаде. История азербайджанского литературного языка. Учебник. Ч. 1. Баку, 1979, 268 стр.; Т. Гаджиев. История азербайджанского литературного языка. Баку, 1976, 156 стр.

¹⁷ А. М. Азнабаев, В. Ш. Псянчин. Историческая морфология башкирского языка (Опыт сравнительно-исторического исследования). Уфа, 1976, 175 стр.; В. Ш. Псянчин. История развития форм грамматических категорий именных частей речи башкирского и татарского языков. — «Ученые записки Башкирского университета», Уфа, 1975, вып. 85, стр. 5—13.

¹⁸ М. З. Закиев. Образование языка татарского народа. Казань, 1977, 207 стр.

¹⁹ Ш. Шукуров. Развитие времен глагола в узбекском языке. Ташкент, 1976, 160 стр.; А. Магазиев. Морфология узбекского языка XIX века. Ташкент, 1977, 203 стр.; Х. Нигматов. Морфология языка восточно-тюркских памятников XI—XII веков (по материалам сочинений Юсуфа Баласагунского, Махмуда Кашгарского и Ахмада Югнакского). Автореф. докт. дисс., Баку, 1978, 48 стр.; Х. Назарова. Особенности синтаксического строя узбекского литературного языка конца XV—начала XVI вв. Ташкент, 1979, 160 стр.

²⁰ В. Г. Гузев. Староосманский язык. М., 1979.

²¹ Л. С. Левитская. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976, 206 стр.; История чувашского литературного языка. Дояковлевский период. Учебное пособие. Чебоксары, 1978, 110 стр.; М. И. Боргояков. Проблемы формирования и развития хакасского языка. Автореф. докт. дисс., Алма-Ата, 1979, 49 стр.; В. Д. Аракин. К истории изафета в тюркских языках. — «Тюркологические исследования», М., 1976, стр. 12—23; Н. З. Гаджиева. Некоторые тенденции в развитии строя тюркских языков. — «Советская тюркология», 1976, № 2, стр. 3—12; «Теоретические вопросы карачаево-балкарского языка». Вып. I, Нальчик, 1976; «Исследования по грамматике современного башкирского языка». Уфа, 1979; Т. Кордабаев, М. Томагов. Вопросы исторической грамматики. Алма-Ата, 1975; А. П. Дульзон. Пратюркские форманты глагольного лица. — В кн.: «Тюркологические исследования», М., 1976, стр. 126—131; *его же*. Пратюркское окончание генетива. — «Языки и топонимия Сибири», № 7, Томск, 1975, стр. 4—17; А. М. Щербак.

О некоторых спорных вопросах реконструкции фонологической системы тюркского языка. — В кн.: «Тюркологические исследования», М., 1976, стр. 237—248; *Н. З. Гаджиева*. К истории анлаута в тюркских языках. — В кн.: «Тюркологические исследования», М., 1976, стр. 77—93; *Р. М. Бирюкович*. Морфологические чередования согласных в среднечулымском диалекте чулымско-тюркского языка. — «Языки и топонимия», Томск, 1976, вып. I, стр. 169—172; *ее же*. Звуковой строй чулымско-тюркского языка (Методическое пособие), М., 1979, 202 стр.; *ее же*. О первичных долгих гласных в чулымско-тюркском языке. — «Советская тюркология», 1975, № 6, стр. 55—67; «Исследования по истории туркменского языка». Сборник статей. Т. II, Ашхабад, 1978, 208 стр.

²² *Р. Х. Ахметьянов*. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. Фонетика и лексика. М., 1978, 248 стр.; *Н. А. Баскаков*. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. Словосочетание и предлогение. М., 1975, 287 стр.; *А. Н. Мамедов*. Сравнительно-сопоставительное исследование глаголов современного азербайджанского и монгольского языков. Баку, 1976, 133 стр.; *М. Р. Федотов*. Сравнительная грамматика тюркских языков. Учебное пособие. Чебоксары, 1975, 220 стр.; *Б. Базилян*. Краткая сравнительно-историческая грамматика монгольского и казахского языков (на материале лексики и грамматики). Алма-Ата, 1974, 31 стр.

²³ *Д. Д. Васильев*. К изданию корпуса памятников тюркской рунической письменности бассейна Енисея. — В кн.: «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР», I, М., 1975, стр. 91—95.

²⁴ *С. Г. Кляшторный*. Руническая эпиграфика Южной Сибири (Наскальные надписи Тенгеса и Турапа). — «Советская тюркология», 1976, № 1, стр. 66—70; *Л. Р. Кызласов, И. Л. Кызласов*. Средневековая пограничная надпись с низовьев Уйбата (Хакасия). — «Советская тюркология», 1976, № 1, стр. 58—65; *Д. Д. Васильев*. Тюркская руническая надпись из окрестностей Баян-Кола (Тува). — «Советская тюркология», 1976, № 9, стр. 97—101; *его же*. Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала. — «Советская тюркология», 1976, № 1, стр. 71—81; *Д. М. Насилов*. Памятники древнетюркской письменности (орхоно-енисейские и древнеуйгурские) в отечественных тюркологических исследованиях последних лет (Обзор лингвистических публикаций, 1969—1974 гг.). — «Советская тюркология», 1976, № 1, стр. 82—101; *его же*. К истории вспомогательных глаголов в тюркских языках. — В кн.: «Тюркологические исследования», М., 1976, стр. 158—167; *И. В. Кормушин*. К основным понятиям тюркской рунической палеографии. — «Советская тюркология», 1975, № 2, стр. 25—47; *В. Г. Кондратьев*. Об отношении языка древнеуйгурских памятников к современным тюркским языкам. — «Вестник Ленинградского университета», 1974, № 20. История, язык, литература. Вып. 4, стр. 147—150; *А. Аманжолов*. Уточненные енисейские надписи. — «Казахский язык и литература», Алма-Ата, 1974, вып. 5, стр. 100—104; *М. Г. Крамаровский*. К атрибуции золотоордынского ковша с тюркской надписью. — В кн.: «Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока», Л., 1975, стр. 70—75; *М. З. Закиев*. О периодизации истории тюркских письменных литературных языков. — «Советская тюркология», 1975, № 5, стр. 3—11; *Б. А. Серебренников*. Заметки по истории тюркских языков. — В кн.: «Тюркологические исследования», М., 1976, стр. 202—211; *Э. Р. Тенишев*. Отражение диалектов в тюркских рунических и уйгурских памятниках. — «Советская тюркология», 1976, № 1, стр. 27—33; *его же*. О построении истории народно-разговорного и литературного языков. — В кн.: «Тюркологические исследования», М., 1976, стр. 230—232; *М. А. Ахметов*. Глагол в языке орхоно-енисейских памятников (в сравнительном плане с современным башкирским языком), Саратов, 1978, 131 стр.; *А. Раджабов*. Глаголообразование в языке орхоно-енисейских памятников. Автореф. докт. дисс., Алма-Ата, 1977, 45 стр.; *И. Г. Галаяудинов*. Некоторые проблемы выявления и изучения письменных памятников Башкирии. — В кн.: «Аспекты лингвистического анализа (на материале языков разных систем)», 1974, стр. 521—531; *Ю. Мамедов*. Имена в орхоно-енисейских памятниках (имя существительное, прилагательное, числительное и местоимение). Учебное пособие, 1979, ч. I, 114 стр.; *А. Есенгулов*. Словообразование в древнетюркской письменности. Алма-Ата, 1976, 240 стр.

²⁵ *Л. Ю. Тугушева*. Язык деловых документов как функционально-стилистическая разновидность литературно-письменного языка в древнеуйгурском обществе. — В кн.: «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР». М., 2, 1975, стр. 71—73; *ее же*. Два уйгурских документа из рукописного собрания ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР. — «Советская тюркология», 1975, № 4, стр. 92—101; *ее же*. Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-Цзана. М., 1980, 175 стр.

²⁶ *А. Шукуров, А. Магерамов*. Язык памятников древнетюркской письменности, 1976, 200 стр.

²⁷ *Ф. С. Хакимзянов*. Язык эпитафий волжских булгар. М., 1978.

²⁸ *Э. Н. Наджип*. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века. На материале «Хосрау и Ширин» Кутба. Книга I, М., 1979, 478 стр.

²⁹ «Изысканный дар тюркскому языку». Грамматический трактат XIV века на арабском языке. Введение, лексико-грамматический очерк, перевод, глоссарий, грамматический указатель Э. И. Фазылова и М. Т. Зияевой. Ташкент, 1978, 450 стр.

³⁰ А. К. *Курмышжанов*. Исследование по лексике «Тюркско-арабского словаря», Алма-Ата, 1970; «Таржумон» — XIV аср ёзма обидаси. Тошкент, 1980, 127 стр.

³¹ Я. С. *Ахметгалеева*. Исследование тюркоязычного памятника «Кисекбаш китабы», М., 1979, 191 стр.; С. С. *Джикия*. Турецкая надпись XVIII века из Кутанси. — В кн.: «Юбилейный сборник, посвященный 100-летию со дня рождения академика И. А. Джавахишвили», Тбилиси, 1976, стр. 380—389; К. *Омиралиев*. Язык казахской поэзии XV—XIX веков. Алма-Ата, 1976, 270 стр.

³² Л. Т. *Махмутова*. Опыт исследования тюркских диалектов: мишарский диалект татарского языка. М., 1978, 269 стр.; Д. Г. *Тумашева*. Диалекты сибирских татар. Опыт сравнительного исследования. Казань, 1977, 294 стр.; Ф. Ю. *Юсупов*. Говоры татар Южного Урала и Зауралья. Казань, 1979, 184 стр.; «Материалы по татарской диалектологии». Казань, 1978, 132 стр.; «Материалы по татарской диалектологии», Казань, 1974, 135 стр.; Н. Х. *Максютова*. Восточный диалект башкирского языка. В сравнительно-историческом освещении. М., 1976, 292 стр.; С. Ф. *Миржанова*. Южный диалект башкирского языка. М., 1979, 272 стр.; Н. Х. *Ишбулатов*. Сравнительное исследование диалектов башкирского языка (Фонетика, Морфология). Автореф. докт. дисс. Уфа, 1975, 53 стр.; Ш. Ш. *Сарыбаев*. Казахская национальная лексикография. Алма-Ата, 1976, 216 стр.; А. *Нурмагамбетов*. Западная группа говоров казахского языка. Алма-Ата, 1978, 216 стр.; Ф. Ф. *Алиев*. Очерки по лексике языка тюрков Казахстана. Алма-Ата, 1978, 100 стр.; М. Ш. *Ширалиев*. Носовые гласные (на материале диалектов и говоров азербайджанского языка). — В кн.: «Turcologica. К 70-летию академика А. Н. Кононова». Л., 1976, стр. 181—183; В. Т. *Джангидзе*. Ингилойский диалект в Азербайджане. Тбилиси, 1978, 176 стр.; А. *Велиев*. Азербайджанская диалектология (Морфология и синтаксис переходных говоров). Учебное пособие. Баку, 1975, 119 стр.; Д. *Худайберген*ов. Емрелинский диалект туркменского языка. Ашхабад, 1977, 128 стр.; Н. *Мавыев*. Некоторые особенности фонетики диалекта арабчи туркменского языка. — «Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук», 1974, № 5, стр. 90—93; «Некоторые проблемы туркменского языка и диалектологии». Ашхабад, 1976, 111 стр.; Д. С. *Насыров*. О работе над диалектологическим атласом каракалпакского языка. — «Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР», Нукус, 1975, № 1, стр. 70; *его же*. Становление каракалпакского общенародного разговорного языка и его диалектная система. Нукус—Казань, 1976; У. *Доспанов*. Лексика южного диалекта. Нукус, 1977, 264 стр.; А. Ш. *Шерматов*. Узбекские народные говоры Кашкадарьинской области. Ташкент, 1978, 144 стр.; *его же*. Тексты по узбекским народным говорам. (Учебное пособие). Ташкент, 1974, ч. 1, 164 стр.; Х. *Данияров*. Опыт изучения джекающих диалектов в сравнении с узбекским литературным языком. Ташкент, 1975, 240 стр.; *его же*. Лексика кыпчакских диалектов. Ташкент, 1979, 160 стр.; *его же*. Опыт изучения джекающих (кыпчакских) диалектов в сравнении с узбекским литературным языком (на материале Самаркандской и Джизакской областей). Ташкент, 1975, 239 стр.; *его же*. Староузбекский литературный язык и кыпчакские диалекты. Тексты лекций. Ташкент, 1976, 139 стр.; Ф. А. *Абдуллаев*. Огузское наречие узбекского языка. Ташкент, 1978, 142 стр.; Ю. *Джуманазаров*. Синтаксис южно-узбекского диалекта узбекского языка. Ташкент, 1976, 136 стр.; Н. *Раджабов*. Диалекты западного Самарканда. Ташкент, 1977, 172 стр.; А. *Ишав*ев. Узбекские говоры в Каракалпакской АССР. Ташкент, 1977, 176 стр.; Э. Ю. *Уразов*. Узбекские говоры Южной Каракалпакии. Ташкент, 1978, 136 стр.; «Узбекские говоры Ташкентской области». Ташкент, 1976, 172 стр.; Г. С. *Садвакасов*. Язык уйгуров Ферганской долины. Алма-Ата, 1976, 287 стр.; Н. П. *Барашков*. Изучение говоров и диалектов якутского языка. — В кн.: «Бюллетень научно-технической информации. Вопросы истории, литературы и языка», Якутск, 1975, стр. 13—17; Ж. М. *Гузеев*. Об одной особенности сингармонизма в цокающем диалекте карачаево-балкарского языка. — «Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института при Совете Министров КБ АССР», Нальчик, 1975, т. 27, стр. 131—133.

³³ «Вопросы строя енисейских языков». Новосибирск, 1979; «Языки народов Сибири», вып. 3, Кемерово, 1979; «Языки и топонимия Алтая». Барнаул, 1979; «Язык бачатских телеутов». Кемерово, 1976.

³⁴ «Исследования по исторической диалектологии татарского языка». Казань, 1979;

³⁵ «Краткий диалектологический словарь туркменского языка». Под ред. А. *Аннацурова*. Ашхабад, 1977, 215 стр.; Д. *Мукамбаев*. Диалектологический словарь киргизского языка. Изд. 2-е, исправленное, Фрунзе, т. I, 1976, 733 стр.

³⁶ Г. Х. *Ахатов*. Татарская диалектология. Учебное пособие. Уфа, 1977; Г. *Калиев*, Ш. *Сарыбаев*. Казахская диалектология, Алма-Ата, 1979, 204 стр.

³⁷ В. В. *Решетов*, Ш. *Шаабдурахманов*. Узбекская диалектология. Учебник. Ташкент, 1978, 232 стр.

³⁸ Н. З. *Гаджиева*. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. Среднеазиатский ареал. М., 1975, 303 стр.; *ее же*. Тюркоязычные ареалы Кавказа. М., 1979.

³⁹ Г. Ф. *Благова*. Тюркское склонение в ареальном освещении (юго-восточный регион). Автореф. докт. дисс. М., 1980; Р. М. *Бирюкович*. Морфология чулымско-тюркского языка. Ч. I. Категория имени существительного (Учебно-методические материалы). М., 1979, *ее же*. Строй чулымско-тюркского языка. Автореф. докт. дисс. М., 1980; В. И. *Рассадин*. Об одном ареальном явлении фонетики тофаларского языка. — В кн.: «Прогно-

хождение аборигенов Сибири и их языков», Томск, 1976, стр. 57—60; З. А. Магдиева. Характеристика морфологических изоглосс кумыкского языка в тюркоязычном ареале Кавказа (Формы индикатива). М., 1975, 61 стр.

⁴⁰ «Толковый словарь казахского языка». Т. I (А—Ә), Алма-Ата, 1974, 696 стр.; «Толковый словарь казахского языка». Т. II, Алма-Ата, 1976, 690 стр.; «Толковый словарь казахского языка». Т. III (Ғ—Ж), Алма-Ата, 1978, 736 стр.; «Толковый словарь казахского языка». Т. IV (Ж—Қ), Алма-Ата, 1979, 672 стр.; «Толковый словарь татарского языка в 3-х томах». Т. I (А—Й), Казань, 1977, 475 стр.; «Толковый словарь татарского языка в 3-х томах». Т. II (Қ—С), Казань, 1979, 726 стр.

⁴¹ «Русско-азербайджанский словарь». 3-е исправленное и дополненное изд., г. I (А—К). Баку, 1971, 605 стр.; т. 2 (Л—П), 1975, 712 стр.; т. 3 (Р—Я), 1978, 555 стр.; В. Г. Шербинин. Краткий турецко-русский словарь. 8400 слов. М., 1977, 405 стр.; Г. И. Антелава. Краткий турецко-русский словарь «новых» слов. Тбилиси, 1978, 95 стр.; «Краткий узбекско-русский словарь». Около 10000 слов, 3-е изд. Ташкент, 1977, 264 стр.; М. Ф. Чернов. Краткий русско-чувашский фразеологический словарь. Чебоксары, 1975, 192 стр.; «Русско-казахский словарь». 65000 слов. Алма-Ата, 1978, 576 стр.

⁴² А. Н. Баскаков, Н. П. Голубева, А. А. Кямилаева и др. Турецко-русский словарь 48000 слов. М., 1977, 966 стр.; Э. М. Мустафаев, В. Г. Шербинин. Русско-турецкий словарь, М., 1972, 1028 стр.

⁴³ А. Болганбаев. Словарь синонимов казахского языка (2-е переработанное и дополненное издание), Алма-Ата, 1975, 308 стр.; Р. Шукуров. Антонимы в узбекском языке. Ташкент, 1977, 150 стр.; А. Н. Тихонов, Н. Т. Хатамов, С. А. Емельянова, М. Ю. Тихонова. Русско-узбекский тематический словарь. Ташкент, 1975, 520 стр.; 2-е издание, Ташкент, 1979, 519 стр.; А. Кешилев. Тайны слова. Ашхабад, 1975, 297 стр.; Е. Койчубиев. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата, 1974, (на казахском языке), 274 стр.; О. Т. Молчанова. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979, 398 стр.; Ж. Мукамбаев, А. Османкулов. Морфемный словарь киргизского языка. Фрунзе, 1978, 380 стр.; «Словарь паронимов». Ташкент, 1974; А. К. Курмышжанов, А. Х. Джубанов, А. Б. Белботаев. Куманско-казахский частотный словарь, Алма-Ата, 1978, 277 стр.; К. Б. Бектаев, А. Х. Джубанов, С. М. Мирзабеков, А. Б. Белботаев. Частотный словарь по роману М. О. Ауэзова «Путь Абая», Алма-Ата, 1979, 336 стр.; А. А. Абдрахманова. Топонимика и этимология. Алма-Ата, 1975, 208 стр.; А. Гундогдыев, М. Алтаев. Туркменско-английский разговорник. Ашхабад, 1973, 343 стр.; А. М. Плутницкий. Немецко-русско-киргизский словарь. Фрунзе, 1974, 368 стр.; Д. Буранов, К. Рахманбердыев, Ю. Аглаев. Англо-узбекский словарь, Ташкент, 1977, 260 стр.; «Киргизско-русско-немецкий словарь». Фрунзе, 1977, 257 стр.; М. Ж. Таттибаева. Немецко-казахский словарь. Алма-Ата, 1977, 640 стр.; Е. И. Якубова, П. Р. Туляганов. Русско-латинско-узбекский медицинский словарь. Ташкент, 1978, 188 стр.; Ш. Х. Джебраилбекова, А. Н. Салаева, М. М. Абдуллаева и др. Англо-азербайджанский словарь. Баку, 1979, т. I, 200 стр.; С. Шамбаев, Д. Джусаев. Киргизско-русско-английский словарь. Фрунзе, 1978, 232 стр.; «Гагаузско-русско-молдавский словарь». М., 1973, 664 стр.; Д. Худайбердыев. Латинско-русско-туркменский словарь анатомических терминов. Ашхабад, 1974, 110 стр.; В. Гукасян. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974, 298 стр.; Т. Ж. Жанузаков. Тайны имен. Алма-Ата, 1974, 132 стр.; Н. Д. Ундасынов. Персидско-казахский словарь. Алма-Ата, 1974, 384 стр.; Е. Б. Бекмухаметов. Арабско-персидские слова в казахском языке. Толковый словарь заимствований. Алма-Ата, 1977, 199 стр.; А. Шафаи, Д. Зильфигаров. Краткий персидско-азербайджанский словарь идиоматических выражений. Учебное пособие, Баку, 1978, 96 стр.; А. Рустамов и др. Персидско-узбекский учебный словарь. Ташкент, 1975, 200 стр.; М. Магеррамов. Краткий русско-азербайджанский военный словарь. Баку, 1975, 128 стр.

⁴⁴ «Орфографический словарь азербайджанского языка». Баку, 1975, 599 стр. «Орфографический словарь узбекского языка». Ташкент, 1976, 632 стр.; «Орфографический словарь якутского языка». Издание переработанное и дополненное, Якутск, 1975, 192 стр.; «Орфографический словарь казахского языка». Алма-Ата, 1977, 480 стр.; Х. Неталиева. Орфографический словарь казахского языка. Алма-Ата, 1977, 400 стр.; «Орфоэпический словарь азербайджанского языка». Баку, 1975, 599 стр.; Л. Н. Титова. Киргизско-русский ассоциативный словарь. Фрунзе, 1975, 95 стр.; М. Тагиев. Русско-азербайджанский фразеологический словарь. Баку, 1974, 246 стр.; М. Ф. Чернов. Краткий русско-чувашский фразеологический словарь. Чебоксары, 1975, 191 стр.; Ш. Рахматуллаев. Толковый фразеологический словарь узбекского языка. Пособие. Ташкент, 1978, 407 стр.; А. А. Оруджев. Азербайджанско-русский фразеологический словарь (5500 выражений), Баку, 1976, 247 стр.; З. Г. Ураксин. Фразеология башкирского языка. М., 1975, 192 стр. К. Атаев, Г. Ачлова, А. Боржаков и др. Фразеологический словарь туркменского языка. Ашхабад, 1976, 399 стр.; М. Абдурахимов. Узбекско-русский словарь афоризмов. Ташкент, 1976, 216 стр.; М. Р. Насырова. Русско-казахский краткий словарь социально-экономических терминов, Алма-Ата, 1979, 347 стр.; Х. Ю. Бекмухамедов. Толковый словарь исторических терминов. Ташкент, 1978, 184 стр.; К. Б. Жарикбаев, А. Абдурахманов. Русско-казахский словарь психологических терминов. Алма-Ата, 1976,

84 стр.; Г. А. Мавлянов, Г. А. Утюшев. Русско-узбекский словарь геологических терминов. Ташкент, 1978, ч. 1, 304 стр.; З. Н. Саиднасырова, Т. Б. Деркулова. Русско-узбекский краткий толковый словарь по химии. 2-е изд., Ташкент, 1975, 696 стр.; К. Тургунов. Русско-узбекский толковый словарь психологических терминов. Ташкент, 1975, 196 стр.; В. Закирова. Грамматические термины в киргизском языке. Фрунзе, 1976, 151 стр.; Б. Урстанбеков. Краткий русско-киргизский терминологический словарь по археологии. Фрунзе, 1979, 152 стр.; Е. Бекмухаметов, Н. Сыздыков, А. Абдурахманов. Русско-казахский политехнический толковый словарь. Алма-Ата, 1979, 400 стр.; Н. Т. Хатамов, Б. Сарымсаков. Русско-узбекский толковый словарь литературоведческих терминов. Учебное пособие. Ташкент, 1979, 366 стр.; Н. Маматов, С. Р. Мухамедханов. Русско-узбекский краткий толковый словарь по хлопководству. Ташкент, 1977, 404 стр.; Д. С. Насырова, А. Бекбергенов, А. Жаримбетов. Русско-каракалпакский словарь лингвистических терминов. Нукус, 1979, 230 стр.; «Туркменско-русский словарь сельскохозяйственных терминов». Ашхабад, 1979, 110 стр.; З. С. Дусаев. Русско-татарский географический словарь. Казань, 1977, 191 стр.; К. Жумадылов. Краткий русско-киргизский словарь-справочник экономических терминов (проект), Фрунзе, 1977, 322 стр.; К. А. Алымкулов, С. М. Маджидов, А. А. Эфендизаде и др. Терминологический словарь по автоматическому управлению. Русско-англо-азерб.-кирг.-туркм.-узб. Баку, 1977, 643 стр.; «Словарь общественно-политических терминов». Ташкент, 1976, 350 стр.; «Словарь терминов по физкультуре и спорту». Баку, 1975, 70 стр.

⁴⁵ Э. В. Севортыя. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974, 767 стр.; *его же*. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978, 349 стр.; *его же*. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г», «Д», М., 1980, 396 стр.

⁴⁶ К. М. Мусаев. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. Запдно-кипчакская группа. М., 1975, 359 стр.; А. А. Юлдашев. Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972, 416 стр.; И. Расулов. Лексика узбекского языка в период Великой Отечественной войны. Ташкент, 1977, 111 стр.; Т. Айдаров. Лексические особенности казахского языка. Алма-Ата, 1975, 184 стр.; Б. Чарыяров, С. Алтаев. Туркменская лексикография. — «Советская тюркология», Баку, 1976, № 3, стр. 120—122; М. Миртаджиев. Полисемия в узбекском языке. Ташкент, 1975, 140 стр.; Т. Айдаров. Лингвистическая география. Алма-Ата, 1977, 144 стр.; Я. Ш. Хертек. О семантической структуре фразеологизмов тувинского языка. — «Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», Кызыл, 1975, вып. 17, стр. 160—167; У. Айтбаев. Фразеологизмы и проблемы их перевода. Алма-Ата, 1975, 228 стр.; Г. Байрамов. Основы фразеологии азербайджанского языка. Баку, 1978, 176 стр.; Н. М. Отаров. Профессиональная лексика карачаево-балкарского языка (На материале названий одежды и обуви). Нальчик, 1978, 108 стр.; Р. Барлыбаев. Общественно-политическая лексика в современном казахском языке. Алма-Ата, 1978, 144 стр.; Д. Х. Базарова. История формирования и развития зоологической терминологии узбекского языка (На материале названий птиц). Ташкент, 1978, 223 стр.; М. Пенджиев. Земледельческая лексика туркменского языка. Ашхабад, 1979, 182 стр.; Т. Дуйшаналиева. Опыт упорядочения киргизской терминологической системы. — В кн.: «Вопросы киргизской терминологии», Фрунзе, 1975, стр. 3—16; А. Уразиева. Из истории упорядочения киргизской терминологической системы. — В кн.: «Вопросы киргизской терминологии», Фрунзе, 1975, стр. 39—56; З. Акылбекова. О роли заимствованной лексики в формировании терминологических систем. — В кн.: «Вопросы киргизской терминологии», Фрунзе, 1975, стр. 57—78; С. Ф. Сегелней. Пути обогащения общественно-политической терминологии тувинского языка. — «Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории», Кызыл, 1975, вып. 17, стр. 149—159; Д. Ф. Рашидова. Из опыта сопоставительного структурно-семантического анализа философских терминов в узбекском и немецком языках. — «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1976, № 8, стр. 42—48; И. К. Уюкбаев. Проблема вариантности в современном казахском языке. Алма-Ата, 1976, 144 стр.; И. Кучкартаев. Значение слова и его валентность. Ташкент, 1977, 168 стр.; М. Ф. Чернов. Изучение фразеологических единиц в тюркологии. — «Труды научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР», Чебоксары, 1975, вып. 59, стр. 40—90; Э. А. Умаров. Фразеологические словари тюркских языков. — В кн.: «Сибирский тюркологический сборник. Сборник научных трудов», Новосибирск, 1976, стр. 195—200; М. Журсинова. Пути раскрытия значения слов в толковом словаре. — «Казахский язык и литература», Алма-Ата, 1975, вып. 7, стр. 103—105.

⁴⁷ Г. Х. Ахатов. Лексика современного татарского языка (Пособие для студентов-заочников), Уфа, 1975, 131 стр.; *его же*. Лексикология современного татарского языка. Учебное пособие, Казань, 1979, 132 стр.; А. Болганбаев. Лексикология казахского языка. Алма-Ата, 1979, 176 стр.; М. А. Белбаева. Лексикология современного казахского языка. Алма-Ата, 1976, 116 стр.; «Лексикология современного чувашского языка». — «Сборник трудов НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР», Чебоксары, 1978, 200 стр.; З. Вердиева, Ф. Агаева, М. Адилев. Семасиология азербайджанского языка. Баку, 1979, 308 стр.

⁴⁸ Н. А. Баскаков. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979; Е. Н. Шипова. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976; Х. И. Суюнчев. Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. Черкесск, 1977, 147 стр.; Б. И. Татаринцев. Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл, 1976, 130 стр.; М. Х. Маннай-оол, Б. И. Татаринцев. К вопросу об участии кетоязычного компонента в этногенезе тувинцев. — В кн.: «Происхождение аборигенов Сибири и их языков», Томск, 1975, стр. 180—182; Н. А. Андреев. Иранско-чувашиские этнокультурные и языковые параллели. — «Труды научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР», Чебоксары, 1975, вып. 59, стр. 91—113; Т. М. Филиппова. О некоторых результатах сопоставления селькупской лексики с тюркской. — В кн.: «Вопросы языка и литературы народов Сибири». Новосибирск, 1974, стр. 81—86; Э. Г. Азербайев. Вопросы тюркско-японских языковых связей (Фонетико-лексическое исследование). Автореф. канд. дисс., Алма-Ата, 1975, 43 стр.; О. Т. Молчанова. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979, 398 стр.

⁴⁹ Т. Гаджиев. Азербайджанский литературный язык начала XX века. Баку, 1977, 188 стр.; М. Джангиров. Образование азербайджанского национального литературного языка. Баку, 1978, 236 стр.; А. Маггазиев. Исследование по морфологии староузбекского языка (конец XVI—до 70-х годов XIX в.). Автореф. докт. дисс., Ташкент, 1979; К. Ю. Юсупов. Экстралингвистические факторы развития узбекского литературного языка первой половины XX века. Ташкент, 1979, 128 стр.; М. З. Закиев. Образование языка татарского народа. Казань, 1977, 207 стр.; С. М. Исаев. Становление и развитие языка казахской периодической печати. Автореф. докт. дисс., Алма-Ата, 1974, 106 стр.

⁵⁰ О. П. Анжиганова. Развитие современного хакасского литературного языка. — В кн.: «Великий Октябрь и социально-экономическое развитие Хакасии». Абакан, 1978, стр. 168—174; Э. И. Фазылов. Русский язык — средство дружбы и братства. Ташкент, 1974; П. П. Петров. Развитие лексики чувашского литературного языка в связи с развитием его общественных функций. — В кн.: «Вопросы чувашской фонетики и лексикологии». Чебоксары, 1976, стр. 100—110; *его же*. Чувашский язык в советскую эпоху. Развитие социальных функций и литературных норм. Чебоксары, 1980, 207 стр.; А. Е. Горшков. Развитие чувашского языка в условиях братской дружбы народов СССР. — В кн.: «В великом содружестве советских народов», Чебоксары, 1974, стр. 137—150; М. А. Хабичев. Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа. Черкесск, 1980, 150 стр.; Ф. А. Абдуллаев. Проблемы функционального развития литературного языка. — «Узбек тили ва адабиёти», Ташкент, 1974, № 5, стр. 64—69.

⁵¹ З. Ахметов. Теория поэтической речи. Алма-Ата, 1973, 212 стр.; Х. Р. Курбатов. Татарская лингвистическая стилистика и поэтика. М., 1978, 218 стр.; Е. Жанпейсов. Язык эпопеи «Путь Абая» М. Ауэзова. Алма-Ата, 1976, 168 стр.; «Язык чувашской художественной литературы». Сборник статей. Чебоксары, 1978, 172 стр.; Х. Каримов, Е. Жанпейсов. Язык Беймбета — язык образов. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филологическая», 1974, № 3, стр. 35—43; Т. Кониоров. О языковом мастерстве Сакена Сейфуллина. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филологическая», 1974, № 3, стр. 20—27; Ф. М. Газизова. Язык и стиль прозы Г. Ибрагимова. Автореф. канд. дисс., Уфа, 1975, 33 стр.; Р. Кунгуров. Изобразительно-выразительные средства узбекского языка. Ташкент, 1977, 152 стр.; Л. Абдуллаев. Лексическая стилистика узбекской художественной литературы. Ташкент, 1979, 150 стр.; Р. Магеррамова. Язык Сабира. Баку, 1976, 108 стр.; Т. Гаджиев. Язык писателя и идейно-художественный анализ. Баку, 1979, 132 стр.; М. Мураталиев. Язык героических эпосов малых форм. Фрунзе, 1976, 182 стр.

⁵² Ш. Рашидов. Язык дружбы и братства. Ташкент, 1979, стр. 27.

⁵³ Э. И. Фазылов. Развитие национальных языков в СССР и его искажение идеологами антикоммунизма. — «Общественные науки в Узбекистане», 1980, № 3, стр. 39—45; *его же*. Узбекский язык и буржуазные фальсификаторы. — «Узбек тили ва адабиёти», 1977, № 3; *его же*. Русский язык — средство межнационального общения и сотрудничества. — «Узбек тили ва адабиёти», 1979, № 3.

⁵⁴ Л. В. Дмитриева, С. Н. Муратов. Описание тюркских рукописей Института востоковедения. М., 1975, 231 стр.; М. Сырдыбаев, С. Тургулбаев. Текстологическое изучение произведений Токтогула. Фрунзе, 1975, 110 стр.; Л. В. Дмитриева, С. Н. Муратов. О состоянии, описании и изучении тюркских арабоязычных памятников в хранилищах Ленинграда. — В кн.: «Принципы научного описания археографических памятников народов Востока. Материалы Всесоюзного совещания 11—12 октября 1977». Баку, 1977, стр. 26—29; Г. Назаров. О рукописном фонде Института языка и литературы им. Махтумкули АН Туркменской ССР и описаниях тюркоязычных рукописей. — Там же, стр. 64—67.

⁵⁵ Л. Г. Чичулина. Роль русских ученых в исследовании узбекского языка, 1975, 44 стр.; А. Моллаев. Вопросы туркменской фонетики в дореволюционных трудах русских ученых. — «Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук», 1975, № 6, стр. 67—75; Ж. А. Аралбаев. Вопросы казахской фонетики в трудах русских ученых. — В кн.: «Вопросы казахской фонетики и морфологии», Алма-Ата, 1979, стр. 53—63; Р. Сыздыкова. Деятельность русских ученых и авторов по развитию казахской лексикографии. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филологическая», 1975, № 1, стр. 3—9.

⁵⁶ С. Н. Новгородов. Первые шаги якутской письменности. Статьи и письма. М., 1977,

272 стр.; *К. Убайдуллаев*. Избранные труды по каракалпакскому языку. Подготовка к печати: Бекбергенов А., Дауенов Е., Давлетов М., Ембергенов У. Нукус, 1976, 164 стр.

⁵⁷ *Р. А. Аганин*. Турецкая лексикография в СССР (1917—1977). — «Советская тюркология», 1978, № 3, стр. 80—94; *С. Б. Бернштейн*. Балканская тюркология в СССР. — В кн.: «Балканские исследования», М., 1979, вып. 5, стр. 222—231; *Т. М. Гарипов*. Проблемы и перспективы изучения кыпчакских языков Урало-Поволжья. — В кн.: «Turcologica. К 70-летию академика А. Н. Кононова», Л., 1976, стр. 47—55; *С. С. Джикия*. Состояние изучения тюркских языков и литературы в Грузии к 60-летию Октябрьской революции. — «Известия АН Грузинской ССР. Серия языка и литературы», Тбилиси, 1978, № 1, стр. 5—17; *Е. Коркина, Е. Убрятова*. Якутоведение на современном этапе. — «Общественные науки», М., 1979, № 6, стр. 167—172; *Р. Кунгуров*. О некоторых актуальных вопросах современного узбекского языкознания. — В кн.: «Самаркандская научная конференция работников вузов и научно-исследовательских учреждений. 5-я. 1973. Сер. Филол. наук, языкознание». Самарканд, 1976, стр. 36—41; *Д. А. Монгуш*. Итоги и задачи изучения тувинского языка. — В кн.: «Тувинский язык и литература в послеоктябрьский период». Кызыл, 1977, стр. 13—30; *Э. Б. Мухамедова*. Проблемы и достижения историков туркменского языка. — «Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук», 1977, № 4, стр. 36—47; *М. К. Мухарямов*. Основные направления деятельности института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФ АН СССР. — В кн.: «Развитие гуманитарных наук в Татарии». Казань, 1977, стр. 30—40; *Ш. Сарыбаев*. Казахское советское языкознание — детище Октября. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филологических наук», 1977, № 3, стр. 1—9.

⁵⁸ *П. Азимов*. Слово об учителе (о Х. М. Байлиеве). Ашхабад, 1979, 40 стр.; *А. Г. Каримуллин*. Татарская книга начала XX века. Казань, 1974, 319 стр.; *А. П. Базилянц*. Вл. А. Гордлевский, М., 1979; *К. И. Гурницкий*. Агафангел Ефимович Крымский. М., 1980, 192 стр.; *М. З. Закиев*. Казанская школа тюркологов и грамматики на татарском языке (Конец XIX и начало XX в.). — В кн.: «Turcologica. К 70-летию академика А. Н. Кононова», Л., 1976, стр. 73—78; *А. Валеева*. Башкирское языкознание (1967—1977 гг.). Уфа, 1979, 37 стр.; *Ш. М. Саадиев*. А. А. Оруджев. Библиография. Баку, 1978, 55 стр.; *Г. Айдаров*. Библиографический указатель литературы по енисейско-орхонским и таласским памятникам древнетюркской письменности. Алма-Ата, 1979, 145 стр.; *Д. С. Насыров, А. Бекбергенов, В. Бекназаров*. Библиографический указатель по каракалпакскому языкознанию (1925—1976 гг.), Нукус, 1978, 90 стр.

З. А. АХМЕТОВ, М. К. КОШЧАНОВ, А. С. САДЫКОВ,
И. А. СУЛТАНОВ, Т. М. МИРЗАЕВ

ИЗУЧЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ФОЛЬКЛОРА ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ СССР. СОСТОЯНИЕ И ЗАДАЧИ

В классической литературе Востока распространенным жанром были многочисленные «тазкира», представляющие собой своеобразное сочетание истории, литературы и литературной критики. Зачатки науки о литературе были представлены также в произведениях таких жанров, как «рисалаи санаеъ», «рисалаи кофия», «рисалаи аруэ», освещавших различные вопросы теории художественного слова, с точки зрения представлений о них в средние века.

Большое практическое и теоретическое значение для формирования литературоведения имели содержащиеся в произведениях Низами, Навои, Физули, Махтумкули, Абая, Бердаха высказывания о задачах и средствах художественного творчества.

В дореволюционной истории литературы не существовало науки о фольклоре. Однако выдающиеся писатели прошлого широко использовали в своих бессмертных произведениях сюжетные мотивы, образы и художественные приемы тюркского эпоса. Этот факт, безусловно, является важнейшим критерием оценки тюркского фольклора как замечательного источника поэтического творчества позднейших эпох.

В конце XIX — начале XX века у отдельных тюркоязычных народов нашей страны (в частности у татар и азербайджанцев) под влиянием великой русской культуры формируется литературоведение в современном его понимании. Зачатки зарождения литературоведческой науки в среднеазиатских республиках относятся к началу нынешнего столетия. Труды выдающихся ученых — В. В. Бартольда, И. Ю. Крачковского, А. Н. Самойловича, Е. Э. Бертельса и других, — посвященные истории и литературе тюркоязычных народов, стали образцами для молодого литературоведения тюркоязычных народов.

Однако зарождение и развитие литературоведения как науки, основанной на принципах марксистско-ленинской эстетики с широко разработанной методологией, связано с победой Октябрьской революции в нашей стране, с успехами культурной революции.

В формировании советского марксистско-ленинского литературоведения огромную роль сыграли труды Маркса, Энгельса и Ленина. Непреходящее значение имеет руководство КПСС развитием науки, искусства и литературы в нашей стране. На каждом этапе становления советского искусства и литературы КПСС вооружает писателей и ученых до-

В основу статьи положен текст доклада, прочитанного на III Всесоюзной тюркологической конференции в Ташкенте 10 сентября 1980 г.

кументами большого теоретического и практического содержания, являющимися важным вкладом в развитие марксистско-ленинской идеологии. Велика и направляющая роль съездов советских писателей, обсуждающих коренные вопросы литературы, ее связи с жизнью. Огромное значение для развития советского литературоведения имел I съезд советских писателей, определивший социалистический реализм как основной творческий метод многонациональной советской литературы.

Большой вклад в формирование и развитие литературоведения как науки внесли сами творцы литературы — выдающиеся советские писатели. Научные работы, статьи и высказывания С. Сейфуллина и М. Ауэзова, С. Вургунга и Х. Алимджана, А. Ибрагимова и А. Токомбаева, Айбека и Кербабаева, Г. Гуляма и Н. Довкараева и других талантливых представителей многонациональной советской литературы служат прочной основой для решения многих теоретических вопросов литературы и фольклора. Ими были разработаны принципы марксистско-ленинского подхода к проблемам литературного наследия, решены многие актуальные задачи развития советской литературы.

Огромным достижением культурного строительства в тюркоязычных республиках и областях нашей страны явилось создание в каждой из них многочисленного и квалифицированного отряда литературоведов и фольклористов. Впервые в истории наших народов литературоведение, критика и фольклористика становятся профессиональным занятием многих сотен ученых. Опираясь на опыт передовой русской и мировой эстетической мысли, на лучшие традиции собственной национальной литературы, эти ученые утвердили в литературоведении важнейшие критерии оценки произведений литературы и искусства, основанные на принципах народности, гуманизма, коммунистической партийности и высокой художественности.

Усилиями большого отряда литературоведов и фольклористов проделана значительная работа по изучению литературного наследия. Практически все произведения классиков тюркоязычных литератур нашей страны неоднократно издавались в национальных республиках, основные из них переведены на русский язык, а с русского — на многие языки народов СССР и иностранные. Все периоды развития национальных литератур теперь уже изучены настолько, что можно смело говорить об отсутствии здесь «белых пятен». Выявлено все или почти все богатство литературного наследия каждого из народов.

Поиски новых, ранее неизвестных, авторов и памятников литературы продолжаются. Собран основной фонд фольклорного богатства, много сделано для издания образцов фольклора каждого народа в переводе на другие братские языки. Такие выдающиеся памятники тюркоязычного фольклора, как «Манас», «Алпамыш», «Деде Қорқуд» и другие, давно стали достоянием всех народов нашей страны. В Узбекистане осуществляется издание произведений народного творчества в 45 томах. Многотомники по фольклору издаются в Башкирии, Татарии и Каракалпакии. В Киргизии издается трехтомник эпоса «Манас».

Велико значение самого факта издания в Москве на русском языке истории национальных литератур и параллельно на русском и национальном языках — тюркоязычных эпосов в серии «Эпос народов СССР». Это значение выходит за рамки взаимного ознакомления советских народов с достижениями братских литератур. Данные московские издания показывают зарубежному читателю расцвет социалистической культуры на бывших отсталых окраинах России.

В издании капитальных трудов по истории национальных советских литератур, как и во всех достижениях советского литературоведения,

большая роль принадлежит ведущим ученым Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР.

За последние два десятилетия литературоведение и фольклористика развивались особенно интенсивно. Это связано, прежде всего, с изменениями в идеологической жизни нашей страны после XX съезда КПСС, с усилением роли искусства и литературы в условиях развитого социализма и перехода от социализма к коммунизму.

Не довольствуясь монографиями, посвященными отдельным периодам своей литературы, литературоведы Азербайджана, Казахстана, Туркмении, Узбекистана, Каракалпакии, Татарии и Башкирии перешли к созданию полных историй многовекового развития литературы. Во всех этих республиках изданы и продолжают издаваться многотомные истории национальных литератур.

Проблемам формирования азербайджанской советской литературы, развитию, становлению и расцвету в ней социалистического реализма посвящена двухтомная «История азербайджанской советской литературы» (1967). Аналогичным проблемам посвящены и однотомные «История узбекской советской литературы» (1967) и «История киргизской советской литературы» (1970). Издана фундаментальная «История узбекской литературы дооктябрьского периода» в пяти томах на узбекском языке. В настоящее время подготавливается двухтомник истории узбекской литературы на русском языке. В скором будущем выйдет история каракалпакской литературы на русском языке.

В Татарии создаются крупные историко-теоретические исследования обобщающего характера, раскрывающие новые аспекты изучения литературы. Татарские литературоведы подготавливают шеститомную историю национальной литературы.

При создании многотомных трудов по истории литературы возникают сложные проблемы теоретико-методологического характера, решение которых требует совместных усилий тюркологов — литературоведов, языковедов, философов, историков.

По мнению татарских литературоведов, проблемы освещения отдельных фольклорных памятников литературы, бытовавших у нескольких народов, желательнее обсудить при участии специалистов по древним периодам истории всех соответствующих тюркоязычных литератур.

Имеются дискуссионные моменты в вопросе периодизации истории литератур, поэтому возникает необходимость и в проведении совместных семинаров по обмену опытом. Татарские литературоведы считают (к их мнению присоединяемся и мы), что написание целостной истории любой национальной литературы требует углубленного анализа тенденций и закономерностей развития литературного процесса, установления четких границ между отдельными периодами и литературными эпохами, выявления характера изменчивости и развития.

Большим событием в культурной жизни нашей страны станет опубликование «Истории литератур народов Советского Востока дооктябрьского периода». Эта работа осуществляется общими силами литературоведов во главе с сотрудниками Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР и должна стать тем капитальным трудом, который будет служить образцом в создании истории национальных литератур.

Характерной чертой литературоведения последних двадцати лет является рост интереса к проблемам советского периода. Это нашло свое отражение, в частности, в создании многих монографических трудов о творчестве выдающихся представителей современных национальных литератур. Значительными событиями в литературоведении Казахстана стали монографии М. Каратаева, З. Ахметова, Е. Лизуновой, посвящен-

ные анализу творчества М. Ауэзова, С. Муканова, Г. Мусрепова и других выдающихся советских писателей Казахстана. В Киргизии написаны монографии о творчестве А. Токомбаева, Т. Сыдыкбекова, Ч. Айтматова.

Сосредоточенность внимания исследователей на изучении процессов современной литературы отнюдь не означает ослабления внимания к изучению литературного наследия. В этом отношении примером могут служить труды башкирских ученых, которые, как и литературоведы других республик, сочетают две актуальные задачи изучения литературы каждого народа — исследование путей развития национальной литературы в дореволюционном прошлом и роли традиций классиков в современном литературном процессе. Если в труде А. Харисова «Литературное наследие башкирского народа XVIII—XIX веков», вышедшем на башкирском и русском языках, впервые дана подробная характеристика литературного процесса этого периода, то в труде Г. Б. Хусаинова «Эпоха. Литература. Писатель» анализ историко-литературного процесса, начатый с литературы дореволюционного прошлого, доведен до освещения проблем современного развития литературы башкирского народа. Аналогичные работы созданы и узбекскими, и азербайджанскими учеными.

Таковы наиболее общие итоги работы по изучению литературы и фольклора за последние двадцать лет.

Для национальных литератур последнего двадцатипятилетия характерно бурное развитие эпических жанров, появление масштабных полотен, отражающих социально-экономические, идеологические, культурные сдвиги в жизни народов СССР, успехи в коммунистическом воспитании народных масс.

Крупнейшим достижением социализма является формирование новой исторической общности людей. Этот выдающийся факт и другие существенные черты в развитии советского общества находят в той или иной мере свое отражение в литературе. И литературоведение, особенно его боевой отряд — литературная критика, тщательно исследует новые явления литературы, в том числе и в литературах тюркоязычных народов.

«Яркими, многоцветными красками сверкает сегодня культура социалистического Казахстана, — пишет товарищ Л. И. Брежнев. — Высоко ценят все советские люди ее лучшие достижения... Верно, что сегодня внуки и правнуки выдающихся казахских просветителей Чокана Валиханова, Ибрая Алтынсарина и Абая Кунанбаева на своем родном языке активно приобщаются к великой сокровищнице марксизма-ленинизма, осваивают и приумножают богатства, которые созданы другими народами, всем человечеством на протяжении его истории»¹. Эти слова могут быть с полным основанием отнесены ко всем тюркоязычным литературам Советского Союза. Вызванная к жизни Октябрьской социалистической революцией, правдиво отражающая в своих произведениях борьбу нашего народа за коммунизм, литература социалистического реализма вносит огромный вклад в дело коммунистического строительства.

Следует выделить примерно пять последних лет, совпадающих с периодом, прошедшим после II Всесоюзной тюркологической конференции в Алма-Ате. Для этого пятилетия характерны две особенности литературоведения: во-первых, углубленная разработка теоретических проблем и, во-вторых, более активное вторжение в литературный процесс, то есть огромная активизация литературной критики.

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 3. М., 1972, стр. 117—118.

Так, например, туркменскими литературоведами созданы труды: «Проблемы национального и интернационального в туркменской прозе семидесятых годов», «Личность писателя и литературный процесс», «Проблемы прекрасного в художественной прозе», «Эстетическое чувство и проблема характера» и ряд других.

Повышение интереса к разработке теоретических проблем характерно для работ литературоведов всех тюркоязычных республик, создавших ряд монографий, представляющих собой значительный вклад в литературоведение: «На пути духовного единства», «Гражданский пафос литературы» (Татария); «Время, образ, характер» (Башкирия); «Романтизм в азербайджанской литературе», «Этапы развития азербайджанской литературы» (Азербайджан); «Образ и время», «Национальное и интернациональное в киргизской советской литературе», «Герой и время» (Киргизия) и другие.

В Узбекистане помимо отдельных теоретических работ создан двухтомный труд «Теория литературы».

За последние годы литературоведами Узбекистана созданы теоретические исследования, посвященные творчеству Алишера Навои.

Знаменательно, что почти во всех национальных республиках ведется интенсивная работа по истории самого литературоведения и литературной критики. В Туркмении завершено создание сборников: «Литературная критика 50-х годов»; «Хроника и исследования»; «Литературная критика 60-х годов». В Узбекистане заканчивается написание двухтомной «Истории узбекской советской литературной критики».

Такие новые аспекты литературоведения, как изучение русской литературы в национальных республиках, история и теория художественного перевода, детская литература, представляют большое достижение в развитии теории литературы. В Узбекистане изданы двухтомники по истории русской литературы и истории детской литературы, ряд трудов по теории перевода.

В теоретическом осмыслении процессов развития национальных литератур большую помощь оказывают исследования русских литературоведов, посвященные данной проблеме. В. Жирмунский, К. Зелинский, З. Кедрин, Г. Ломидзе, В. Сидельников и другие внесли большой вклад в изучение истории и теории национальных литератур. При непосредственном участии русских литературоведов прошли три важных форума по проблемам реализма в литературах народов Советского Востока (Баку, Ташкент, Казань). Эти совещания содействовали выяснению ряда сложных вопросов реализма и социалистического реализма в литературах Советского Востока.

Как отмечалось выше, второй характерной чертой последнего пятилетнего периода является усиление литературно-критической мысли в работах ученых и писателей национальных республик: в литературную критику пришли многие молодые литературоведы, да и старшее поколение ныне чаще выступает с критическими статьями.

Заслуживает всемерного распространения опыт башкирских литературоведов, практикующих ежегодные обзоры литературы. В Узбекистане начато традиционное ежегодное обсуждение результатов критических и литературоведческих публикаций.

Усиление разработки теоретических проблем в литературоведении за последние годы также может быть расценено как фактор воздействия литературоведческой науки на литературный процесс, ибо в данном случае теория оказывает определенную помощь практике благодаря освещению важнейших творческих проблем.

Хотелось бы вкратце остановиться на некоторых задачах, которые

стоят перед литературоведением и литературной критикой в настоящее время.

Необходимо покончить с практикой изучения национальной литературы изолированно от общего литературного процесса. В наших литературоведческих работах еще отсутствует полная картина развития всей советской литературы и ее отдельных национальных ответвлений. Существующие «Истории» национальных литератур, несмотря на стремление авторов изучать явления каждой национальной литературы в общем контексте истории многонациональной советской литературы, все же страдают определенной замкнутостью, рассматривают литературные явления в рамках культуры данного народа. Правда, за последние годы сделано многое в освещении проблем взаимовлияния и взаимодействия литератур народов СССР, однако этого все еще недостаточно для того, чтобы проследить формирование каждой национальной литературы в сложном процессе истории всей советской литературы.

В приветствии ЦК КПСС IV съезду писателей СССР подчеркивается принципиально новое качество советской литературы: «Она развивается как литература многонациональная, вбирает в себя прогрессивные традиции и передовой опыт национальных литератур, отражающих своеобразие исторического пути каждого народа Советского Союза. Торжество национальной политики, общность коренных интересов, дружба и братство народов являются основой расцвета национальных литератур, для которых характерны единство идеалов и целей, многообразие традиций и форм». Это новое качество литературы социалистического реализма должно стоять в центре внимания наших исследований.

Создание трудов по истории национальных литератур в общем контексте истории многонациональной советской литературы не только даст верную картину этого сложного процесса, но и значительно повысит ценность такого рода трудов для изучения опыта советской литературы.

Наметившийся интерес к теоретическим проблемам развития литературы необходимо практически реализовать. Опыт советской литературы и ее национальных отрядов значителен и многообразен. Он дает богатейший материал для обобщений и нужно, чтобы этот материал был оценен по достоинству. Разработка теоретических проблем во многом облегчит усвоение творческого опыта виднейших советских писателей молодым поколением. В литературной критике необходимо изжить описательство, пересказ, подменяющий анализ художественного произведения. Литературная критика должна обобщать опыт современной литературы, поддерживать все положительные явления и поиски для наилучшего отражения ею жизни, добиваться еще большей близости творчества писателей к жизни народа. Недопустимо оправдание слабости художественных произведений актуальностью темы и новизной жизненного материала.

Надо освободиться и от проявлений антиисторизма, проскальзывающего в трудах по древней истории литературы тюркоязычных народов: крупнейшие памятники литературы, рассматривавшиеся их создателями как достояние нескольких соседствующих тюркоязычных народов, часто считают собственностью какого-либо одного народа.

Следует безотлагательно приступить к изданию сводов всего фольклорного богатства тюркоязычных народов. Огромная работа, проводившаяся по сбору и изучению произведений устного народного творчества, создала возможность начать это трудное дело. Несомненно, это задача не одного поколения фольклористов, однако нашим ученым предстоит внести свой весомый вклад в это благородное начинание.

Литература народов СССР бурно развивается, и советским филологам предстоит решение ее важнейших теоретических проблем.

Направление развития литературоведения и фольклористики определено такими важнейшими документами последних лет, как постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве», «О литературно-художественной критике», «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» и документами Центральных Комитетов Коммунистических партий национальных республик, обсудивших задачи идеологических работников в свете решений последних съездов КПСС.

Почетный долг всех тюркологов-литературоведов — ответить делом на заботу партии о развитии литературы и культуры братских народов нашей многонациональной страны.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Р. А. ЮСУПОВ

ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ В ПЕРЕНОСНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ СЛОВ КОНТАКТИРУЮЩИХ ЯЗЫКОВ

(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

Проблемы всемерного углубления и расширения взаимосвязей культур народов СССР и их языков в эпоху развитого социализма представляют большой научный интерес для социологов, психологов, лингвистов. За последние годы появилось немало работ, в которых рассматриваются различные стороны взаимодействия языков.

Однако ряд важных вопросов данной проблемы остается еще неразработанным. Одним из них является изучение общих свойств контактирующих языков в сочетании с их специфическими особенностями.

Следует заметить, что обычно изыскания, посвященные сопоставительному исследованию контактирующих языков, преследуют цель установить главным образом лишь своеобразные отличительные черты определенного языка или же лишь сходные и одинаковые особенности соотносимых языков. Между тем большое теоретическое и практическое значение имеет изучение общего и специфического в разных языках в их диалектическом единстве.

Специфическое и общее в каждом из языков взаимосвязаны и взаимообусловлены. Каждый язык, как известно, обладает своеобразными, свойственными только ему чертами и особенностями, отличающими его от множества других языков. Вместе с тем в каждом языке обнаруживаются свойства, общие для всех или для ряда других языков.

Гносеологические корни общих и специфических свойств языков заложены в особенностях формирования самого мышления и в происхождении и формировании языка, которые возникли исторически одновременно в процессе трудовой деятельности человека.

Формальные законы мышления, отражающие объективную действительность и имеющие общечеловеческий характер, общая связь языка с действительностью обуславливают одинаковые и сходные явления, существующие в разных языках, в том числе неродственных и неконтактирующих.

Различия в языках, как утверждает В. З. Панфилов, объясняются тем, что, хотя законы и формы мышления в своих существенных категориях проявляются в разных языках в основном одинаково, между мышлением и языком нет прямолинейной и однозначной взаимозависимости. Язык, раз возникнув в связи с возникновением мышления, образует относительно самостоятельное явление и имеет свои внутренние законы развития, которые не могут быть сведены к законам развития мышления¹.

¹ В. З. Панфилов. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971, стр. 35.

Диалектическая взаимосвязь и взаимозависимость общего и единичного вызывает необходимость при изучении соотношения элементов контактирующих языков учитывать как общие, так и специфические свойства данных языков, рассматривая их в неразрывной связи. Выявление общего для разных языков способствует лучшему познанию частного, специфического, свойственного отдельному языку. Определение же своеобразных, отличительных черт отдельных языков намечает установить то общее, что имеется в разных языках. К тому же, если изучение общих явлений в контактирующих языках содействует более быстрому овладению вторым языком и более полному усвоению одним языком всего положительного и ценного, что имеется в другом языке, то есть развитию языка за счет внешнего источника, то знание специфических черт каждого из языков позволяет в значительной степени предупредить интерферирующее влияние, заключающееся в перенесении форм, свойственных одному языку, в чуждую для них среду другого.

Сочетание общих свойств со специфическими наблюдается на всех уровнях контактирующих языков. В данной статье рассматривается проявление общего и специфического в переносном употреблении слов контактирующих языков.

В переносном употреблении слов с одним и тем же семантическим ядром в разных языках проявляются их общие и специфические свойства. Соответствие тех или иных слов двух языков как в прямом, так и переносном значениях рассматривается в данном случае как общее свойство языков. Слова же с одним и тем же семантическим ядром, различающиеся в контактирующих языках по переносному употреблению, расцениваются как специфическое явление. Так, слова «орел» и *бөркет*, совпадающие в русском и татарском языках по своему прямому значению, употребляются в обоих языках и как синонимы смелого, гордого человека. Следовательно, данные слова-соответствия относятся к общему явлению в области переносного употребления.

Слова «пиявка» и *сөлөк* с одним и тем же прямым значением имеют разное переносное употребление: «пиявка» в русском языке метафорически обозначает человека, ведущего паразитический образ жизни; татарское же *сөлөк* обозначает стройного, здорового человека. Таким образом, данные слова по своему переносному употреблению относятся к специфическим выразительным средствам.

Соответствие или несоответствие слов с одним и тем же семантическим ядром в разных языках по переносному употреблению обусловлено характером переосмысления данных слов. Когда носители обоих языков замещают в соответствующих словах одно значение другим и уподобляют два разных понятия на основании одинаковых или сходных свойств предметов и явлений, выражаемых данными понятиями, тогда тождественные по прямому значению слова разных языков имеют одинаковое переносное употребление. И, наоборот, когда носители контактирующих языков при семантическом замещении слов, соответствующих в основном прямом значении, уподобляют два понятия на основании разных свойств предметов и явлений, выражаемых данными понятиями, тогда тождественные по прямому значению слова разных языков имеют различное переносное употребление. Так, и русские, и татары, обозначая хитрого человека соответственно словами «лиса» и *төлкә*, подразумевают одно и то же свойство — хитрость. Различное переосмысление рассмотренных слов с одним и тем же семантическим ядром «пиявка» и *сөлөк* происходит потому, что в русском языке перенос значения осуществляется на основе такого сходного для них свойства, как «жить за счет созданного другим», «паразитировать», в татарском же языке перенос

осуществляется по такому сходному свойству, как «быть здоровым, стройным».

Сходство и различие в переносном употреблении слов с одним и тем же семантическим ядром в разных языках определяется также сочетаемостными свойствами данных средств. Если слова с тождественным прямым смыслом в обоих языках могут сочетаться с теми словами-соответствиями, благодаря которым раскрывается их метафорическое значение, то это значит, что данные слова соответствуют и по переносному употреблению. Так, слова-соответствия «зерно» и *орлык*, прямое значение которых раскрывается в сочетании с определенными словами (например, со словами «конопля»—*киндер*: «конопляное зерно»—*киндер орлыгы*), сочетаясь в обоих языках с другими словами-соответствиями (например, со словами «истина»—*хакыйкатъ*), выражают одинаковое переносное значение: «зерно истины»—*хакыйкатъ орлыгы*. Если же слово в одном языке, соответствующее в прямом значении слову другого языка, не может сочетаться с соответствием слова, вместе с которым слово второго языка выражает переносное значение, то это значит, что данное слово первого языка не может быть приравнено слову второго языка по метафорическому употреблению. Так, слово «испариться» в сочетании с наименованием лица выражает в русском языке метафорическое значение «исчезнуть, пропасть» («он испарился»). Выражение *парга эйләнү* в татарском языке, являющееся соответствием в прямом значении слова «испариться» («вода испарилась»—*су парга эйләнгән*), не может сочетаться с наименованием лица и, следовательно, не может употребляться в том же переносном значении, что и в русском языке.

Общность и специфичность в переносном употреблении слов и выражений разных языков обнаруживается в их семантике, образности, лексико-грамматических особенностях и структуре.

Во многих языках, в том числе в русском и татарском, выделяются семантические группы слов, подвергающихся метафоризации. Такие группы составляют:

- 1) названия явлений природы и небесных тел, с которыми человек непосредственно сталкивался с древнейших времен;
- 2) названия животных и птиц;
- 3) названия растений и их частей;
- 4) названия времен года и частей суток;
- 5) названия предметов домашнего обихода и их частей;
- 6) названия драгоценных камней и металлов;
- 7) названия частей тела и их функций;
- 8) названия пищи;
- 9) названия лиц;
- 10) слова, обозначающие профессии, должности, титулы, социальные группы;
- 11) слова, выражающие физическое, психическое состояние человека;
- 12) названия мифических существ, а также предметов и понятий, связанных с религией;
- 13) названия строений, жилищ и их частей;
- 14) слова, обозначающие основные действия человека.

Преобладающее большинство слов перечисленных семантических групп в разных языках выражает в основном одинаковые переносные значения и имеет аналогичную образность. Так, в ряде языков животные олицетворяют различные черты и особенности человеческого характера: *волк* — насилие, произвол (угнетателей), *тигр* — смелость, мужество (борцов за свободу), *осел* — слабоволие, беспринципность, ограниченность, *лиса* — хитрость, *заяц* — трусость, *обезьяна* — лицемерие, паясничание, *медведь* — добродушие и силу и т. д. Как справедливо отмечает З. И. Будагова, «метафорическое использование названий небесных тел и явлений природы свойственно поэзии всех народов»². Тропы,

² З. И. Будагова. О художественно-образительных средствах языка. — «Советская тюркология», 1975, № 5, стр. 104.

основанные на названиях драгоценных камней и металлов, обычно служат для выражения положительных качеств, ряд названий цветов, деревьев, плодов используется для характеристики женской красоты.

Вместе с тем некоторые слова из указанных семантических групп, в целом во многих языках использующиеся в аналогичных переносных значениях, в отдельных языках метафоризируются весьма своеобразно. Так, имя возлюбленной в одних языках символизируется названием сокола, в других — журавля, в третьих — соловья и т. д.

Как отмечает В. Г. Гак, расхождения в метафорических наименованиях в разных языках сводятся к трем следующим основным типам.

1. В пределах одной лексико-семантической группы метафоризации подвергаются разные слова. Русскому языку свойственно, например, переносное употребление при ласковом обращении к женщине слова «голубь» («голубка», «голубушка»). В татарском языке слово *кугарчен* (*кугарченкай*), соответствующее в основном прямом значении слову «голубь», такого метафорического употребления не имеет. Данную функцию выполняет слово *былбыл* (*былбылым*) 'соловей'.

2. Слова с одним и тем же прямым значением могут иметь разные метафорические значения. Слово «собака» в русском и его соответствие в прямом значении *эт* в татарском языке имеют переносное значение «плохой человек». Но в татарском языке, в отличие от русского, *эт* употребляется и в значении настойчивого, настырного человека, например, в просторечном выражении *Эт икәнсең син!* 'Собака же ты!' ('Какой же ты настырный!').

3. Для выражения одного и того же метафорического значения могут употребляться разные слова³. Так, в татарском языке стройность, изящество девушки обозначается словом *тал* 'ива', в русском языке — словом *тополь*, в азербайджанском — словом *чинар*.

Специфическими являются и те случаи переносного употребления, когда из двух слов контактирующих языков, соответствующих друг другу в основном прямом значении, лишь одно имеет переносное употребление.

Следует отметить также и то, что слова двух языков, тождественные по основному прямому значению, в одном случае соответствуют друг другу и в переносном значении, а в другом — нет. Здесь исход зависит от контекста, от сочетаемостных особенностей данных слов. Например, тождественные по основному прямому значению слова «идти» — *бару* в сочетании со словами «работа» — *эш* находятся в соответствии и в переносном значении, но если слово «идет», сочетаясь со словом «снег», выражает переносный смысл, то слово *бара* не может сочетаться со словом *кар* 'снег', и, следовательно, не может употребляться в данном переносном значении (такое значение выражается словом *яву* 'падать', употребляющимся в прямом смысле).

В условиях двуязычия нередко допускаются нарушения норм языка именно вследствие пренебрежения специфическими особенностями сочетаемости слов контактирующих языков, соответствующих в основном прямом значении, то есть из-за механического перенесения сочетаемостных норм слов в переносном значении из одного языка в другой. Механизм такого перенесения выглядит следующим образом: билингв, зная слова двух языков, соответствующие в основном прямом сочетании, механически переносит сочетаемостные свойства слов одного языка в другой язык. Между тем это, как мы видели, возможно и оправданно далеко

³ В. Г. Гак. Сопоставительная лексика (на материале французского и русского языков). М., 1977, стр. 115—116.

не во всех случаях. Так, например, тождественные в основном прямом значении слова русского и татарского языков «тощий» и *арык* (*ябык*) в сочетании со словами «человек» — *кеше* (в значении «худой человек») выступают соответствиями, однако со словами-эквивалентами «подушка» — *мендэр* (в значении «тонкая подушка») так выступать не могут, точнее сказать, татарское *арык* (*ябык*), в отличие от своего русского соответствия «тощая», не сочетается со словом *мендэр* 'подушка' и не употребляется в переносном значении *юка* 'тонкая'. Тем не менее в языке некоторых татар встречается неправильное сочетание *арык мендэр*, созданное способом механического калькирования русского выражения «тощая подушка».

В лексико-грамматическом и структурном отношениях в тропах соотносимых языков также наблюдается сочетание общего со специфическим.

Общим для тропов русского и татарского языков, как и для многих других языков, является то, что 1) метафорами и сравнениями выступают: а) одно существительное или существительное вместе с относящимися к нему словами, б) один глагол или глагол с относящимися к нему словами, в) отдельные предложения; 2) эпитеты выражаются качественными и относительными прилагательными; 3) сравнение включает в себя: а) уподобляющую часть, б) уподобляемую часть, в) связку. При этом в сравнениях русского и татарского языков средствами связи большей частью выступают функционально соответствующие союзы и послелоги.

Формальные различия соответствующих тропов выражаются в том, что 1) в одном и том же переносном значении в контактирующих языках иногда выступают разные части речи; 2) тропы-соответствия могут иметь различные морфологические показатели; 3) слову-тропу одного языка по значению могут соответствовать и словосочетание-троп, и предложение-троп.

Слова, выражения с одним и тем же семантическим ядром в разных языках, соответствующие по переносному значению, образности, лексико-грамматическим показателям и структуре, то есть общие тропы, составляют большое количество. Общность наблюдается во всех разновидностях тропов. Особенно много ее в сравнениях, что объясняется большим сходством самого процесса сравнения и структур самих сравнений в разных языках.

Общность тропов многих языков обусловлена основным фактором, который заключается в том, что имеется много общего в жизни, быте разных народов, в окружающих их реалиях, в отношении к природе, в характере их художественного мышления.

В общем фонде тропов контактирующих языков выделяются три основных типа: первый — тропы, возникшие в обоих языках самостоятельно на основе общих признаков предметов и явлений реальной действительности; второй — тропы, появившиеся в результате давних и активных контактов двух языков, то есть образованные посредством точного перевода; третий — тропы, которые в одном из контактирующих языков функционируют, в другом же, находясь в потенции, приходят в действие под влиянием первого языка. Это лексические изобразительные средства, воссозданные при помощи дословного перевода значений, лежащих в основе тропов. Второй тип тропов вследствие их давнего заимствования из другого языка и со временем их полного усвоения трудно отличить от первого типа — собственных тропов. В тропах третьего типа чужезычность все же ощущается. Однако в дальнейшем они также полностью усваиваются языком. Примером таких тропов может слу-

жить название трутня. Это слово в татарском языке активно употребляется для характеристики лиц, пользующихся результатами чужого труда, не занимаясь при этом полезной деятельностью. Для русского языка данная метафора, насколько нам известно, не является типичной, однако в результате перевода этого слова с татарского языка метафора «трутень» стала достоянием образной системы и русского языка, поскольку переносное значение слова, основанное на общем для русских и татар признаке предмета, понятно носителям обоих языков.

В условиях двуязычия, принимающего все более массовый характер, а также широкого развития переводческой деятельности общий фонд тропов языков народов нашей страны интенсивно расширяется и обогащается. Это происходит путем создания средствами одного языка новых выразительных средств по образцу тропов другого языка, то есть заимствованием образности и структуры тропов одного языка другим.

В развитии изобразительной системы, как и в целом лексики языков народов СССР, особенно велика роль языка межнационального общения — русского. Татарский язык обогатился за последние годы большим количеством новых тропов, калькированных с русского языка. Десятки и сотни сравнений, метафор, эпитетов, созданных по моделям русских тропов, стали активно употребляться как в разговорной речи, так и в литературном языке. Например: *яңгырдан соң үсеп чыккан гөмбәләр кебек* 'как грибы после дождя', *миңгән бәләш чыкканын көткән кебек* 'ждать, как из печи пирога', *судагы балык кебек* 'как рыба в воде', *Азатлык утравы* 'Остров свободы', *Кытай стенасы* 'Китайская стена', *яшел урам* 'зеленая улица', *салкын сугыш* 'холодная война', *иң кешелекле кеше* 'самый человечный человек', *кызыл шимбә* 'красная суббота', *актив ял* 'активный отдых'.

Аналогичную картину можно наблюдать и в ряде других языков.

Определенное количество лексических изобразительных средств языков народов СССР, в том числе и татарского языка, через переводы проникло и в русский язык.

Наличие общности в тропах двух языков позволяет переводить лексические изобразительные средства так называемыми первым и вторым способами (см. ниже), специфические же особенности данных средств обуславливают перевод их так называемыми третьим и четвертым способами. Рассмотрим названные способы перевода тропов.

1. Дословный перевод, при котором каждое слово тропа оригинала передается отдельным словом языка перевода, соответствующим ему по основному номинативному значению. Условием такого способа передачи является соответствие перевода оригиналу по переносному значению, образности и, следовательно, по эмоционально-экспрессивной силе воздействия. При этом дословная передача ни в коем случае не должна приводить к нарушению норм языка перевода. Например: «вздрыгнул, как струна»—*кылдай калтыраңып куйды*; «сабля, как молния, сверкает»—*кылыч яшендәй ялтырый*; «родник революционного движения»—*революцион хәрәкәт чышмәсе*; «молочные реки»—*сөт елгалары*; «молодой желтоусый месяц»—*сары мыеклы яшь ай*; «слепая судьба»—*сукыр язмыш*.

2. Перевод с некоторым изменением отдельных компонентов, при котором наиболее существенные компоненты оригинала передаются соответствующими по основному значению словами, вследствие чего образ исходного языка в основном сохраняется. Такое изменение осуществляется в целях обеспечения естественного выражения и большей выразительности тропа в языке перевода. Примеры: «как мешок муки»—*он*

тутырылган капчык кебек (букв.: «как мешок, наполненный мукой»); *инэгә тагылган жеп кебек* (букв.: «как нитка, продетая в иголку») — «как нитка за иголкой»; «факел великой любви к людям» — *кешеләргә мәхәббәт нуры чәчүче факел* (букв.: «факел, распространяющий луч любви на людей»); *шатлыгы эченә сыймый* (букв.: «радость не умещается внутри») — «радость не умещается в груди»; «летучие мечтания» — *канатлы хыяллар* (букв.: «крылатые мечтания»); «горячий юноша» — *кайнар йөрәкле егет* (букв.: «юноша с горячим сердцем»).

В практике второго способа перевода тропов допускаются ошибки следующего характера:

1) вследствие механического перевода отдельных слов нарушаются правила лексической сочетаемости; 2) образы оригинала без надобности упрощаются; 3) образы оригинала без особой необходимости заменяются другими; 4) тропы переводятся словами в прямом значении, тогда как их следовало бы передавать подходящими случаю другими средствами.

Тропы, переведенные дословно и с некоторым изменением компонентов, сохранившие при этом переносное значение и образ оригинала, совместно с тропами языка-источника составляют общие лексические изобразительные средства двух языков.

3. Третий способ передачи тропов представляет собой замену выразительных средств оригинала таким тропом языка перевода, соответствующим подлиннику по переносному значению, отличается от него выражаемым образом. Например: «красное, как морковь, лицо» — *чөгендер кебек йөз* («красное, как свекла, лицо»), «как корова языком слизнула» — *суга төшкәндәй булды* («будто в воду упало»); «медный лоб» — *кибәк баш* («мякинная голова»); «витать в облаках» — *хыял диңгезендә йөзү* («плавать в море мечты»); «кара кайгы» («черное горе») — «большое горе»; *бакыр күз* («медные глаза») — «оловянные глаза».

4. Четвертый способ передачи тропов, именуемый «компенсацией», заключается в том, что если определенный троп оригинала не переводится во всем объеме словом или словосочетанием в прямом значении, то данная потеря компенсируется передачей определенного слова или словосочетания оригинала в прямом значении тропом языка перевода. Так, в выражении «плотная, как сбитень, девочка лет десяти» (Шолохов) сравнение «как сбитень» не представляется возможным перевести на татарский язык образным средством, и поэтому значение его передается словами в прямом значении *таза тәнле кыз* (*ун яшьләр чамасындагы таза тәнле бер кыз*). Для компенсации подобной потери в другой фразе слово «сыто» передается на татарский язык сравнением *тук мәче күзедәй* «будто глаза сытого кота»: «глазки его сыто жмурились, ликовали» — *күзләре, тук мәче күзедәй, кысылып, елтырап тора башлады*. Или если *күзләреннән йокысы качкан* (букв.: «с глаз сбежал сон») переводится необразным выражением «не спится», то синтаксическое словосочетание *кирәкмәгәнне такылдыйсың* («болтаешь ненужное») передается образным выражением «вертишь мельницу».

Тропы, переводимые способом замены и компенсации, рассматриваются как специфические средства контактирующих языков.

Таким образом, употребление в контактирующих языках слов в переносном значении убедительно показывает существование в разных языках, наряду со специфическими особенностями, также и значительного количества общих свойств. Изучение общего и специфического в тропах контактирующих языков в их единстве имеет, несомненно, большое теоретическое и практическое значение.

С. Ф. МИРЖАНОВА

О ДРЕВНИХ ЭТНО-ЯЗЫКОВЫХ СВЯЗЯХ БАШКИР И ВЕНГРОВ

При разработке этногенетических проблем в Башкирии все большее значение приобретают данные башкирских диалектов. Составление двухтомного «Словаря башкирских говоров»¹, а также сравнительное и сравнительно-сопоставительное исследование диалектов башкирского языка² выявило чрезвычайное многообразие фонетических соответствий и вариантов, наличие огромного количества диалектных синонимов, что свидетельствует не только о разносторонних исторических и территориальных языковых контактах и взаимовлияниях, но и о следах ассимиляции как разнохарактерных тюркских племенных языков, так и иноязычного субстрата и суперстрата.

В этом плане большой интерес представляют древние башкирско-мадьярские этнолингвистические связи, которые остаются пока весьма слабо изученной областью башкироведения.

Древние башкирско-мадьярские этнолингвистические связи привлекали внимание многих отечественных и зарубежных ученых на протяжении более чем двух столетий.

Краткий обзор основных источников и перечень работ ученых, посвященных так называемой «башкиро-мадьярской проблеме», приведены в статьях Т. М. Гарипова и Р. Г. Кузеева³.

В мае 1969 года состоялась научная сессия, посвященная этногенезу башкир, организованная Башкирским филиалом и Отделением истории Академии наук СССР, которая способствовала возникновению новой дискуссии по «башкиро-мадьярской проблеме», ставшей объектом острой научной полемики⁴.

Как свидетельствуют материалы этнологических исследований, этно-исторические связи башкир, мадьяр и обских угров сохранили отголоски в башкирском фольклоре («волк-покровитель» и «волк-путеводитель», песня-легенда *қиғуғ буға 'бурый бычок, бурёнка'* у башкир, олень или «лань-путеводитель» у древних мадьяр, олень или корова-тотем у

¹ «Башкорт һәйләштәренә һүзләге», I т. Өфө, 1967; II т. Өфө, 1970.

² См.: Н. Х. Ишбулатов. Диалекты и говоры башкирского языка. Уфа, 1972; *его же*. Сравнительное исследование диалектов башкирского языка. Автореф. докт. дисс. Уфа, 1975; Н. Х. Максүтова. Восточный диалект башкирского языка. М., 1976; С. Ф. Миржанова. Южный диалект башкирского языка. М., 1979.

³ Т. М. Гарипов, Р. Г. Кузеев. Отчет о научной командировке в Венгерскую Народную Республику. — «Археология и этнография Башкирии» (далее АЭБ), т. I. Уфа, 1962, стр. 323—336; Т. М. Гарипов, Р. Г. Кузеев. Башкиро-мадьярская проблема. — Там же, стр. 336—343.

⁴ Материалы научной сессии полностью напечатаны в сб. АЭБ, т. IV. Уфа, 1971.

обских угров⁵). В народном декоративном искусстве, например, во всем Зауралье (у северо- и юго-восточных башкир), в некоторых центральных районах Башкирии вплоть до 30-х годов XX века встречались *хараусы* (*haraus*) — лоскут холста в форме трапеции, 13—15 см шириной и 25—30 см длиной, вышитый косым стежком и росписью⁶. Назначения хараусов уже давно никто не помнит. Они считались обязательным и ценным подарком невесты молодым родственницам жениха, бережно хранились на дне сундуков и вручались последующему поколению родственников.

Н. В. Бикбулатов пишет, что хараусы когда-то служили налобными повязками под *qashtaw* — красочный головной убор из кораллов, монет, бисера и раковин. Такие налобные повязки были у чувашей (*mas'tak*), марийцев (*paštak*), удмуртов и коми, западносибирских татар (*sarauts*) и обских угров (*sarawat'*)⁷.

У юго-восточных башкир-тамьянцев хараусы в отдаленном прошлом использовались в качестве воротников мужских рубах⁸. По наблюдениям Н. В. Бикбулатова, и «узоры башкирских хараусов по технике исполнения, рисунку и цветовому колориту близки к орнаментике народов Поволжья и обских угров, особенно чувашей и хантов»⁹.

Некоторые народы называют башкир *истьяками* (казахи, ногайцы), *иштяками* (штык-мангыт — калмыки). Родовые группы *истьяк*, *иштек*, *эштек* имеются также в составе каракалпаков, киргизов, барабинских татар

Первоначально это название применялось к восточным племенам и родам тамьян, усерген, муйтен, кубалаяк, ай, тырнаклы, тубеляс, бека-тун, ирякте и др. Постепенно значение этого термина расширялось и к XVII—XVIII векам им стали обозначать сначала восточных, а затем и всех башкир¹⁰.

По предположению Р. Г. Кузеева, происхождение указанных башкирских племен может быть исторически связано с западносибирскими уграми — возможными предками хантов, называвшихся еще и остяками¹¹.

М.-С. Умидбаев в своей книге *يادكر* (Казань, 1897) приводит «Шежере башкирских племен», в котором *Ištāk* значит четвертым сыном *Kābžā*¹².

Таким образом, изучение истории племен и родов с привлечением сведений из башкирских шежере, письменных источников восточных авторов средневековья, а также данных башкирского фольклора, народного декоративного искусства указывает на то, что финно-угорские элементы в материальной и духовной культуре башкир обусловлены не только многовековыми контактами с этими народами, но, возможно, даже в большей степени, субстратными явлениями, возникшими на раннем этапе развития башкирского этноса.

⁵ Р. Г. Кузеев. К этнической истории башкир в конце I — начале II тысячелетия н. э. — АЭБ, т. III. Уфа, 1968, стр. 244.

⁶ Н. В. Бикбулатов. Вышивка. — «Декоративно-прикладное искусство башкир». Уфа, 1964, стр. 89.

⁷ Н. В. Бикбулатов. Указ. раб., стр. 90.

⁸ Запись автора от информатора Райханы Хидиятовой, 85 лет, из д. Кужан Абзелюловского района БАССР.

⁹ Н. В. Бикбулатов. Указ. раб., стр. 100.

¹⁰ Р. Г. Кузеев. Указ. раб., стр. 243—247.

¹¹ Там же.

¹² В книге «Башкирские шежере» (Уфа, 1960, стр. 173) данное слово предположительно прочитано как *Kinžā*.

К этому раннему этническому субстрату — «булгарско-мадьярскому компоненту древнебашкирского этноса» — восходят башкирские племена: юрматы, еней, гэйнэ-тархан; роды: кесе, кальсер, юман (юрман), мишар-юрматы; родовые подразделения: нагман, юламан, имес¹³.

Семь из этих этнонимов (юрматы, еней, гэйнэ-тархан, кесе, мишар, юламан, нагман), по мнению Ю. Ф. Немета, имеют аналогии в древневенгерской этнонимии¹⁴.

Основываясь на опубликованных данных¹⁵, Ю. Ф. Немец обнаруживает в башкирской этнонимии семь венгерских племенных названий.

Соответствие первых двух этнонимов: венг. D'armat, др.-венг. D'ormot, D'urmot, D'eremat ~ башк. Jurmaty и венг. Jenő ~ башк. Jänäj (<др.-венг. Jenej) — ученые считают доказанным.

Бесспорно общими являются также этнонимы: венг. kes, kesi, keső, kesu, kesig, keseg ~ башк. род. kесе (по Ю. Ф. Немету: kесе > kесеj > keseg) в составе башкирского племени табын.

Вопрос о совпадении остальных четырех башкирско-венгерских этнонимов нуждается, по нашему мнению, в некоторых уточнениях на основе данных башкирских диалектов.

Венг. Mad'ag — ведущий венгерский род, название венгерского народа и Med'er — многочисленные топонимы в Венгрии.

Ю. Ф. Немец приводит древневенгерскую форму этого названия pod'eni, которое в форме *можерян* встречается в письменном памятнике из Шатска (юго-восточнее Рязани, 1539) и, как он утверждает, наряду с названием башкир и тарханов. Оно часто обозначает названия местностей в бывших Казанской, Саратовской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской, Рязанской губерниях¹⁶.

Существует мнение, что этноним mišär (mišär-jurmaty) «также угорского происхождения и является развитием древневенгерских mad'ag или med'er (mežer). Угорский компонент прослеживается и в культуре мишарей»¹⁷.

Древние связи башкир и мишарей несомненны. Об этом свидетельствует и единство некоторых фонетических особенностей их языков, входящих к кыпчакскому (в частности к половецко-куманскому) языку: мишарский *с* и башкирский *з* соответствуют татарскому лит. *š'* (орфогр. *ч*) и общетюркскому *č*. И в мишарском диалекте, и в башкирском языке наблюдается преимущественное употребление начального *j* вместо татарского литературного *ž'* в словах тюркского корня. Имеется общий древний пласт лексики, отличный от татарского языка, например, в терминах анатомии (balyg 'икры', tubuq 'колени'; башк. jawugup ~ мишар. jawugna, jawugnu 'плечо'); в этнографических и других терминах (башк. qašmaw ~ мишар. qašmaw, qašraw 'женский головной убор из монет'; мишар. serge, čerge 'кошма' ~ башк. serge 'кошма, украшенная аппликацией'; мишар. julqu 'лошадь' ~ башк. julqu 'незапрягаемая, нерабочая лошадь в косяке'; мишар. salma ~ башк. halma 'лапша особой формы'; мишар. sawqa ~ башк. sawqa 'молодая береза'; мишар. serki, čerki ~ башк. seräkäj 'комар' и др.¹⁸).

¹³ Р. Г. Кузеев. Происхождение башкирского народа. М., 1974, стр. 416.

¹⁴ Ю. Ф. Немец. Венгерские племенные названия у башкир. — В кн.: АЭБ, т. IV. Уфа, 1971, стр. 249—262.

¹⁵ См.: Р. Г. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир. Ч. I. Уфа, 1957.

¹⁶ Ю. Ф. Немец. Указ. раб., стр. 256.

¹⁷ Р. Г. Кузеев. Происхождение башкирского народа, стр. 424.

¹⁸ Сравнительный материал по мишарскому диалекту (ныне западный диалект татарского языка) почерпнут из книги: «Татар теленең диалектологик сүзлеге». Казан, 1969.

Этноним *mišär*, часто встречающийся, как и другие тюркские этнонимы, в составе родовых подразделений башкирской этнонимической номенклатуры, в топонимии (ойконимы, топонимы), видимо, отражает более поздние связи двух народов.

Со своей стороны отметим, что в данном случае древневенгерский этноним *med'eg* можно было бы, думается, сопоставить с башкирским антропонимом *mäbejäg* (отсюда башкирские фамилии *Мадьяровы*¹⁹), который зафиксирован в качестве названия родового подразделения д. Курьятмас Давлекановского района Башкирии. Представители родового подразделения *Mäbejäg*, *Madjar* — носители демского говора — в прошлом принадлежали к роду *Jajyq* *ṭyby/ṭybyj/ṭybyj/ ṭubaj/ṭabaj/sybyp/seben* племени *Meṭ*²⁰. В демском же говоре отмечен также антропоним *Mäpejäg*, которому в восточной Башкирии соответствует гидротопоним *Minjär*²¹.

Ю. Ф. Немет далее находит возможным сопоставить древневенгерский род *p'ek* (венг. *puék*) с башкирским названием маленького родового подразделения *Näy+ṭän*, входящим в род *Ajuw* племени *Üṭärgän*, *Üṭärgän*, а венгерский род *D'ula* — с названием такого же родового подразделения *Jula+ṭan* племени *Meṭ*.

Остановимся на этих двух этимологиях.

Нередко названия таких мелких родовых подразделений в башкирской этнонимии являются антропонимами²², значительная часть которых восходит к арабо-персизмам. В говорах башкирского языка они претерпевают фонетическую адаптацию в соответствии с диалектными особенностями того или иного говора. Такими заимствованиями, на наш взгляд, являются и общешкирский антропоним *Ноуотан/Nöyötän* и современные фамилии *Нугуманов*, *Нагуманов* (< ар. *نعمان* '1. кровь, 2. имя собств. *Нуṭан*²³), которые в языке усерген под действием регрессивной ассимиляции представлены в форме *Näyätän/Näyṭän* подобно другим словам этой зоны: *Mähätät* ~ лит. *Мэхэмат*, *Baraṇyöl* ~ *Boṛaṇyöl* ~ лит. *Vigaṇyöl* и др.

Антропоним *Julaṭan* с корнем *jul* 'путь, дорога', образовавшим множество древнебашкирских имен, таких как *Julsuga*, *Julbuṇa*, *Julyötlo*, *Juldaš*, *Juldybaj*²⁴, первоначально мог иметь форму *Julṭan* (ср. древнебашкирский антропоним *Sulṭan* < чув. *s'ul*, хак., шор. *čöl* 'путь, дорога', монг. *zol* 'дорога, счастье, удача'²⁵).

Этимология же венгерского этноантропонима *D'ula* восходит к древнетюркскому *Jula* 'факел, светильник'; ср. др.-тюрк. *Jula Köl* (Моюнчур) — название озера (возможно, 'светлое озеро')²⁶, которое отмечается так же как родовое название в древнеболгарской (*Dula*) и как родо-

¹⁹ Г. Ф. Саттаров рассматривает антропоним *Mädjär* как усеченную форму гибридной модели типа «арабский компонент + персидский компонент», восходящий к *Möxä-mädjäg*, где часть *Möxä*, по его мнению, выпадает, что, на наш взгляд, не согласуется с логическими законами языка. См.: Г. Ф. Саттаров. Антропонимия Татарской АССР. Автореф. докт. дисс. Казань, 1975, стр. 43.

²⁰ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 47, д. 1, стр. 73.

²¹ С. Ф. Миржанова. Южный диалект башкирского языка. М., 1979, стр. 175.

²² Т. М. Гарипов, Р. Г. Кузеев. Башкирские родо-племенные названия и их алтайские параллели. — «Проблемы общности алтайских языков». Л., 1973, стр. 215.

²³ «Арабско-русский словарь». Сост. Х. К. Баранов. М., 1958, стр. 1037.

²⁴ Т. Х. Кусимова. Древнебашкирские антропонимы. Автореф. канд. дисс. Уфа, 1975, стр. 17.

²⁵ В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 216.

²⁶ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 278.

племенное название — в печенежской (Julá) этнонимиях²⁷. Добавим к этому, что есть еще возможность сопоставить это слово с сугубо башкирским антропонимом Julaj, который широко распространен среди башкир и редко встречается в соседних тюркских языках. Неустойчивость конечного *j* — явление межтюркское, наблюдаемое как междиалектное и в башкирских говорах, в том числе и этнонимах: qara ~ qaru ~ qaruj qur-saq; gärgä ~ gärgäj qursaq. Только из венгерско-башкирских соответствий можно привести несколько примеров указанного типа: венг. Jeno ~ башк. Jänäj; венг. búza ~ башк. д. bözaj ~ лит. bojbaj 'пшеница' и соответственно: венг. D'ula ~ башк. Julaj.

По утверждению Ю. Ф. Немета род п'ек в венгерской этнонимии — „племя, охраняющее границу“. Это название восходит к венгерскому слову, означающему «изгородь». В связи с этим представляется возможным сопоставить венгерское п'ек с башкирскими гидронимами Nögöš (в шежере юрматынцев Nököš²⁸) — правый приток реки Белой в Центральной Башкирии, правый приток реки Иика (Yjuq) на северо-востоке и правый приток Усени — притока Ика (Yq) на северо-западе Башкирии²⁹.

Гидроним Nököš, Nögöš не поддается объяснению на материале башкирского языка (ср. также название столицы Каракалпакии Nökis 'Нукус'). Венгерский п'ек означает: «1. забор; ограда, живая изгородь, плетень; 2. лесной сад, фруктовый сад; 3. заповедник; 4. край, район, окрестность; 5. камышовый плетень, загон; барьер для скота»³⁰.

В венгерском языке можно отметить аффикс прилагательного -š, -aš, -eš, который имеется и в ряде башкирских гидронимов и топонимов, хотя свободно не выделяется. О том, что данный аффикс когда-то указывал на признак предмета, на наличие одного предмета в другом, говорит приращенный к этим формам тюркский аффикс -ly/-le с тем же значением, например: Маҫаš — оронимы в Архангельском, Аургазинском, Гафурийском, Бурзянском, Илишевском районах; Маҫаšty/Маҫаšly — ороним и ойконим на севере; Mäjgäšte/Mäjgäšle, Lapyšty — гидронимы на юго-востоке БАССР (средний и кизильский говоры). В венгерском языке mağaš 'высокий'; laroš 'пологий, низкий'. По такому же принципу башкирский гидроним Nököš/Nögöš может быть сопоставлен с венгерским п'ек как название защитного, пограничного рода. Вполне вероятно, что гидронимы Nököš/Nögöš в древности обозначали исторические границы какой-то территории.

Отдельные аспекты башкирско-финно-угорских языковых взаимоотношений освещались в общетипологическом плане³¹ и в плане выявления общих элементов, бытующих в финно-угорских языках³².

Чрезвычайно интересные факты древних звуковых соответствий в угорских языках, аналогичные башкирским, приводит в своих работах

²⁷ «A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára», k. I. Academiai Kiado. Budapest, 1967, стр. 1137.

²⁸ «Башкирские шежере». Сост., перев., введ., коммент. Р. Г. Кузеева. Уфа, 1960, стр. 30.

²⁹ «Словарь топонимов Башкирской АССР». Уфа, 1980, стр. 114.

³⁰ «A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára», k. II, 1970, стр. 1039 (далее: ИЭСВЯ — «Историко-этимологический словарь венгерского языка»).

³¹ Т. М. Гарипов. Ареальные угро-финнизмы в лексике тюркских языков Урало-Поволжья. Ужгород, 1977 (отд. оттиск); Ж. Ф. Киекбаев. Башкорт теленен фонетикаһы. Өфө, 1958, стр. 133—138.

³² Н. Х. Ишбулатов. Данные диалектов языка к вопросу о происхождении башкир. — «Научная сессия по этногенезу башкир. Тезисы». Уфа, 1969, стр. 147; А. А. Камалов. Данные гидронимии к проблеме этногенеза башкир. — Там же, стр. 167—189; С. Ф. Миржанова. Финно-угорские элементы в говорах башкирского языка. — Там же, стр. 175—178 и др.

Б. А. Серебренников³³. Подобные реликтовые явления — факты диалектных фонетических соответствий в анлауте и инлауте слова — отмечаются и в современных говорах и диалектах башкирского языка: $s \sim \theta$, $\theta \sim h$, $s \sim \theta \sim h$, $s \sim \theta \sim t$, $t \sim \theta$, $t \sim s$, $d \sim \delta$, $d \sim \delta \sim z$, $j \sim s$, $j \sim s \sim z$, $j \sim z \sim \dot{z}$ и др.; например: $sarymsaq \sim \theta arymsaq \approx \theta arymsaq \approx harymsaq \approx harymhaq$ 'чеснок'; $bürsew \sim bürgew \sim bürtew$ 'покраснеть пятнами'; $bütägä \sim büfägä$ 'желудок птицы'; $dur \sim \delta ur \sim zur \sim hur$ jur 'большой'; $Idel \sim I\delta el \sim Izel$ — р. Кама; $jylyš \sim zylyš \sim \dot{z}ylyš$ 'собрание'.

На фоне финно-угорских звуковых соответствий проявляются некоторые сугубо диалектные, архаические явления, необъяснимые с точки зрения современного башкирского или других тюркских языков. Возьмем реликтовое фонетическое соответствие $s \sim j$, которое отмечалось башкирскими лингвистами в некоторых словах. Диалектизмы с соответствием $s \sim j$ впервые были выявлены Н. Х. Ишбулатовым в кизильском говоре восточного диалекта: $sumart \sim$ лит. $jomart$ 'щедрый'; $sensek \sim$ лит. $jensek$ 'голень'; $sätäs \sim$ лит. $jätäs$ 'дужка'³⁴.

А. Г. Бишев добавил к ним слова: $sarsylyw \sim$ лит. $jarsylyw$ 'трекаться'; $sywup$ 'плацента коровы' \sim $juwup$ 'признаки скорого отела коровы'³⁵. Сюда же относятся диалектизмы кизильского говора с соответствием $\dot{s} \sim j$: $\dot{s}imdaw \sim$ южн. диал. $jempaw \sim zimnaw$ 'подсластить, добавить сахару в кислушку'; $\dot{s}agaq \sim$ южн. диал. $jaqaw$ 'худой', быстро сбрасывающий вес'³⁶. В нижнебельском говоре, носителями которого являются бывшие енейцы, зафиксировано слово $saqaq$ 'жабры', являющееся фонетическим вариантом лит. $jaqaq$ 'щека'. Новый материал, выявленный нами в говорах, в настоящее время позволяет сгруппировать их по двум современным диалектам башкирского языка. В результате возникает историческое фонетическое соответствие: восточного — как s -диалекта и южного — как j -диалекта. Вполне вероятно, что в глубокой древности это соответствие могло выступать как показатель отличительных особенностей двух древних диалектов башкирского языка. Кроме того, в самом южном диалекте, в его западной группе говоров, зафиксированы диалектизмы с начальным j , которым в восточной зоне соответствуют слова с начальным s , что может соответствовать древним границам этих диалектов. Приведем некоторые примеры:

**Ик-юшатырский, демский
говоры**

Сакмарский, кизильский говоры

$jäkät, jäkälsäj$	\sim $säkälsäj, sökälsäj, šäkäl$ 'бабка, кость',
$dingäsäj, ingäsäj, jengäsäj$	\sim $sengäsäj, sengazäj$ 'красные солдатики', (насек.)
$dajsan, jäjsän$ (лит. $läjsän$)	\sim $säjsän, zajsan$ 'первый весенний дождь',
$jynaza$	\sim $synaba$ уст. 'погребальная молитва',
$jalqyn$ 'пламя'	\sim $salqyn janyu$ 'пламенеть',
$jalt itew$	\sim $salt itew$ 'сверкнуть',
$jänsew$	\sim $sänsew$ 'колоть',
$jaruw, jaraw$	\sim $\dot{s}agaq$ 'быстро раскалывающийся; быстро худеющий; поджарый'.

³³ Б. А. Серебренников. О причинах превращения начального s в h в башкирском языке. — «Советская тюркология», 1973, № 2, стр. 11—12; *его же*. К вопросу о связи башкирского языка с венгерским. Уфа, 1963, стр. 12—18.

³⁴ Н. Х. Ишбулатов. Диалекты и говоры башкирского языка. — В кн.: «Вопросы башкирского языкознания». Уфа, 1972, стр. 77.

³⁵ А. Г. Бишев. О некоторых чуваше-башкиро-татарских фонетических соответствиях. — «Башкирский языковедческий сборник». Уфа, 1975, стр. 5—7.

³⁶ Н. Х. Ишбулатов. Кизильский говор. — В сб.: «Башкирская диалектология». Уфа, 1963, стр. 27; С. Ф. Миржанова. Южный диалект башкирского языка, стр. 44—45.

Ср. также башк. *jurmaty* ~ венг. *d'armat* ~ историческое *sar-mat* (?) — этноним.

Если в башкирских говорах соответствие $s \sim j$ представляет реликтовое явление, которое в далеком прошлом могло быть показателем фонетических особенностей диалектов башкирского языка, то в настоящее время оно выступает как межъязыковое соответствие, наблюдаемое в тюркских языках Поволжья: в чувашском начальный s' (ζ) соответствует j в башкирском и татарском языках. Но и в башкирском, и в татарском языках обнаруживается остаточное явление с начальным s (башк. *h*) в отдельных словах, например: тат. *enä sarlaw* ~ башк. *enä harlaw* 'вдеть нитку в иголку' досл. означает *jeplaw* 'онитить', поскольку чув. *s'ip*, якут. *sar* 'нитка'; ср. также башк. *baš habuw*, тат. *baš sabuw* 'пришить головку к голенищу'.

Примечательно, что и в венгерском языке древнетюркские заимствования отражаются двояко: и с начальным j , и с начальным s . Л. Лигети, дискутируя по этому поводу с Н. Н. Поппе, считавшим эти элементы показателями общеалтайского, а не болгаро-тюркского происхождения, пишет, что нет основания предполагать здесь заимствования из гуннского или других пратюркских языков, или даже из алтайского праязыка, что можно лишь говорить «о двух древних чувашских диалектах, один из которых характеризовался начальным j (венг. *dy*), а другой — начальным s (венг. *sz*)»³⁷.

Если считать правомерными эти замечания Л. Лигети, то возникает вопрос: не могли ли предполагаемые им диалекты чувашского типа принадлежать языку башкир — древних сородичей или соседей венгров на Южном Урале. Как известно, чувашский язык сам был лишь одним из языков-диалектов в составе болгарского языка, а соответствие $s \sim j$ в современном чувашском языке является недиалектным, а общеязыковым явлением, характерным для всего чувашского языка³⁸, исторически выступавшего как « s -диалект».

Чувашский начальный s' (ζ)³⁹ соответствует начальному j , а также начальным s , h , ξ , t башкирского языка: чув. *s'er* ~ башк. *jer* 'земля'; чув. *s'ugun* ~ башк. *jögön* 'преклонить колени'; чув. *s'urtan* ~ башк. *surtan* 'щука'; чув. *s'emert* ~ башк. *šomört* 'черемуха'; чув. *s'aga* ~ башк. *šägä*, *ser*, *sur* 'голый'; чув. *s'un* ~ башк. *hup* 'тело, фигура'; чув. *s'abü* 'хворост, сухие сучья' ~ башк. *tap* 'щепка'.

Следовательно, древнетюркские слова с начальным j и s в венгерский язык могли войти либо из древних диалектов башкирского языка, либо из болгарских диалектов, если они, подобно башкирскому языку, имели в себе обе эти диалектные особенности.

И если допустить, что соответствие $s \sim j$ было диалектным показателем древнебашкирских диалектов, то именно они и могли отразиться в тюркизмах венгерского языка. Ведь достоверно не известно, каким именно был древнебашкирский язык и его диалекты, насколько он отличался от болгарского или чувашского языков, или насколько был близок к ним. Представляется обоснованным предположение Н. Н. Поппе о том, что указанные слова вошли в венгерский язык не из одного, а из нескольких пратюркских языков чувашского типа.

³⁷ Л. Лигети. Несколько замечаний по вопросу о так называемых «алтайских» заимствованиях в венгерском языке. — «Acta Linguistica», t. XI, f. 1—2. Budapest, 1961, стр. 42.

³⁸ М. Р. Федотов. Чувашский язык в семье алтайских языков. I. Чебоксары. 1980, стр. 126—127.

³⁹ В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка, стр. 210—226.

Однако ученые довольно скептически относятся к возможному влиянию угорского субстрата на специфику башкирского языка⁴⁰. Так, Б. А. Серебренников одним из главных аргументов против этого положения выдвигает тезис о полном отсутствии общих башкирско-венгерских лексических параллелей⁴¹ в словарном составе этих языков, не говоря уже об общем лексическом пласте. Отдельные слова, такие, например, как *sel* 'рябчик', он считает проникшими в башкирский язык из пермских языков, что вполне возможно, хотя это слово отмечается и в отдельных тюркских языках: тур. *çil* 'рябчик', кирг. *çil* 'бородатая куропатка'; ср. древнетюркское *çil* 'веснушки, рябинки'. По сути дела, само слово *sel* в башкирском языке является диалектным и введено в литературный язык из говоров южного диалекта. Точнее, оно распространено в кизильском, сакмарском, ик-юшатырском, среднем говорах, то есть в собственно кыпчакских говорах половецко-куманского типа. В северной половине (центральных, северных, северо-восточных говорах) слову *sel* 'рябчик' соответствует *božog*, *bozog*, *bözög*; тат. *božog*, чув. *požog*. Тетерев в юго-восточных говорах называется *qog*, а в северных и северо-восточных *obap*, тат., чув. *ozap*. Башкирско-чувашских параллелей, бытующих в виде реликтов в современных говорах и диалектах языков поволжского региона, можно было бы привести достаточно много.

Не затрагивая этой проблемы, а также общих остаточных явлений на других уровнях башкирского и венгерского языков, например, реликтовый аффикс прилагательных *-aš*, *-eš*, *-š* в башкирских топонимах, которые осложняются тюркским аффиксом *-ly*, *-le* (*Wašaš*, *Breš/Briš*, *Idäš*, *Keläš*, *Äwnäš*, *Tätešle*, *Mäjgäšle*), мы предлагаем некоторые лексические соответствия, выявленные в результате исследования диалектной лексики башкирского языка и частичного просмотра венгерского материала в сопоставлении с башкирским народно-разговорным языком и его диалектами.

При этом мы по возможности не касались известных тюркизмов венгерского языка, обнаруживаемых также и в башкирском языке или его диалектах, хотя небезынтересно было бы привести некоторые из них. Например: венг. *altatni* 'обманывать; морочить кого-либо'; башк. диал. (средний, караидельский говоры) *altatyw* 'обманывать' и другие значения; венг. *ara* 'отец'; *aro*, *aroка* 'дедушка, дедка, старичок'; башк. диал. (кизильский гов.) *ara* 'старший брат отца', 'старик и форма обращения к нему'; венг. *agag* 'борзая собака'; караидельский и гайнинский говоры *äkäg*, *ägäg*, *akaг* 'кобель', башк. уст. *igäg* 'помесь собаки-самки и волка-самца', В. Г. Егоров считает, что венг. *agag* заимствовано из древнечувашского языка⁴², однако это вызывает возражение, поскольку данное слово бытует также в башкирском языке и его диалектах в более древней огласовке (*akaг*). Заслуживают также внимания и значения башкирских вариантов этого слова. Венг. *bögöl* 'овод', башк. *bögälsän*, диал. (средн. гов.) *bögölsön*, айск. *bögäljä*, кизил. *bögälä*, *bögäläk* 'лошадиный овод'; венг. *d'eken* разг. 'рогожа, циновка', башк. *jekän* ~ юрматынск. *dikän* 'рогоз'; венг. *kajan* 'хитрый, коварный'; башк. (восточн. диал.) *qujan* — то же.

Складывается впечатление, что тюркизмы венгерского языка в большинстве своем связаны со спецификой именно башкирского языка или

⁴⁰ См., например, работу: *M. Räsänen. Gibt es im Baschkirischen etwas Ugrisches? — «Acta Orientalia», t. XII, f. 1—3. Budapest, 1961.*

⁴¹ Б. А. Серебренников. О причинах превращения начального *s* в *h* в башкирском языке, стр. 12.

⁴² В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка, стр. 23.

его диалектов. Ср. венг. *buza* 'пшеница', башк. *буза* 'сладкий напиток из солода'; венг. *húz*, башк. *һуҙуу* 'тянуть'; венг. *hajt* 'гонять, гнать' башк. *hajtyldaw* 'отгонять, отпугивать криком *hajt!*'; венг. *kántar* 'поводья', башк. диал. (юго-восточн. гов.) *qamtaɣuw* 'привязать поводьями голову запряженной лошади к оглобле'; венг. *kilinc̣* 'ручка двери', башк. *quylus* 'ручка, дужка ведра'; венг. *kógot* 'сажа, копоть', башк. *qogot* — то же; венг. *kut*, башк. *qotoq* 'колодец'; венг. *keve* 'сноп', башк. *kübä* 'копна', нижнебельск. гов. (язык енейских башкир) *kübä* 'куча сгребленного покоса'; венг. *körep* 'легкое пальто; шинель, плащ', башк. диал. (юго-восточн. гов.) *körö* 'зимнее пальто, подбитое шерстью или ватой'; венг. *tógta* 'хрен', башк. *toɣta* 'редька', *äse toɣta* 'хрен'.

Тюркизмы венгерского языка свидетельствуют о существовавших в определенный исторический период самых непосредственных башкиро-венгерских этно-культурных и языковых контактах, однако некоторые венгерские тюркизмы отражают специфику языков чувашско-булгарского типа.

Финно-угорскую лексику в составе башкирского языка в современной общепотребительной лексике выявить трудно, ибо, как известно, лексика — наиболее изменчивая часть языка. Неупотребительные, устаревшие слова уходят в пассивный словарный фонд и постепенно утрачиваются. Старая финно-угорская лексика в какой-то мере отразилась в топонимии и сохранилась в терминах-диалектизмах по анатомии, флоре и фауне, этнографии и др. И все же после более чем тысячелетнего самостоятельного развития башкирского языка ученые обнаруживают в нем отдельные слова, общие с финно-угорскими языками, такие, например, как *туһағ*, *sel* и др.

В предлагаемом ниже списке, составленном нами в процессе исследования диалектной лексики башкирского языка, приводятся лишь некоторые венгерско-башкирские лексические соответствия, имевшие, по мнению автора, в прошлом единые семантические гнезда.

Первыми даны слова венгерского языка⁴³ и их значения, затем следуют лексические соответствия из башкирского, чувашского, татарского и других тюркских языков.

Alap '1. основание, фундамент; 2. база, базис, основа; 3. фонд и другие значения'. В венгерском языке это слово дает большое количество новообразований. В башкирском и татарском языках *alap*: 1. уст. 'большой короб из луба для хранения зерна'; 2. башк. диал. (гайнинск.) *улур* 'котомка из луба, бересты'; 3. башк., мишар. переносн. *alaptaǰ* 'челесчур, несоразмерно большой, огромный'; *alaptaǰ awuǰ* 'огромный рот'. Чувашское диалектное *alap* 'большая продолговатая корзина, изнутри обмазанная глиной и служащая для хранения зерна'⁴⁴, по всей вероятности, заимствовано из башкирского языка. Наиболее древнее значение, видимо, «хранилище».

Csákány, csokán, tsokány '1. кирка, мотыга; 2. булава, боевой молот и другие значения'. В башкирском языке *säkän*: 1. 'клюшка'; *säkän uǰpaw* 'старинная игра башкир, напоминающая хоккей'; 2. 'головка рогоза'; 3. тат., башк. 'початок кукурузы'. Слово *чекан*, *чакан* распространено и в славянских языках. «Историко-этимологический словарь венгерского

⁴³ Венгерский материал взят из словарей: «Венгерско-русский словарь». Сост. М. Кяхана. М., 1951; «Венгерско-русский словарь». В 2-х т. Сост. Л. Хадрович, Л. Гальди. Будапешт, 1974.

⁴⁴ Л. П. Сергеев. Диалектологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1968, стр. 10.

языка» (ИЭСВЯ) происхождение его считает спорным, допускает вероятность восхождения к печенежскому слою. Славянские слова сами могут восходить к тюркским или мадыарскому языкам⁴⁵.

Darázs, daras, dĕrázs, dorázs 'оса' (по Л. Хадровичу и Л. Гальди); 'шмель, оса' (по М. Қахана). В южном диалекте башкирского языка **draš, draž, tráš, tyraž, taraš** 'черный шмель, шершень' (?) «Историко-этимологический словарь венгерского языка» не дает точной этимологии этого слова⁴⁶.

Gomba 'гриб'; в чув. **komba**: 1. 'гриб'; 2. 'головня'; тат. **gömbä** 'гриб' диал. 'трут'; в башкирских говорах **kömbä, gömbä**: 1. 'древесный гриб' 2. демск., юрмат. гов. 'спорынья'.

Слово распространено и в славянских языках⁴⁷. В. Г. Егоров считает, что слово заимствовано в болгарскую эпоху из восточнославянских языков: **конба** 'гриб'⁴⁸.

Hangya, hanja 'муравей'; ср. башк. диал. **halja, xalja, halža, xalža**; монг. **šalza** 'клец'.

Hebeg, ebeg, hebego, hebög 'заикаться'. ИЭСВЯ отмечает его как слово звукоподражательного происхождения⁴⁹. В башкирских говорах (средн. гов.) **äbегew, äbäkhew** 'состояние человека после длительной бессонницы'.

Hetyke (?) 'гордый; чванливый, лихой; молодецкий; задорный'. Ср. башк. диал. (ик-сакмарский гов.) **hätäw, hätük** 'ненормальный, глупый, дурак'.

Höprögni 'хлебать'; башк. **höpröldätew** (< звукоподр. **höpr-höpr**) 'хлебать с шумом'.

Nevit (< **hö** 1. 'теплота, 2. накаленный, горячий'; **hew** '1. жар, 2. пыл, задор') '1. нагревать, 2. горячить'; ср. башк. (юго-восточн. гов.) **öbätew** 'постепенно нагреть, разогреть'; **it öbätew** 'оттаять мороженое мясо'. ИЭСВЯ допускает возможность иранского происхождения слова⁵⁰.

Iny, inek innye 'десна'; 'нёбо'. Слово совпадает с гайнинским **iñäk** — то же. В тюркских языках **eñek, engek, iñäk, enek** 'подбородок; челюсть'⁵¹. В финно-угорских языках: коми ап 'нёбо'; удм. ап 'челюсть'; общеперм. аҥ или аҥ! 'челюсть, остов'⁵².

Käka, kak//a 'камыш, тростник; осока' (по М. Қахана); тат., башк. (северо-западные, северо-восточные говоры) **qaq**; нижебельский и за-казанский говор татарского языка **kuku** 'свербига'⁵³.

Qalar 'шляпа'; башк. диал. (кизил., демск. гов.) уст. **käläbäš** 'женский конусообразный головной убор с наспинником, украшенный монетами'; те же юго-восточные гов. (кубалак., миасск.) **kälärüš** 'девичья круглая шапочка, тубетейка, украшенная монетами'⁵⁴; башк. разг. **kälärüš** 'шапочка'.

Láb 'нога, стопа'; башк. диал. (средн., кизил.) **läp**: **tejen läbe** 'следы белки'; **qujan läbe** 'зимние заячьи следы; заячья тропа'. Отмечается и в других финно-угорских языках.

⁴⁵ ИЭСВЯ. Т. I, стр. 469.

⁴⁶ Там же, стр. 595.

⁴⁷ Там же, стр. 1071—1072.

⁴⁸ В. Г. Егоров. Указ. словарь, стр. 99.

⁴⁹ ИЭСВЯ. Т. II, стр. 79.

⁵⁰ Там же, стр. 154.

⁵¹ В. Г. Егоров. Указ. словарь, стр. 353.

⁵² В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970, стр. 32.

⁵³ «Татар теленең диалектологияк сүзлеге». Казан, 1969, стр. 206.

⁵⁴ «Башкорт һөйләштәренең һүзлеге». Т. I. Өфө, 1967, стр. 115.

Lepke 'бабочка'; башк., тат. *lep-lep iter osa kübäläk* 'порхает бабочка'. Звукоподражательное слово; ср. башк., тат. *lepkä* 'пульсирующее темя новорожденного'; чув. *lepke* — то же; мар. *vuj-ler* 'темя'; *lepka* 'лоб'

Leves 'суп'; башк. диал. (западн. гов.) *läweš, läwäš, läwešlämä, däwešlämä* 'большой пирог с различной начинкой'; тат. *läwäš* 'плоские пирожки с ягодами'; диал. 'слоенка, булка; тонкая лепешка'; ср. перс. *lävāš* 'тонкий плоский хлеб'.

Lucskos 'слякотный'; башк. лит. *lysquйдаq* — то же, *lys hyw* 'насквозь мокрый'; башк. диал. *läs* 'сырой, водянистый'; *Lasy* — гидроним на северо-западе БАССР, берега его (реки) болотисты.

Sär 'грязь'; чув. *šug* 'болотистый'; башк. диал. (северо-восточн. гов.) *šag* 'болотистая урема вдоль реки'.

Süllö 'судак'; чув. *šyla*; башк. лит. *hyla*, ккалп. *syla* — то же, башк. диал. *hyla* 'ерш'.

Szél 'ветер'; чув. *sil* 'ветер'. В башкирских говорах слово *hil* бытует в трех значениях, первые два противоположные: в зилимском подговоре (роды кесе, калсер) и кизильском говоре (племя тамьян) *hil* обозначает 'тишь, тихо, тихий'; *keše ajaуу hil bulуas* 'когда затихают людские шаги'. В сакмарском говоре (усергены, тунгауры) и инзерском подговоре (инзер-катайцы, кумруки) *hil urуn, hillaw, hillawek* 'ветренное место, возвышенность'. В то же время башкирское слово *hil* передает и значение «места, местности», например, сакмар. *hil* 'островок', видимо, имеет отношение к другому венгерскому слову *hily* 'место, местность, участок' и другие значения. ИЭСВЯ отмечает его как слово неизвестного происхождения⁵⁵.

Как видно из приведенного материала, большинство башкирско-венгерских лексических соответствий восходит к общим тюркским или монгольским корням: венг. *bús* 'грустный, печальный, унылый'; башк. *bošorqo* — то же; венг. *когра*, башк. диал. (кизил.) *kögrä* 'отруби'; венг. *когот* ~ башк. *qogot* 'сажа'; венг. *пуakas* 'упорный', башк. *пуqаш, пуquš* 'упрямый, упорный'; венг. *talál* 'находить что-либо, кого-либо'; 'встречать'; башк. диал. *täl bulуw* 'встретить'; венг. *tanú* 'свидетель'; башк. *tanуw* 'узнать'; *tanуtma* 'свидетельство'.

Многие звуко- и образоподражательные слова также являются общими для обоих языков: венг. *suprontás* 'звук поцелуя, чмокание', башк. диал. *supуltatуw* — то же; венг. *sikoltás* 'визг, крик', башк. диал. (средн. гов.) *siqылtaw* 'кричать пронзительно', башк. лит. *siqылdaw* 'икать'; венг. *högrögni* 'хлепать' и башк. *högröldätew* 'громко втягивая, хлепать'.

Часть этих лексических корней встречается в татарском, чувашском, казахском и других кыпчакских языках, а также в языке сибирских татар.

Общие башкирско-венгерские тюркизмы иллюстрируют и как будто подтверждают взгляды тех ученых, которые считают древних мадьяр тюркским племенем. Так, В. М. Флоринский, основываясь на письменных источниках средневековья, пишет, что мадьяры, как часть башкирского народа, выселились около 884 года⁵⁶.

Обнаружены также общие слова финно-угорского корня. Сугубо специфические из них отмечаются в среднем, сакмарском, кизильском (юго-восточные говоры), гайнинском говорах, то есть в языке предста-

⁵⁵ ИЭСВЯ. Т. II, стр. 88.

⁵⁶ В. М. Флоринский. Башкирия и башкиры. СПб., 1874, стр. 724. Отд. оттиск.

вителей тех башкирских племен, которые составили ядро древнебашкирского этноса⁵⁷. Слова, общие с татарским, чувашским языками, характерны для общенародного языка, часть из них исторически связана с монгольским, персидским и другими языками.

Нам представляется перспективным глубокое исследование с максимальным охватом венгерского материала, ибо это может дать новые ценные сведения для изучения истории не только башкирского, но и других тюркских, а также финно-угорских языков.

⁵⁷ Р. Г. Кузеев. Происхождение башкирского народа, стр. 187.

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Х. Г. КОРОГЛЫ

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПАРФЯНСКОМ ЭПОСЕ «АЯТҚАР ЗАРЕРАН»

(К ПРОБЛЕМЕ ИРАНО-ТЮРКСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ)

В III веке до нашей эры парфянские племена, одержав решительную победу над преемниками Александра Македонского — Селевкидами, создали могущественное государство. С этого времени парфянский язык стал главным литературным языком западных областей Средней Азии и Западного Ирана, включая Азербайджан.

В начале нашей эры парфяне воевали с хуннскими племенами. Этноним *хунны* (позднее *гунны*) встречается в древнеиранском памятнике «Авесте» в написании *hуаon*. По всей вероятности, здесь имеются в виду хунны, входившие в состав Турана, население которого поклонялось Митре (Солнцу) и вело борьбу с иранцами, принявшими учение Заратуштры². Именно эти события нашли отражение в сохранившемся до наших дней парфянском эпосе «Аятқар Зареран» («Книга о Зарере»). Текст его с незначительными изменениями вошел в «Шахнаме» сначала в изложении Дакики, а после его смерти — Фирдоуси.

* * *

Каковы же были причины войны между иранцами и хуннами, именуемыми в «Шахнаме» тюрками? В парфянском эпосе говорится о том, как царь *хьюнов* (так в тексте) Арджасп потребовал, чтобы иранский царь отказался от новой веры, которую он принял от пророка Заратуштры. Вот начало повествования:

«Один колдун Видрафш
Другой — Намхваст
С двумя мириадами войска
(пришли) и держат свиток,
Говорят: „Нас к
Виштасп-шаху пусти“.
Виштасп-шах сказал: „Их
Впустите сюда“.
Они подошли.
Виштаспу поклонились,
Свиток подали.
Авраам-писец
Поднялся,

Громко свиток прочитал
А на свитке
Так написано было:
„Слышал я, что повелитель (в ориг. — баган)
Ту непорочную религию
От Охрмазда принял.
Если вы будете держаться ее,
То вам тяжкий ущерб
От этого должен произойти
Но если вы, повелитель,
Согласитесь от нее отказаться
И будете нашим единоверцем,
То будем мы служить вам“».

(Перевод Е. Э. Бертельса).

¹ Переложение среднеперсидского текста на новоперсидский язык, см.:

بهار مهر داد اساطير ايران تهران ۱۳۵۲، ص ۱۷۹-۱۸۸

² Л. Н. Гумилев. С. И. Руденко и современная этнография аридной зоны евразийского континента. — В сб.: «Этнография народов СССР». Л., 1971, стр. 11—12.

Далее предводитель хьюнов Арджасп угрожает иранскому царю войной и разорением страны, если тот не согласится принять его условия.

Е. Э. Бертельс высказал предположение, что начало «Книги о Зарере» не сохранилось, и что именно эта часть содержала рассказ о принятии царем Балха Виштаспом религии Заратуштры³. Это предположение подтверждается началом дастана о Зарере в «Шахнаме», вернее, версией, изложенной в незаконченной поэме Дакики, которую Фирдоуси включил в свое произведение. В этой версии повествование начинается с эпизода появления Заратуштры и принятия его веры царем Виштаспом. Однако далее эти два памятника по своему содержанию расходятся. В «Шахнаме» аналогичному письму Арджаспа к царю Ирана Виштаспу предшествует эпизод, во многом объясняющий подлинную причину войны между двумя государствами. Новоявленный пророк Заратуштра велит Виштаспу отказаться от выплаты дани тюркам:

«Киянскому царю сказал старец Зартушт,
Что в нашей религии не дозволено,
Чтобы ты платил дань чинскому правителю.
Подобное не приличествует нашей вере.
Я не согласен с этим еще потому,
Что наши цари с древних времен
Не платили тюркам никакой дани
Ты тоже следуй этому сегодня»⁴.

Тюркский правитель Арджасп посылает угрожающее письмо царю Ирана лишь после того, как узнает о кознях Заратуштры. Таким образом, идеологические причины возникновения войны между иранцами и тюрками оттесняются на второй план политико-экономическими соображениями.

О тюркском характере памятника говорят и особенности группировки его персонажей: царь хьюнов Арджасп, колдуны Видрафш и Намхваст, сын Хазара, к услугам которых прибегает царь. Имя *Хазара* (эпоним) впоследствии стало этнонимом «хазары» (потомки гуннов). При распаде западно-гуннского племенного союза в середине V века выделились две этнические группы: гунны-акатирь и гунны-кидариты. По предположению А. Н. Бернштама, первые были предками хазаров⁵. В таком случае в древнем эпосе «Аяткар Зареран», созданном по меньшей мере за 600 лет до «Шахнаме», восточно-туранские племена являются тюркскими. В самом памятнике об этом прямо не говорится, но следует учитывать, что почти двухвековое господство гуннов на Тяньшане (50-е годы до н. э. — 130 г. н. э.) и постепенное распространение их власти и культуры на Запад (в Фергану и Ташкентский оазис — места сражения войска Арджаспа с Зарером) привело к сформированию культуры тюркско-кочевнического типа, а, возможно, и внесению монголоидных расовых черт в европеоидный облик местного населения Средней Азии⁶. Это был начальный этап активной тюркизации местных племен (VI—VIII века), постепенно усиливавшийся благодаря связям с приалтайскими племенами. Тюркизация нашла свое выражение как в материальной культуре, так и в языке⁷.

³ Е. Э. Бертельс. Избранные труды. История персидско-таджикской литературы. М., 1960, стр. 75.

⁴ Московское критическое издание: Фирдоуси «Шах-наме», т. VI, М., 1967, стр. 71. В дальнейшем указаны том и страница; перевод с персидского языка всюду наш. — Х. К.

⁵ А. Н. Бернштам. Очерки истории гуннов. Л., 1951, стр. 164.

⁶ Там же, стр. 102.

⁷ Там же, стр. 105—106.

Разумеется, этот процесс, носивший отнюдь не мирный характер, нашел свое отражение в таком эпическом памятнике, как «Аяткар Зареран» и некоторых других, позднее объединенных великим Фирдоуси в «Шахнаме». В этом произведении все древние племена, враждебные Ирану, кроме дивов (доарийское население страны), именуются тюрками. В нем ярко раскрыты взаимоотношения двух во многом различающихся друг от друга этносов — тюрков и иранцев. Если в ранних эпических памятниках иранцев население Турана представляется восточной ветвью европеоидной расы (например, Франграсиан — Афрасияб в «Авесте», борющийся за *фарр*, т. е. своего рода «благодать», осеняющую власть), то уже в «Шахнаме» туранцы — это тюрки. Гуштасп, например, говорит:

«Я восхожу к роду Ираджа благородного,
Он восходит к роду Тура Колдуна» (VI, 78),

имея в виду Арджаспа, которого он называет повелителем тюрков.

О древности «Аяткар Зареран» говорит тот факт, что хьюны в этом памятнике — не иранцы, однако здесь нет и прямого указания на их тюркское происхождение. Это можно объяснить, очевидно, тем, что иранцы в ту эпоху контактировали с первыми «тюрками», еще неизвестными под этим названием, а входившими, по всей вероятности, как составная часть в племенное объединение гуннов. Позднее, в период создания других среднеперсидских памятников, тюрки занимали уже господствующее положение на территории, носившей название *Туран*. Поэтому в этих памятниках этноним *тюрк* полностью вытеснил этноним *хьюн*. Примечательно, что иранский автор X века Дакики, предшественник Фирдоуси, также называет Арджаспа и его войско тюрками, но их страну именует *Чин*, что в современных восточных языках означает «Китай». В «Шахнаме» название *Чин* приводится в двух значениях: и как собственно Китай (очень редко), и как страна, населенная тюрками, то есть Туран:

«Повелитель мира сказал счастливому Зареру,
Счастливому Джамаспу и отважному сыну,
Что Арджасп, полководец чинских тюрков,
Прислал мне письмецо такое» (VI, 78).

Весьма примечательно упоминание Фирдоуси о древнетюркской письменности, которую он называет «почерком ябгу»:

«Арджасп, полководец чинских тюрков отважных,
Мудрый всадник во всем мире
В том царском письме написал
Доброе благословение письмом ябгу» (VI, 74).

По всему видно, что Дакики и Фирдоуси государство хьюнов (гуннов) отождествляли с Тюркским каганатом, на что косвенно указывает и упоминание письменности ябгу. Известно, что гунны не оставили никаких свидетельств о наличии у них собственной письменности. Древние тюрки пользовались руническим письмом, на котором и дошло до наших дней множество памятников, начиная с VI века. Вероятно, эту письменность имеет в виду Дакики, говоря о «хатт-е ябгу» (букв. 'почерк ябгу').

Ябгу в эпосе имеет значение социального термина:

«Богатырь, победитель богатырей, ударил пикой
Того богатыря из рода ябгу» (VI, 116).

Ябгу известен и как высокий титул у тюрко-монгольских народов. «У хазар, среди которых, несомненно, гуннский этнический элемент,

вся социальная номенклатура была тюркской, полученной, вероятно, от среднеазиатских тюрок (хакан, тудун, ябгу и мн. др.)⁸. Фирдоуси приводит термин *ябгу* в сочетании с высшим тюркским титулом — *хакан*:

«Когда хакан узнал, что (они) потерпели поражение,
Что никто уже не придет к нему...» (VI, 116).

В «Книге о Зарере» (версии «Шахнаме» Фирдоуси) вся топонимика территории гуннов совпадает с топонимикой Турана (Туркестана). Так, посылая Бастура в сражение, Гүштасп говорит:

«Пройдись по Иташу и Халлухстану,
Убей всех, кого встретишь, мсти за отца» (VI, 120).

Иташ — по всей вероятности, древнетюркский город *Атбаш* (следует предположить графическую ошибку переписчиков), который в эпоху, описанную в «Шахнаме», был крупным центром во владениях карлуков⁹.

Халлустан — страна карлуков. «Главенство в Семиречье во второй половине VIII в. (после падения Западно-тюркской империи. — Х. К.) перешло к народу карлуков, главная масса которых теперь выселилась из Алтая (передовая ветвь карлуков еще в начале столетия достигла берегов Аму-дарьи)... их государь носил титул джабгу, несомненно, тождественный с часто встречающимся в Орхонских надписях титулом „ябгу“»¹⁰.

Фирдоуси в данном случае перенес события гуннской истории на историю карлуков, которая была ему хорошо известна. Соседями карлуков были *чигили* — другое тюркское племя. Фирдоуси называет Арджаспа «шахом чигилей» (VI, 134).

В дастане о Зарере в «Шахнаме» высшее воинство Арджаспа названо тюркским социальным термином *тегин*:

«Пригласил тегинов своего войска
И рассказал им то, что он услышал» (VI, 72).

Термин *тегин* часто употребляется в древнетюркских памятниках, в частности в Орхонских надписях, и переводится тюркологами как «царевич», что, на наш взгляд, не совсем точно. Фирдоуси вкладывает в него значение «полководец». Отметим еще одну любопытную деталь: в войске Арджаспа есть богатырь по имени Горсар («волку подобный»):

«Когда Арджасп увидел, что случилось с Горсаром,
Так сказал бесчисленному войску» (VI, 161).

«Послушав его, рассердился Горсар,
Подъехал и встал перед боевым строем» (VI, 161).

Этот образ перекликается с образом волка-тотема, нашедшим отражение и в уйгурско-буддийской легенде, использованной в эпосе «Эргене-Кон», создание которой связано с династией Ашина, то есть непосредственно с гуннами. Имя родоначальника династии Ашина этимологически возводится некоторыми авторами к волку-тотему. Слово *Ашина* [по-монгольски *чино* (*а* — префикс)] означает «волк».

В «Книге о Зарере» привлекают внимание еще некоторые эпические детали. Когда, например, колдун Видрафш (в иранском эпосе обычно

⁸ А. Н. Бернштам. Указ. раб., стр. 167.

⁹ В. В. Бартольд. Сочинения. Т. I. М., 1963, стр. 380.

¹⁰ В. В. Бартольд. Сочинения. Т. II (часть I), М., 1963, стр. 36.

колдовство приписывается тюркам, дивам и пери) из войска Арджаспа убивает Зарера и забирает его коня, то мстителем становится семилетний сын Зарера — Баствар (эпическая деталь), который убивает колдуну Видрафша и возвращает коня.

Основываясь, видимо, только на тексте поэмы, подготовленном Е. Бенвенистом, Е. Э. Бертельс отмечает: «На этом сохранившийся текст ценнейшего памятника обрывается»¹¹. Однако И. С. Брагинский, ссылаясь на публикацию трех западных иранистов¹², приводит описание дальнейших событий. Юный Баствар вместе с Гирамиккертом и сыном премудрого советника царя Джамаспа Испандатом (в «Шахнаме» — Исфандияр), братом Виштаспа, продолжают сражаться с войском хьюнов и всех их убивают. Арджаспу же «отрезают руку, ногу, ухо, выкалывают один глаз и отсылают рассказать хьюнам о разгроме их войска. Виштасп с победой возвращается в Балх»¹³.

В «Аяткаре Зареран» немало элементов народной поэзии; фольклорным в своей основе является и сам сюжет, восходящий, безусловно, к древним героическим сказаниям. Многие образы имеют параллели в более поздних эпических памятниках как иранских, так и тюркских. Например, примечательно совпадение описания судьбы хьюнского царя Арджаспа в цитируемом памятнике с легендой об Ашине, родоначальнике тюрков¹⁴. Легенда представляет значительный интерес, ибо в ней говорится об «отрасли дома Хунну от Западного края на запад», то есть о державе Аттилы. Эта отрасль была начисто истреблена соседями (ср. с истреблением всего войска Арджаспа в парфянском эпосе); уцелел лишь один девятилетний мальчик (в иранском памятнике — уцелел лишь Арджасп), которому враги отрубили руки и ноги (так же поступили иранцы с Арджаспом).

В «Шахнаме» этой версии нет. Там Исфандияр, брат Гуштаспа, истязает Арджаспа, затем отрубает ему голову и велит бросить ее в стан войска тюрков:

«Голову царя тюрков из смотровой башни
Следует бросить в стан войска» (VI, 204).

В парфянском эпосе Арджасп призывает воинов сражаться с Зарером, обещая выдать за победителя свою дочь Зарстан. Он повторяет свой призыв, обращаясь к ведущему бой Баствару, сыну убитого Зарера. Обращается к своему войску и иранский царь Виштасп, взывая о мести за гибель Зарера (в парфянском эпосе этого факта нет). Аналогичная эпическая деталь встречается в азербайджанском эпосе «Кёроглы», в котором турецкие султаны настойчиво обращаются к своим воинам с призывом пленить или убить Кёроглы, обещая выдать принцессу замуж за победителя. Разумеется, в данном случае речь может идти лишь о типологическом сходстве, однако наличие этой детали в таком древнем памятнике, как «Книга о Зарере», заслуживает особого внимания.

Таким образом, парфянский эпос «Аяткар Зареран», принадлежащий культурному прошлому иранцев, донес до наших дней ценнейшие сведения не только об истории взаимоотношений первых тюрков-хуннов с местным ираноязычным населением, но и о древней культуре той эпохи. С этой точки зрения парфянский эпос является уникальным и представляет исключительно большой научный интерес.

¹¹ Е. Э. Бертельс. Указ. раб., стр. 79.

¹² И. С. Брагинский. Из истории таджикской и персидской литературы. М., 1972, стр. 140.

¹³ Там же.

¹⁴ Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, стр. 23.

О Н О М А С Т И К А

И. В. ДРОН

«КОМРАТ» — ЭТНОТОПОНИМ НОГАЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Город Комрат является центром одноименного района, расположенного на юге Молдавской ССР.

В настоящее время этот город населен в основном гагаузами¹, здесь же проживает небольшое число молдаван, русских и болгар.

Комрат находится в центральной части Южной Бессарабии, которая в XVI—XVIII веках была населена главным образом тюркоязычными племенами из Ногайской Орды².

В XVI—XVII веках, несмотря на частые набеги турецких и татарских полчищ, в Буджакской степи продолжали существовать немногочисленные молдавские села и даже возникали новые поселения³.

После окончательного ухода ногайцев в 1807 году из Буджакской степи во многих оставленных ими селениях появились задунайские переселенцы — гагаузы и болгары. Одновременно заселение этого края шло за счет коренных жителей Бессарабии, а также государственных крестьян из внутренних губерний России и немецких колонистов из Варшавского герцогства.

Задунайские переселенцы — гагаузы заселили бывшие ногайские селения Авдарма, Комрат, Конгаз, Томай, Чишмикой и др.⁴ После освобождения от турок в крае стали интенсивнее развиваться экономика и культура.

Из литературы известно, что город Комрат, в прошлом село, был основан в конце XVIII — начале XIX века (точная дата основания пока не установлена).

С вхождением Пруто-Днестровских земель Молдавии после 1812 года в состав Российской империи Комрат в 1819 году, как и остальные

¹ По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года на территории Молдавской ССР к 17 января 1979 года проживало 138000 гагаузов (см. «Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года». М., 1980).

² До 1807 года в Буджаке (историческая область на юге Молдавии) кочевали два тюркоязычных народа — татары и ногайцы (см.: «Исторические корни связей и дружбы украинского и молдавского народов». Киев, 1980, стр. 165). В исторической литературе ногайцев, кочевавших в Буджакской степи, называли еще и «буджакскими татарами» или «ногайскими татарами» (см.: *Дмитрий Кантемир*. Описание Молдавии. Кишинев, 1973, стр. 25; *Эвлия Челеби*. Книжки путешествия. Выпуск I. Земли Молдавии и Украины. М., 1961, стр. 190—195).

³ В. С. Зеленчук. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX веке. Кишинев, 1979, стр. 35, 42.

⁴ «История Молдавии. Документы и материалы». Том II. Кишинев, 1957, стр. 546—547.

села центрального Буджака, получает статус колонии задунайских переселенцев. В 1806 году Комрат был уже хорошо известен и в нем проживали 52 семьи задунайских переселенцев (количество автохтонных жителей в то время в источниках не указано)⁵.

Происхождение названий селений юга Молдавии всегда вызывало интерес у исследователей.

Название города Комрат, согласно одной из топонимических легенд, распространенных среди жителей юга республики, как гагаузов, так и молдаван, состоит из двух слов турецкого происхождения *kömtür* и *at* 'черная, гнедая лошадь'.

Эта легенда в различных вариантах восходит к народной этимологии. Так, автор научно-популярной книги «Комрат» (Кишинев, 1980, стр. 16—17) В. В. Хрѣкин пытается связать происхождение названия «Комрат» со скачками лошадей, которые устраивались во время ярмарки в селении Комрат. Однажды на скачках якобы победила черная лошадь местного турецкого богача, и в честь этой победы владелец назвал село Комурат. Впоследствии (по В. В. Хрѣкину) слово «Комурат» трансформировалось в «Комрат».

Достоверность этой этимологии весьма сомнительна, так как она не находит подтверждения ни у гагаузов, ни у молдаван, проживающих на юге Молдавии.

Легенда о связи названия «Комрат» с *kömtür at* 'черная, гнедая лошадь', на наш взгляд, была воспринята жителями Буджака еще в период совместного проживания первых гагаузских переселенцев с ногайцами в некоторых ногайских селениях и сохранена ими. Известно, что в Южной Бессарабии гагаузы селились рядом или в самих селениях ногайцев, чему способствовала близость татарского и гагаузского языков⁶.

Попытки выяснить этимологию названия «Комрат» в прошлом предпринимались неоднократно. Так, например, румынский историк З. Арбуре связывал этот топоним с немецким словом *Camrad*⁷, что совершенно необоснованно, ибо немецкие поселения в Бессарабии возникли не ранее XIX века. М. Чакир усматривал в названии «Комрат» связь с апеллятивом татарского происхождения *Kömürat* (*Кьомюрат*) 'гнедая лошадь'⁸. Несостоятельность этих теорий была доказана молдавским ученым А. И. Еремия⁹.

Подобную же ошибку при этимологизации топонима «Комрат» допустил и М. Губогло в одной из своих статей¹⁰, где утверждал, что название «Комрат» несет в себе следы кочевого прошлого гагаузов — *kömtür at* (*кьомюр ат*) 'вороной конь'. Однако известно, что гагаузы в прошлом не кочевали на территории Молдавии и ранее 1812 года ими не было основано здесь ни одного (отдельного) поселения, а ногайцы («буджакские татары») окончательно покинули Буджак в 1807 году. Не лишне напомнить, что и до 1806 года, то есть до переселения гагаузов в Бессарабию, и еще во время пребывания здесь ногайцев, в исторических источниках Комрат был хорошо известен под нынешним названием¹¹.

⁵ В. М. Кабузан. Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровья. Кишинев, 1974, стр. 90.

⁶ М. В. Маруневич. Поселение, усадьба и жилище гагаузов Южной Бессарабии в XIX — начале XX вв. Кишинев, 1980, стр. 16 и прим. 42.

⁷ Z. Arbure. Dictionarul geografic al Basarabiei. București, 1904, стр. 72.

⁸ «Revista societății arheologice din Chișinău», Chișinău, 1924, стр. 77—80.

⁹ А. Еремия. Нуме де локалитэць. Кишинэу, 1970, стр. 107.

¹⁰ М. Губогло. Гагаузская терминология по скотоводству. — В кн.: «Тюркская лексикология и лексикография». М., 1971, стр. 226.

¹¹ В. М. Кабузан. Указ. раб., стр. 24, 90.

К неудачным попыткам этимологизации названия Комрат следует отнести работу А. Ресмериц¹², где происхождение топонима «Комрат» связывается с молдавским словом *коамэ* 'грива'.

Наиболее верной, на наш взгляд, представляется этимологизация названия «Комрат», предложенная молдавским топонимистом А. И. Еремия¹³. Он связал происхождение данного топонима с ногайским (и татарским) племенным названием *Kongrat//Konyrat*. Правильность такого вывода подтверждается историей края до переселения сюда гагаузов.

Как уже отмечалось, в XVI—XVIII веках Буджакская степь была местом кочевий ногайцев, именовавшихся в то время буджакскими, аккерманскими или белгородскими татарами¹⁴.

Уже в начале XVIII века, как писал выдающийся молдавский ученый-энциклопедист Дм. Кантемир, ногайцы («буджакские татары») начинали переходить к оседлому образу жизни. Так, в Буджаке было несколько оседлых селений, среди которых Дм. Кантемир упоминает Каушаны на реке Ботна и Татарпунар (современный Татарбунар)¹⁵.

Отрывочные сведения о переходе ногайцев Буджака к оседлости встречаются и у молдавских летописцев. Так, Ион Некулче пишет: «А (крымский) хан остался и перезимовал в Буджаке до весны, с большим расходом и вопреки буджакцам со стороны крымцев. Тогда (в 1726 году) и буджакские бей собрали взкэрит¹⁶ и отдали много денег хану, а взкэрит был больше, чем у нас (у молдаван)»¹⁷ (уточнения в скобках даны нами. — И. Д.).

Любопытно описание занятий «буджакских татар», данное в конце XVII века профессором университета в г. Галле Тунманном: «Буджаки живут разведением скота и земледелием, которые они ведут лучше, чем остальные ногайцы»¹⁸ (курсив наш. — И. Д.).

На основании исторических источников русский ученый Н. Харузин в свое время писал: «Буджакским ногайцам, по сравнению с другими кочевниками, были свойственны к концу XVII века наиболее развитые формы двора»¹⁹.

Таким образом, можно сделать вывод, что у ногайцев Буджака в XVII—XVIII веках было намного больше оседлых селений, чем указал Дм. Кантемир. Данный вывод подтверждается наличием большого числа топонимов с явно тюркско-ногайскими названиями, отмеченными на карте Ф. Г. Бауэра²⁰, составленной в период русско-турецкой войны 1769—1770 гг., когда боевые действия велись на территории нынешней Молдавии. Так, на карте наряду с некоторыми молдавскими топонимами даны и такие названия населенных пунктов, как «Авдарма», «Баурчи», «Бешалма», «Дезгинже», «Казаяклы», «Конгаз», «Мусаит», «Чи-

¹² *Al. Resmeriță. Dictionarul etimologico-semantic al limbii române. Craiova, 1924.*

¹³ *А. Еремия. Указ. раб., стр. 107.*

¹⁴ *Дмитрий Кантемир. Указ. раб., стр. 25; Ю. В. Иванова, Л. Н. Чижикова. Из истории заселения Южной Украины. — В кн.: «Культурно-бытовые процессы на юге Украины». М., 1979, стр. 5.*

¹⁵ *Дмитрий Кантемир. Указ. раб., стр. 25—26.*

¹⁶ *Взкэрит* — налог, взимаемый за содержание крупного рогатого скота.

¹⁷ *Ион Некулче. Летописецул Цэрий Молдовой. Кишинэу, 1969, стр. 323.*

¹⁸ *Тунманн. Крымское ханство. Симферополь, 1936, стр. 59.*

¹⁹ *Н. Харузин. История развития жилища у кочевых, полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М., 1896, стр. 63.*

²⁰ «Карта Молдавского княжества, составленная генеральным штабом П. А. Румянцева, отображающая передвижение и победы русской армии над турецко-татарскими войсками в 1769—1770 гг.». Карта составлена под руководством Ф. Г. Бауэра на французском языке. Копия ее под инв. № 757 хранится в Государственном историко-краеведческом музее МССР под вышеуказанным названием.

мишли», «Чобалакчи» и др. Многие из них позже стали названиями гагаузских сел.

На этой же карте приводятся пять населенных пунктов с названиями, сходными с современным топонимом «Комрат»:

- 1) *Коморат* — при впадении реки Сарата в озеро Сасык;
- 2) (*Mysuit*) *Комрад* — на речке Чага, притоке реки Когыльник;
- 3) *Комурад* — на реке Когыльник;
- 4) *Кумрад* — на месте современного города Комрат;
- 5) *Кумрат* — выше впадения реки Курудере в реку Сарата (бассейн озера Сасык).

Кроме этих названий населенных пунктов, существовавших до 1806 года, на одной из карт польского ученого С. Сташица указана речка *Kongrat*, левый приток Днестра. Причем отмечена она выше места расположения современного города Бендеры²¹.

Все указанные названия лингвистически близки к топониму «Комрат», их фонетические различия, видимо, отражают состояние диалектов языка ногайцев Буджака в XVIII — начале XIX века.

В конце XIV — начале XV века Ногайская Орда окончательно поделилась из распавшейся Золотой Орды. В XVI веке раздираемая в свою очередь феодальными междоусобицами Ногайская Орда делится на Большую и Малую, а позднее и на ряд мелких автономных улусов, возглавлявшихся мурзами.

Ногайские улусы первоначально кочевали на огромной территории от Днепра и далеко за Волгу, на восток. Позже теснимая калмыками часть населения Большой Орды ушла с Волги в низовья Дона и Приазовье, где еще раньше обосновались ногайцы из Малой Орды. Другая часть избрала для своего кочевья земли южной Украины, вплоть до Днестра. Таким образом, по берегам Днестра и Буга стали кочевать едисанцы — одно из подразделений Большой Орды²².

По этому поводу Дм. Кантемир писал: «Ногайские татары в Бессарабии делятся на две ветви: Орак-оглы и Орумбет-оглы, которые ревностно сохраняют свои родовые особенности»²³ (ср. оставшееся родовое название ногайцев в названии современного молдавского села Орак Левовского района МССР).

В прошлом большинство ногайцев хранило в памяти историю происхождения своих родов и племен, ибо родоплеменные отношения продолжали еще играть в их жизни существенную роль. Так, в памяти старшего поколения ногайцев Северного Кавказа до сих пор сохраняются такие названия родоплеменных групп, как: *ашамайлы*, *кенегес*, *конграт*, *кос-тамгалы*, *кыпшак*, *тарту-уллу*, *шюьмишли*²⁴. Все эти названия несомненно бытовали в прошлом и у Буджакских ногайцев, о чем свидетельствуют сохранившиеся топонимы на юге республики: *Комрат* (в некоторых молдавских говорах *Коморат*), *Конгаз* (древняя форма *Конгас*), *Копчак* (вариант *Кыпчак*), *Коштангалия*, *Тартаул*, *Чимишлия*, *Шамалия* и др.²⁵

²¹ S. Staszic. *Carta geologica totius Poloniae, Moldaviae, Transilvaniae et partis Hungariae et Valachiae*. Warszawa, 1806.

²² С. Ш. Гаджиева. *Очерки истории семьи и брака у ногайцев XIX — начала XX вв.* М., 1979, стр. 10. Ногайцев из Большой Ногайской Орды не следует смешивать с крымскими татарами, которые, хотя еще в середине XV века подошли к Днестру, однако Буджак не заселили [см. «История РСФСР (История Молдавской ССР)». Кишинев, 1967, стр. 159].

²³ Дмитрий Кантемир. Указ. раб., стр. 25.

²⁴ С. Ш. Гаджиева. Указ. раб., стр. 59.

²⁵ «Молдавская ССР. Административно-территориальное деление». Кишинев, 1978.

На эту связь буджакских топонимов с родоплеменными названиями ногайцев указал Н. А. Баскаков²⁶.

Близким по звучанию к названию населенного пункта «Кумрад», отмеченного на карте Ф. Г. Бауэра на месте современного г. Комрат, является топоним *Кунград* — город, расположенный на территории современной Каракалпакской АССР²⁷. В прошлом у каракалпаков также широко бытовал этноним *конград//кунград*.

Н. А. Баскаков сравнивает название г. Комрат Молдавской ССР с названием *арыса* — крупного родового объединения каракалпаков — *коныр ат* и с названием рода акногайцев — *кѳоцьырат урув*.

Анализ литературы позволяет выявить еще более ранние, уходящие вглубь веков, аналогии.

Известно, что родовое и племенное название *конград//кунград* ногайцы унаследовали от монголов еще до XIV века, в период обитания ногайцев в степях, к северо-востоку от Каспийского моря, когда они входили в состав Золотой Орды. Исследования показали, что этноним *конград//кунград* в прошлом встречался у многих тюркских народов, в том числе у казахов, каракалпаков, ногайцев, узбеков²⁸. Кроме того, селения с названием *Конрат* в XIX веке отмечены и в Крыму²⁹.

На наш взгляд, сравнение названий селений на карте Ф. Г. Бауэра (типа *Комрат, Комурат, Кумрад*)³⁰, расположенных, как правило, к западу от Днестра, с названием реки Конград, селения *Конрат* в Крыму, города *Кунград* Каракалпакской АССР и с племенным названием *конград (кунград)//коныр ат*, в прошлом распространенным у большинства тюркоязычных народов нашей страны, — свидетельствует о том, что в названии г. Комрат Молдавской ССР нашло отражение диалектное отличие языка буджакских ногайцев от языков других групп ногайцев.

Язык буджакских ногайцев еще мало изучен. Молдавские летописцы Григоре Уреке³¹, Мирон Костин³², Ион Некулче³³ (XVI—XVIII века) выделяли буджакских ногайцев из среды остальных этнических групп и народностей тюркского происхождения.

Интересен в данном аспекте и анализ языкового материала. Так, согласно филологическим исследованиям, лабиализация — общее языковое явление³⁴. Но в каждом конкретном случае процесс лабиализации зависел от конкретных языковых условий (топонимы типа *Комрат* с согласным *м* в середине слова отмечены только к западу от р. Днестра, то есть только в Буджакской степи). В нашем случае можно считать, что топоним *Комрат* образовался из этнонима *конград//конрат* под влиянием ногайского языка (Буджакской степи), который, по мнению ряда филологов, подвергался сильному влиянию языка аккерманских, бендер-

²⁶ Н. А. Баскаков. Родоплеменные названия кыпчаков в топонимии Южной Молдавии. — В кн.: «Топонимика Востока». М., 1964.

²⁷ «Малый атлас СССР». М., 1975, стр. 96, 103—106.

²⁸ С. Ш. Гаджиева. Указ. раб., стр. 59; Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 40; Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков. М.—Л., 1950, стр. 51; А. В. Суперанская. Групповые обозначения людей в лексической системе языка. — В кн.: «Имя нарицательное и собственное». М., 1978, стр. 70.

²⁹ «Список населенных мест Российской Империи. Таврическая губерния». СПб., 1865.

³⁰ Несколько местечек с такими названиями на территории Молдавии могли образоваться в результате разложения родового строя у ногайцев Буджака.

³¹ Григоре Уреке. Летописецул Цэрий Молдовой. Кишинэу, 1971, стр. 200.

³² Мирон Костин. Летописецул Цэрий Молдовой де ла Аарон Водэ ынкааче. Кишинэу, 1972, стр. 174, 246.

³³ Ион Некулче. Указ. раб., стр. 178, 323.

³⁴ Борис Семенов. Местные имена от района на Плиска. — «Български език». Кн. 4, София, 1980.

ских и килийских турок на протяжении нескольких столетий, то есть с 1484 года, когда турки поселились на территории средневековой Молдавии и до 1807 года — до времени окончательного переселения ногайцев царским правительством в Крым, Приазовье и Ставрополье³⁵.

Следовательно, ногайское племенное название *конграт//конрат//кунграт* превратилось в топоним *Комрат* (на территории Молдавии) в результате перехода согласного η [ng] в *м* под влиянием диалекта буджакских ногайцев³⁶.

Таким образом, название города Комрат является тюркским по происхождению топонимом и связано с названием одного из племен буджакских ногайцев.

³⁵ «История РСФСР...», стр. 403.

³⁶ Переход согласного η [ng] в *м* внутри и в конце слова после зубного гласного отмечен в некоторых тюркских языках. Ср. тур. *domuz* 'свинья' < **toɟuz*; тур. *gömläk* 'рубашка' (крым.-тат. *gölmäk*, караим. *kölmäk*, тат. *külmäk*) < **köɟläk*. (См. М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 169). Образование топонима *Комрат* (на территории Молдавии) именно в диалектной среде языка буджакских ногайцев подтверждается и данными ногайской антропонимии, в которой бытует антропоним *Кумратулы* (см. Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., 1940, стр. 143), в свою очередь этимологически связанный с ногайским племенным названием *конграт//кунграт* (в последнем также засвидетельствован переход η [ng] > *м*).

С другой стороны, необходимо отметить, что переход η [ng] > *м* не мог произойти в молдавской языковой среде, так как здесь данное явление не отмечается. (См.: «Диалектология молдовеняскэ». Кишинэу, 1976, стр. 94—96, 102—104.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

Г. Ф. БЛАГОВА

Е. Д. ПОЛИВАНОВ И ТЮРКСКАЯ АРЕАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

(К ДЕВЯНОСТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Тюркская ареальная лингвистика — одна из наиболее молодых и перспективных отраслей языкознания¹. Перспективность ее определяется тем, что она соединяет в себе синхронный и диахронический аспекты изучения языковых явлений.

Тюркская ареальная лингвистика сложилась в последнее десятилетие благодаря широкому размаху диалектологических исследований и становлению тюркской лингвистической географии. Работа над созданием диалектологических атласов, и прежде всего «Диалектологического атласа тюркских языков СССР», инициатором и теоретиком которого выступил Виктор Максимович Жирмунский, способствует коренному изменению принципов анализа диалектных данных и расширяет возможности лингвистического исследования².

Мощным импульсом для развития современных ареальных исследований в тюркологии послужили большие успехи, достигнутые этим направлением общего языкознания, а также романского и германского языкознания³. Важно отметить, что поиски этих новых путей изучения тюркских языков были начаты еще в тридцатые годы советскими учеными-новаторами В. А. Богородицким и Е. Д. Поливановым.

В. А. Богородицкий еще в начале тридцатых годов указывал на необходимость рассмотрения лингвистических фактов с «топографической точки зрения» и изучения тюркских языков по их «территориальным объединениям»⁴. Диахроническая устремленность поисков ученого проявилась уже в том, что он первый предпринял попытку применить принципы лингвистической географии к проблемам сравнительно-исторической фонетики тюркских языков⁵. В. А. Богородицкий рассчитывал та-

¹ См.: Н. З. Гаджиева. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. Среднеазиатский ареал. М., 1975; *её же*. Тюркязычные ареалы Кавказа. М., 1979; Г. Ф. Благова. Тюркское склонение в ареальном освещении (Юго-восточный регион). Автореф. докт. дисс. М., 1980.

² См.: В. М. Жирмунский. О диалектологическом атласе тюркских языков. — «Вопросы языкознания», 1963, № 6; *его же*. О некоторых вопросах лингвистической географии тюркских диалектов. — «Тюркологический сборник». М., 1966.

³ См., например: Э. А. Макаев. Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики. М., 1964; М. А. Бородин. Проблемы лингвистической географии. М., 1966.

⁴ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Изд. 2-е. Казань, 1953, стр. 101, 102.

⁵ См. об этом: В. М. Жирмунский. О диалектологическом атласе тюркских языков, стр. 10. Подробнее о разработках В. А. Богородицкого по вопросам, относящимся к объекту анализа ареальной лингвистики, см.: Н. З. Гаджиева. Проблемы тюркской ареальной лингвистики, стр. 11—12.

жим образом «получить указания на постепенное формирование тюркских языковых областей в разные периоды прошлого»⁶.

Ученому виделось в будущем развертывание комплексных тюркологических исследований — лингвистических, этнографических, историко-археологических, фольклорных и т. д. От таких комплексных исследований, которые в тюркологии пока еще не ведутся, ожидалось «раскрытие прошлых судеб тюркских народностей»⁷.

Е. Д. Поливанов, используя в своих работах идеи и приемы лингвистической географии, не стремился предвосхитить будущие тюркологические исследования, требующие кооперации усилий тюркологов всех специальностей, а исходил из неотложных практических нужд тюркского языкознания. В трудах Е. Д. Поливанова, относящихся к тридцатым годам, широко представлена целая система лингвогеографических приемов и принципов, активно внедрявшаяся ученым в исследовательскую практику.

Практической нацеленностью разработок Е. Д. Поливанова определяется характер отражения лингвогеографической проблематики в его трудах. Новые для тюркологии идеи и методические разработки Е. Д. Поливанова щедро рассыпаны в виде попутных замечаний, а иногда и подстрочных примечаний по ряду его трудов, посвященных отнюдь не теоретической проблематике. Это, прежде всего, его работа «Материалы по узбекской грамматике» (вып. 1, Ташкент, 1935), статьи по узбекской диалектологии⁸, книга «Узбекская диалектология и узбекский литературный язык» (Ташкент, 1933). Названия этих книг и статей не дают оснований предположить, что в них излагаются важнейшие принципы нового подхода к изучению тюркских языков и диалектов. Все это привело к тому, что идеи Е. Д. Поливанова, связанные с лингвогеографической и ареальной тематикой, долгое время не привлекали внимания тюркологов. И только теперь в связи с новейшими достижениями тюркской ареальной лингвистики стало ясным, насколько Е. Д. Поливанов опередил в данном вопросе тюркологическую науку своего времени.

Бесспорная заслуга ученого перед тюркологией состоит уже в том, что он положил начало научному изучению многочисленных и резко отличающихся друг от друга диалектов и говоров узбекского языка.

Без теоретического осмысления всех схождения и расхождения узбекских диалектов невозможно было решить остро стоявший в то время вопрос о том, какой должна была стать диалектная основа формировавшегося в тридцатые годы литературного узбекского языка. Недаром одна из работ этого периода была названа ученым «Узбекская диалектология и узбекский литературный язык».

Осмысляя схождения и расхождения узбекских диалектов, Е. Д. Поливанов разработал первую диалектную классификацию узбекского языка. Оригинальность этой классификации состоит в том, что оценка диалектных фактов велась ученым с позиций лингвистической географии. Так, в ряду прочих факторов он учитывал фактор простран-

⁶ В. А. Богородицкий. Указ. раб., стр. 101.

⁷ Там же, стр. 102.

⁸ См.: Е. Д. Поливанов. Образцы не-сингармонистических (иранизованных) говоров узбекского языка. I—II. — «Доклады Академии наук СССР. Серия В», 1928; *его же*. Образцы не-иранизованных (сингармонистических) говоров узбекского языка. I—II. — «Известия Академии наук СССР. Отделение гуманитарных наук», 1929; *его же*. Образцы не-иранизованных (сингармонистических) говоров узбекского языка. III. — «Известия Академии наук СССР. Отделение гуманитарных наук», 1931; *его же*. Говор кишлака Кыят-Конград Шаватского района. — «Сборник научных трудов Узбекистанского научно-исследовательского института культурного строительства», т. I, вып. 2, 1934.

ственного размещения языковых явлений. В частности, он искал объяснение некоторым из диалектных различий в географическом положении соответствующих диалектных территорий⁹, в том числе — в географической изолированности их от других районов. Вместе с тем Е. Д. Поливанов не был склонен переоценивать роль пространственного фактора, он считал нужным подчеркнуть, что «географические причины сами по себе не способны оказывать влияние на языковую историю (и значит на язык вообще)...»¹⁰.

Добиваясь всестороннего объяснения диалектных расхождений, Е. Д. Поливанов в своей классификации узбекских говоров учитывал и то, в какой мере эти говоры подверглись воздействию таджикского языка. Как известно, узбекский и таджикский языки тесно контактировали на протяжении многих веков своей истории. Принимая во внимание характер и степень таджикского воздействия, ученый во всех случаях исходил и из географического положения узбекских говоров относительно центров таджикского влияния. Он предложил даже своеобразную «формулу»: «последовательное ослабление, или удаление, таджикского влияния и параллельно этому — последовательное усиление, наоборот, турецкого (тюркского. — Г. Б.) элемента в данной языковой гибридации»¹¹.

Эта поливановская «формула», если выразить ее в терминах современного ареаловедения, свидетельствует о следующем: ученый раньше других заметил, что при языковом взаимодействии сила иррадиации одного из контактирующих языков обратно пропорциональна силе иррадиации другого из таких языков.

В концепции Е. Д. Поливанова известное место занимали важные наблюдения над механизмом языковых взаимодействий. Он особо подчеркивал, например, что «в иных пунктах смешивались не таджикский и узбекский языки, а иранизованный и неиранизованный говоры узбекского языка»¹².

При построении диалектной классификации узбекского языка Е. Д. Поливанов имел в виду исторические миграции огузских и кыпчакских племен в юго-восточном регионе¹³. Это, в свою очередь, связано с учетом фактов гражданской истории Средней Азии, с хронологизацией пространственных перемещений тюркоязычных и других народов. Глубокие познания в области не только узбекского, но и тюркского языкознания в целом, подкрепленные историческими фактами, позволили Е. Д. Поливанову сформулировать важное положение, касающееся исторического развития узбекского языка: «...современный узбекский язык в целом (в смысле совокупности всех его диалектов и говоров) образовался не путем диалектологического дробления некоего единого древнего общеузбекского языка [или общеузбекского праязыка], ибо такого общеузбекского языка [праязыка] никогда и не существовало, а наоборот, посредством объединения трех генетически различных тур. (тюркских. — Г. Б.) языковых систем, которые в разные эпохи и различными в генеалогическом отношении тур. (тюркскими. — Г. Б.) пле-

⁹ Е. Д. Поливанов. Образцы не-иранизованных (сингармонистических) говоров узбекского языка. III, стр. 93.

¹⁰ Е. Д. Поливанов. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык, стр. 9 и прим. 1.

¹¹ Там же, стр. 24.

¹² Там же, стр. 23.

¹³ Там же, стр. 10, 25 и сл., 29 и сл., Е. Д. Поливанов. Материалы по грамматике узбекского языка, стр. 19—20.

менами принесены были на среднеазиатскую (точнее, на современную узбекскую) территорию»¹⁴.

«Взаимную спайку составляющих узбекский язык говоров и диалектов» Е. Д. Поливанов считал целесообразным показывать, исходя «не из сравнения диаметрально противоположных (в генетическом и географическом отношении) языковых систем (например, ферганских диалектов, с одной стороны, и хорезмских диалектов, в частности — йжнхорезмского диалекта, с другой), но наоборот, главным образом из того факта, что унификация между смежными диалектными территориями создает ряд последовательных переходов от одного крайнего района до диаметрально противоположного ему другого крайнего района»¹⁵. Эта идея Е. Д. Поливанова очень близка к предложенному впоследствии В. М. Жирмунским разграничению первичных и вторичных диалектных признаков¹⁶.

При объяснении причин исторических языковых процессов Е. Д. Поливанов придавал особое значение учету того, как в результате взаимодействия говоров, обусловленного социально-экономическими факторами, создается «некая однообразная система, распространяющаяся на все данные пункты»¹⁷. В этой связи интерес представляют соображения ученого о вхождении самаркандско-бухарско-ходжентского типа узбекской речи в состав некоего «языкового союза низшего порядка», включающего в себя также «1) северное наречие таджикского языка, 2) туземно-еврейский, 3) туземно-цыганский, 4) эронийский»¹⁸, то есть «узбекизованный (под влиянием говора г. Самарканда) азербайджанский язык»¹⁹.

Диалектную классификацию узбекского языка Е. Д. Поливанов стремился дать в контексте взаимоотношений узбекского языка с другими тюркскими языками. А это неминуемо приводило к обсуждению проблемы классификации тюркских языков — проблемы, остающейся актуальной и для тюркологии наших дней.

Исходя из практического предназначения своей классификации тюркских языков (продемонстрировать своеобразное положение узбекского языка в системе всех тюркских языков), Е. Д. Поливанов приводит ее в книге «Материалы по грамматике узбекского языка» (вып. I). При этом ученый опирался на классификации, предложенные его предшественниками, и прежде всего на те «некоторые дополнения» к классификации тюркских языков, которые разработал А. Н. Самойлович на основе фонетических признаков²⁰.

Е. Д. Поливанов внес существенные уточнения в классификацию тюркских языков и, в частности, оснастил ее морфологическим материалом.

С точки зрения современной ареальной лингвистики чрезвычайно существенно, что Е. Д. Поливанов уже в тридцатые годы стремился

¹⁴ Е. Д. Поливанов. Материалы по грамматике узбекского языка, стр. 20.

¹⁵ Там же, стр. 23.

¹⁶ В. М. Жирмунский. Проблемы колониальной диалектологии. — «Язык и литература», 3. Л., 1929; его же. Немецкая диалектология. М.—Л., 1956; Г. В. Степанов. Учение В. М. Жирмунского о первичных и вторичных диалектных признаках в приложении к новой Романии. — «Ареальные исследования в языкознании и этнографии». Л., 1977.

¹⁷ Е. Д. Поливанов. Материалы по грамматике узбекского языка, стр. 7.

¹⁸ Е. Д. Поливанов. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык, стр. 10, прим. 1.

¹⁹ Е. Д. Поливанов. Образцы не-иранизованных (сингармонистических) говоров узбекского языка. I—II, стр. 514, прим. 2.

²⁰ А. Н. Самойлович. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Петроград, 1922.

применить к классификации тюркских языков приемы и принципы лингвистической географии. Как известно, подступы к решению классификационной проблемы таким путем стали разрабатываться в тюркологии только в семидесятые годы в работах Н. З. Гаджиевой²¹.

В чем же выразалось применение приемов и принципов лингвистической географии в классификации Е. Д. Поливанова? Во-первых, в том, что при вычленении классификационных групп тюркских языков немалое значение Е. Д. Поливанов придавал фактору территориальной изолированности носителей, например, чувашского или якутского языков: именно этот фактор, по его мнению, обеспечил «самостоятельную эволюцию чувашского языка»²². Во-вторых, новаторство Е. Д. Поливанова состояло в том, что, анализируя различия между классификационными группами тюркских языков, он пользовался изоглоссами. Анализируя ряд фонетических, морфологических и лексических изоглосс, Е. Д. Поливанов показал, что «большинство различий между турецкими (тюркскими. — Г. Б.) языками сводится не к индивидуальным особенностям единичных языков, а к изоглоссам, простирающимся на известную группу тур. (тюркских. — Г. Б.) языков (или их диалектов)»²³. Сами классификационные группы тюркских языков вычленились им на основании совпадений тех или иных изоглосс. Особое внимание при этом уделялось «исторической мотивировке изоглосс»²⁴.

Таким образом, в своих, казалось бы, узко узбековедческих работах Е. Д. Поливанов, откликаясь на неотложные запросы узбекского языкознания, новаторски искал наиболее рациональные пути решения практических вопросов в контексте целого комплекса актуальных задач, стоящих перед советской тюркологией.

Блестяще владея новейшей лингвистической методикой, во всеоружии огромного фактического материала по всем тюркским языкам, Е. Д. Поливанов во многом опередил тюркологическую науку своего времени. Как уже отмечалось, в своих узкоспециальных работах ученый открывал выход к общим теоретическим проблемам тюркского языкознания, закладывал основы будущих ареальных исследований тюркских языков, намечая исследовательские перспективы в плане как синхронии, так и диахронии. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности переиздания отдельной книгой узбековедческих работ Е. Д. Поливанова, которые в настоящее время стали библиографической редкостью.

В данном сообщении мы стремились посылно обосновать то очевидное положение, что перечисленные работы Е. Д. Поливанова по своему значению выходят далеко за рамки собственно узбекского языкознания. Они представляют бесспорный интерес как для тюркского, так и для общего языкознания, и прежде всего — для развития лингвогеографических и ареальных исследований в нашей стране.

²¹ Н. З. Гаджиева. Проблемы тюркской ареальной лингвистики, стр. 214—245.

²² Е. Д. Поливанов. Материалы по грамматике узбекского языка, стр. 10—11.

²³ Там же, стр. 11. В последнее время сходные идеи получили развитие в работе: Н. А. Баскаков. Процессы ареальной интеграции в истории тюркских языков. — «Советская тюркология», 1980, № 4.

²⁴ Е. Д. Поливанов. Материалы по грамматике узбекского языка, стр. 12, см. также стр. 13—14.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

М. И. ТРОФИМОВ

ОБ УДАРЕНИИ В СЛОЖНЫХ СЛОВАХ И СЛОВСОЧЕТАНИЯХ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

В различных языках ударение в сложных словах и словосочетаниях может иметь некоторые общие черты. В одних случаях наряду с главным образуется побочное или второстепенное ударение, факультативное или постоянное, как, например, в русских словах «сельскохозяйственный», «зернохранилище», с тенденцией к сохранению одного ударения, как например, в словах «пароход», «золотоносный», «Дорогомиловская», «второстепенный»¹. Можно привести аналогичные примеры и из других языков — скажем, венгерского или нидерландского с их главным ударением на первом слоге². (Здесь не имеются в виду сложно-сокращенные слова типа «универмаг», в которых ударение подчиняется обычным для всех слов правилам³). Что же касается словосочетаний, то в них ударение является, видимо, результатом наложения друг на друга ударений разных уровней, а именно, словесного и тактового⁴. Это позволяет с достаточным основанием рассматривать сложные слова и парные словосочетания параллельно, хотя Л. Н. Старостов и приводит контрастные пары из разных языков, например: русск. «Я уже рассказал — я уже раз сказал», «они обошли — они оба шли», польск. *wielkánoc* 'пасаха' — *wielká noc* 'великая ночь', *duşigrosz* 'скряга' — *dusi grosz* 'зажимает копейку', англ. *blackboard* 'классная доска' (ударение на втором слоге) — *a black board* 'черная доска', *blackbird* 'дрозд' — *a black bird* 'черная птица'⁵. В связи с этим Л. Н. Старостов отмечает, что одна из функций ударения — служить показателем самостоятельности слова как лексической единицы.

У. Ш. Байчура постоянно подчеркивает недопустимость отождествления акцентологических систем различных тюркских языков. Это предостережение, вероятно, следует признать обоснованным. Тем не менее нам кажется уместным сопоставление одноплановых явлений в различных тюркских языках, поскольку часто явления одного языка становятся более понятными именно при сопоставлении с другим языком.

¹ Л. Н. Старостов. Об ударении в турецком языке. — «Труды Военного института иностранных языков». М., 1953, вып. 2, стр. 104.

² К. Е. Майтинская. Венгерский язык. Ч. I. М., 1955, стр. 83; С. Я. Миронов. Нидерландский (голландский) язык. М., 1965, стр. 18.

³ А. Фуломов. Узбек тилида урфу. Тошкент, 1947, стр. 26.

⁴ Р. И. Аванесов. Фонетика русского литературного языка. М., 1956, стр. 62.

⁵ Л. Н. Старостов. Указ. раб., стр. 102.

Многие авторы, в частности Г. Садвакасов⁶, отмечают существование в тюркских языках сложных слов, оба компонента которых произносятся одной фонацией, то есть имеют одно централизованное ударение. С другой стороны, еще В. В. Радлов указывал, что два слова, находящиеся в тесной смысловой связи, могут часто заключаться между половинным и полным тонами, то есть иметь общую систему ударения, например: *kälgäpjoq* 'он не пришел'⁷ (у В. В. Радлова акут соответствует обычно второстепенному ударению, а двойной гравис — главному). Более подробно на этом вопросе останавливается А. Гуломов. Он указывает, что в словосочетаниях некоторых языков слова получают в речи одно общее ударение. Между компонентами такой синтагмы не бывает паузы. Наряду с главным появляется второстепенное ударение. В смысловом отношении такая группа также представляет собой определенное единство. Это характерно, в частности, для узбекского языка⁸. Из подобных сочетаний, связанных подчинительной связью, образуются сложные слова.

В грамматическом отношении сложные слова, как и словосочетания, могут относиться к самым различным типам. Сложные слова могут образовываться:

а) из сочетаний двух существительных: *тоғ-олча* 'сорт алычи', *чарх-фалак* 'чигирь', *от-қулоқ* 'щавель', *ит-оғиз* 'львиный зев (растение)', *сув-илон* 'водяной уж', *гул-тоғжи-хуроз* 'петушиные гребешки (растение)', *тахта-пўл* 'деревянный пол', *Тўй-тепа*, *Нур-ота*, *Бел-тепа*, *Шо-файзи-қулоқ*, *Хақ-қул-обод* — топонимы (все сложные слова пишутся слитно);

б) из сочетаний определения с определяемым существительным: *қора-тут* 'вид шелковицы', *Қизил-ўрда*, *Кўк-терак*, *Тешик-қопқо*, *Уч-қурғон*, *Беш-ёғоч* — топонимы;

в) из сочетаний существительного с глаголом: *Илон-ўтди*, *Сой-келди* — топонимы, *Рахим-берди* — мужское имя;

г) из сочетаний прилагательных и сочетаний числительных⁹.

Таким же образом возникают и словосочетания. Это могут быть сочетания определения с определяемым (особенно если в роли определения выступает существительное): *қизил тахта* 'красная доска', *оқ ип* 'белая нитка', *оқ ипак* 'белый шелк', *ёз кечаси* 'летний вечер', *сўз боши* 'введение', *халқ иши* 'народное дело'; сочетания наречия с глаголом-сказуемым: *тез ўқиди* 'быстро читал', *кам гапирди* 'мало говорил', *яхши биледи* 'хорошо знает', *кулиб гапирди* 'говорил смеясь'; иногда это сочетание подлежащего и сказуемого (особенно если они являются односложными)¹⁰.

Промежуточное положение между сложными словами и словосочетаниями занимают фразеологизмы. А. Гуломов приводит составные глаголы, имеющие одно главное ударение, например: *яхши кўради* 'любит' (в другом значении каждое слово имеет свое ударение), *қўл қўйди* 'подписал' и сложные глагольные формы, составленные по определенной модели, например: *сотиб олди* 'купил', *олиб сотар* 'перекупщик'¹¹.

⁶ Г. Садвакасов. Словообразование имен существительных в современном уйгурском языке. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1956, стр. 12.

⁷ W. Radloff. *Phonetic der nördlichen Türk Sprachen*. Leipzig, 1882, стр. 99.

Здесь и далее полужирным шрифтом в примерах набрана гласная, подпадающая под ударение (Прим. ред.).

⁸ См.: А. Гуломов. Указ. раб., стр. 25 и 27.

⁹ Там же, стр. 24—25.

¹⁰ Там же, стр. 27—28.

¹¹ Там же, стр. 25—26.

А. Гуломов, так же как Л. Н. Старостов, проводит параллель между узбекским и французским языками. Очевидно, наложение друг на друга ударений различного уровня — словесного, тактового, фразового — происходит как во французском, так и в русском языке, различие лишь в формах проявления этого процесса.

Нечто подобное Л. Н. Старостов отмечает и в турецком языке, хотя он, как и некоторые другие авторы, не делает различия между фразовым и тактовым ударением. Он пишет, что полная зависимость турецкого словесного ударения от фразового проявляется не только в возможности перемещения первого, но еще и в том, что последнее зачастую (если не сказать — обычно) сводит первое на нет в словах, не несущих главной смысловозначительной нагрузки в синтагме. Таким образом, в потоке турецкой речи постоянно фигурирует масса энклитик и проклитик (в том числе из знаменательных слов), которые полностью утрачивают свое словесное ударение под влиянием фразового на предыдущем или последующем слове. Например, если определение и определяемое входят в одну синтагму, фразовое ударение может быть либо на определении, либо на определяемом. Соответственно определение, выраженное прилагательным, существительным или другим знаменательным словом, может выступать в роли проклитики, а определяемое — в роли энклитики; то же самое наблюдается в группе «обстоятельство (или дополнение) + сказуемое». Глагольные формы в сказуемом обычно бывают энклитичны. Правда, сюда не относятся случаи употребления глагольных форм в отрицательном, вопросительном или отрицательно-вопросительном аспектах, а также ответы на вопрос, относящийся непосредственно к сказуемому¹². Ф. Г. Исхаков утверждает, что в татарском языке в сложных словах обычно усиливается ударение того компонента, на который падает логическое ударение, например: *eşli başladı//eşli başladı* 'начал работать'¹³. А. Гуломов также указывает на роль эмфазы или логического ударения в узбекском языке, например: *Бу теракнинг япроғи эмас, чинорнинг япроғи* 'Это листок не тополя, а чинары'. Логическое ударение может привести к перемещению ударения с последнего слова, например: *Нинадек тешикдан тўядек совуқ киради* 'Через дырку величиной с иголку входит холод величиной с верблюда'¹⁴. В зависимости от характера противопоставления одного слова другому может перемещаться и ударение, например: *белбоғ* 'кушак' (*қоринбоғ* 'подпруга'), *бўйин боғ* 'шейный платок', *иштон боғ* 'завязка для штанов') *нос қовоқ* 'коробочка для наса' (*ош қовоқ* 'съедобная тыква', *нос халта* 'мешочек для наса'). В этом же ряду А. Гуломов рассматривает и топонимы: *Оқ терак* (*Кўк терак*, *Қатортерақ* — *Оқтепа*, *Оқсой*), *Бешириқ* (*Олтиариқ*, *Бешёғоч*, *Бешиқайрағоч*), *Каттақурғон* (*Каттасой*, *Тўрақурғон*). В топонимах, так же как при эмфазе, ударение может приходиться на первый компонент сложного слова. Ср., с одной стороны, *ош қовоқ* 'тыква для еды', *нос қовоқ* 'коробочка для наса', *сув қовоқ* 'посуда из тыквы' (противопоставление); а с другой — *Янги йўл*, *Янги бозор*, *Тўра қурғон*, *Катта қурғон*, *Кесак қурғон*¹⁵ — топонимы.

Что же касается второстепенного ударения, то оно, может, вероятно, существовать и в кристаллизованных формулах, которые не этимоло-

¹² Л. Н. Старостов. Указ. раб., стр. 110—111.

¹³ Ф. Г. Исхаков. Законы словесного ударения в татарском языке. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I. Фонетика. М., 1955, стр. 332.

¹⁴ А. Гуломов. Указ. раб., стр. 7.

¹⁵ Там же, стр. 28—29, также 25.

логизируются на базе тюркских языков, если эти формулы достаточно длинны. П. Е. Кузнецов в качестве примера приводит узбекское приветствие: *ассалому-алайкум — ва алайкум ассалом*. При этом П. Е. Кузнецов останавливается на длительности: в слове *салом* звук *о*, сам по себе долгий, в первом примере под влиянием логического ударения еще более удлиняется, во втором же примере он становится почти полудолгим¹⁶. С другой стороны, второстепенное ударение появляется или ослабляется в относительно коротких сложно-сокращенных словах, например, *маҳаллом*¹⁷ 'квартирный комитет'.

В современном уйгурском литературном языке полуширокие *о, ö, е*, как известно, не выступают в первых слогах. Исключение составляют сложные слова, например: *Sartoqaj, Qarateräk* — топонимы, *qaröruk* 'слива', *Abdiveli* — мужское имя, *qaşqibedä* 'дикий клевер', *qariyoza* 'скворец', *toxuközi* 'куриная слепота (растение)', *Sädön* — топоним, *örböğä* 'округа', *kömqonaq* 'кукуруза', *ejtiveridu* 'скажет', *elivedi* 'говорил', *at-žön* (в выражении *at žönini ejtti* 'рассказал о себе'), *soda-setiq* 'торговля' и др. Аналогичные примеры существуют в казахском языке, например: *Sarözek, Aqtöbe* — топонимы, *sänqoj* 'щеголь'¹⁸. Это явление также может свидетельствовать о существовании второстепенного ударения, хотя трудно без дополнительных данных установить, действительно ли оно отражает реальное произношение или относится целиком к плану орфографии.

В. Прёле, возможно, первый высказал мнение, что основное ударение в сложных словах в турецком приходится на первый компонент: *âtjarusy* 'скачки', *jenicegi* (первоначально «новые войска»), *qarägöz* 'черноглазый'. То же самое он относит и к словосочетаниям, причем не делает различия между фразовым и тактовым ударением. Он пишет, что фразовое ударение (читай «тактовое». — М. Т.) значительно усиливает главное ударение соответствующего слова, в то время как собственное ударение следующего или предшествующего слова значительно ослабляется, например: *qarä bulut* 'черная туча', *qarä göz* (последнее слово, по мнению В. Прёле, совершенно безударно). В предложениях *evde qaldı* 'остался дома' или *evde qalma* 'не оставайся дома' можно лишь тогда ставить знак побочного ударения на *-du* или *-de*, если уверен, что слова *evde* или *qaldı* под фразовым ударением или в изолированном произношении несут главное ударение на последнем слоге¹⁹. Это положение он распространяет и на прототюркское состояние. Таким образом, В. Прёле также указывает на наложение друг на друга ударений двух уровней — словесного и синтагматического.

Тезис об ударении на первом компоненте сложных слов повторяют Г. Шараф и Ф. Г. Исхаков (для татарского языка). Ф. Г. Исхаков приводит такие примеры: *балä-чага* 'детвора', *хатын-кыз* 'женщины и де-

¹⁶ П. Е. Кузнецов. Продолжительность гласных в живом узбекском языке. — В сб.: «В. В. Бартольд. Туркестанские друзья, ученики и почитатели». Ташкент, 1927, стр. 432.

¹⁷ А. Фуломов. Указ. раб., стр. 26.

¹⁸ Т. Талипов. Уйғур тили фонетикаға даир қисқича мәлумат (уйғур тили муәллим-лиригә ярдәмчи курал). Алмута, 1958, стр. 16; *его же*. Һазирқи заман уйғур әдәбий тилидики созук тавушларни классификацияләшницә базибир принциплари һәққидә. — «Труды сектора востоковедения Академии наук Казахской ССР», 1959, т. 1, стр. 162; Г. Сәдуақасов. Уйғур әдәбий тилиниң имла қандилири. Алмута, 1961, стр. 11—12; А. Т. Кайдаров, Г. Сәдуақасов, Т. Талипов. Һазирқи заман уйғур тили, 1-нчи қисим. Алмута, 1963, стр. 197; Т. Талипов. Гласные звуки уйгурского и казахского языков. Алмата, 1968, стр. 31.

¹⁹ W. Pröhle. Zur Frage des Wortakzents im Osmanisch-Türkischen. — «Keleti Szemle», XII, Budapest, 1911—1912, стр. 209.

вушки', *анда-монда* 'там и сям' и т. п. В то же время парные числительные, по Ф. Г. Исхакову, имеют ударение на последнем слоге второго компонента: *биш-алтй* 'пять-шесть', *ун-унбийш* 'десять-пятнадцать'²⁰ (обычно говорится, что числительные, как исключение из общего правила, имеют ударение на первом слоге). А. Гуломов считает, что в узбекском языке главное ударение как в сложных словах, так и в словосочетаниях, составленных по типу подчинения, обычно стоит на последнем слоге последнего компонента, а на первый компонент приходится второстепенное ударение, например, *қизил байроқ* 'красное знамя', *ўчоқ боши* 'место у очага', *қора чироқ* 'масляная лампа (коптилка)', *кичик устаралар* 'бритвенные лезвия'²¹.

Что касается местонахождения второстепенного ударения, то у А. Гуломова обнаруживается определенная противоречивость. С одной стороны, он утверждает, что в определительных сочетаниях второстепенное ударение приходится на последний слог первого компонента (определения)²², с другой — пишет, что в длинных синтагмах оно может падать на передний слог, и приводит известный факт элизии гласного при образовании хиатуса на стыке компонентов²³.

Г. Ракетт, который указывает на наличие в турецком языке наряду с силовым тоническим ударением, дает следующую схему расстановки акцентов в сложных словах: если сложное слово имеет два или большее количество слогов, то в каждом из компонентов сохраняется первоначальный акцент (см. ниже), однако звук последнего слога первого компонента существенно ослабляется, например: *tütün-tâ·blâ* 'пепельница', *sâ·gu-sâlıqım* 'золотой дождь (растение)'. Аналогичную схему он дает и для составных числительных, например: *è·lig-âltè* 'пятьдесят шесть', что, по крайней мере, внешне не противоречит данным Ф. Г. Исхакова (см. выше). Если же второй компонент сложного слова состоит из одного слога, то главное ударение сливается с высоким тоном последнего слога: *dèmir-bâ·ş* 'железная голова' (прозвище Карла XII); *qâga-göz* (сравните со схемой этого слова у В. Прёле), *dèmir jô·l* 'железная дорога', *òp·bî·g* 'одиннадцать', *òp·ÿ·ç* 'тринадцать', *èlig bé·ş* 'пятьдесят пять' (ср. *qâgundâ·ş* 'родственник', *âddâ·ş* 'тезка')²⁴. Схему Г. Ракетта нельзя рассматривать в отрыве от его концепции турецкого ударения в целом, но пока отметим лишь, что он ставит грависное ударение на первом слоге первого компонента.

Как указывает А. М. Щербак, дескриптивисты в своих работах пользуются понятием «стыка» (*juncture*), причем различают открытый стык — между словами или тактами, и закрытый — внутри слова, как имеющие фонологическое значение, например, карачаевск. *altuşar* 'по шести' — *altuşar* 'шесть шаров', *qagaşaj* 'карачаевец' — *qagaşaj* 'черный чай', *qagaşajya* 'карачаевцу' — *qagaşajya* 'посмотри за чаем'²⁵. Термин *juncture* («стык») А. М. Щербак переводит как «смычка-пауза». Тогда напрашивается предположение, что открытая «смычка-пауза» — это собственно просто пауза, а закрытая — это смычка. В действительности, вероятно, целесообразнее термин «пауза» оставить для обозначения границы между фразами, которая в большинстве случаев обозна-

²⁰ Ф. Г. Исхаков. Указ. раб., стр. 332.

²¹ А. Гуломов. Указ. раб., стр. 19, 24—25, 32.

²² Там же, стр. 19.

²³ Там же, стр. 27.

²⁴ G. Raquette. The accent problem in Turkish. — *Lunds Universitets Arsskrift*. N. F. Avd. 1, Bd. 24, N 4, Lund, 1927, стр. 16.

²⁵ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 120.

чается точкой, и границы между синтагматическими группами, которая иногда обозначается запятой. Нам неизвестен другой термин, который мог бы заменить слово «пауза» в этом значении. В обоих же членах приведенных выше пар мы имеем дело со смычкой, которую можно назвать открытой или закрытой. Противопоставление смычке-паузы, действительно является фонологически значимым, однако противопоставление открытой и закрытой смычки таковым не является, это лишь сопровождающий признак ударности-безударности. Л. Н. Старостов, вероятно, прав, когда говорит, что одна из функций ударения — быть показателем самостоятельности слова как лексической единицы. Отсюда следует, что противопоставление *altuŝar—altu ŝar* опирается не на смычку-паузу, а на наличие одного или двух ударений в этом комплексе аналогично русским примерам: «Я уже рассказал» — «Я уже раз сказал» или английским: *a'blackboard — a black board*.

Л. Н. Старостов приводит подобные примеры из турецкого языка, например: *qara göz* 'черные глаза' — *Qaragöz* — имя собственное, *qara quş* 'черная птица' — *Qaraquş* — имя собственное. Л. Н. Старостов указывает, что, во-первых, как сложное слово, так и словосочетание имеют одно общее ударение и не различаются в этом отношении между собой. Таким образом, тезис о существовании противопоставления открытой и закрытой смычки не подтверждается. Во-вторых, если ударение приходится на первый компонент, то это означает эмфазу, которая находит дополнительное выражение в появлении неопределенного члена *biç*: *qara biç göz*, *qara biç quş*²⁶ (правда, Л. Н. Старостов чрезмерно сближает эту эмфатическую частицу с артиклем европейских языков).

В одной из своих публикаций нам уже приходилось рассматривать явление редукции гласного на стыке компонентов в сложных словах или парных словосочетаниях²⁷. Из этих фактов можно сделать вывод, что в результате наложения друг на друга словесного и тактового ударения второстепенное ударение словосочетания воспринимается как главное в его первом компоненте, и таким образом конечный слог первого компонента оказывается в слабой позиции, чем и объясняется редукция гласного (ср. русск. «зёрнохранилище»). В противном случае пришлось бы предположить, что редукция гласного вообще не имеет никакого отношения к ударению и даже может происходить в ударном слог. Мы позволим себе вновь привести уже использованный ранее материал (опустив для краткости указания на источники), чтобы рассмотреть его с данной точки зрения.

Первый случай выпадения гласного на стыке компонентов — это элизия гласного в случае образования зияния, причем происходящая как внутри слова, в частности в сложных словах, так и на стыке слов в устойчивых или даже более окказиональных сочетаниях. Приведем примеры из современного уйгурского языка. Сравните, с одной стороны: *qaröŋk* 'слива' (< *qara öŋk*), *qaşqoŋlaq* 'барсук' (< *qaşqa oŋlaq*), *yoŋähmät* — мужское имя (< *yoŋa ähmät*), *nemiškä* 'почему' (< *nemä iškä*), *tapalmaj* 'не найдя' (< *tapa almaj*), *jazalmajmän* 'не смогу писать' (< *jaza almajmän*), с другой (из других тюркских языков) — *sar'at* 'гнедой конь' (*sary at*), *alt'aj* 'шесть месяцев' (*altu aj*), *an'öltürdy* 'убил его' (*any öltürdy*), *at'anaya* 'родителям' (*ata-anaya*).

К. Брокельман приводит аналогичные примеры из старого литературного языка Средней Азии: *kiŝ'ämgäki* 'тяготы человека', *jüzd'acıyü* 'с гневным лицом' и др. Г. Ярринг также указывает на существование ре-

²⁶ Л. Н. Старостов. Указ. раб., стр. 111—112.

²⁷ М. И. Трофимов. Фонетические процессы в слоге в современном уйгурском языке. Алма-Ата, 1978, стр. 81—84.

дукции в подобных примерах, но не выделяет ее в своей транскрипции уйгурского языка: *xaltāni ālip* 'взяв мешок', *aʔzupu aʔsa* 'если раскроет рот', *qāgi anesi* 'старая мать' и др. Следует отметить, что, во-первых, примеры Г. Ярринга более окказиональны, во-вторых, Г. Ярринг вообще не только строго придерживается норм литературного произношения времени его пребывания в Синьцзяне, но и старается в своей транскрипции не слишком отдаляться от фонематического принципа; поэтому в ней не очень четко отражены фонетические особенности разговорной речи. Очень много примеров такого рода встречается в области поэзии, хотя бы приведенные Н. Ф. Катановым для уйгурского языка: *kōŋpim-p'alıyan* 'взявший мое сердце', *paħs'ajtqaŋ* 'читавший стих', *ikk'alālmniŋ* 'двух миров', или примеры Г. Садвакасова из языка ферганских уйгуров: *U jaŋu'ötāj, bu jaŋu'ötāj* 'Пойду туда, пойду сюда'.

Таким образом, в этой группе примеров нет никакой разницы между внутренним и внешним сандхи, а следовательно, и между открытой и закрытой смычкой. Как уже указывалось, нет необходимости привлекать для объяснения элизии гласного гипотезу о первоначальном тюркском ударении на первом слоге, поскольку передвижение ударения хорошо объясняется закономерностями, существующими в языке и в настоящее время.

Во второй группе примеров выпадение гласного на стыке морфем объясняется отчасти абсорбцией гласного сонорным согласным. Возьмем примеры из уйгурского: *qarjaʔaʔ* 'карагач' (*// qājriʔaʔ*) < *qara jaʔaʔ* *baljaʔaʔ* 'несущая балка (в доме)' < *bala jaʔaʔ*, *qarŋiʔ* *// qarimŋiʔ* 'черный перец' < *qara biŋiʔ*. К. Брокельман приводит пример *joqar'qorip* 'встав' < *joqari qorip* (он делает оговорку, что опять-таки здесь сказывается влияние стихотворного размера). Ср. также башкирское *ħar'taj* 'сливочное масло' < *ħaru taj*. Таким образом, и в этих примерах нельзя усмотреть разницы между внешним и внутренним сандхи.

В третьей группе примеров (характерных только для современного уйгурского языка) происходит неполная редукция гласных в открытых слогах, причем редуцированный звук обозначается как гласный *i*. Сравните, например, с одной стороны: *qariʔoʔa* 'скворец' (*qara* 'черный'), *tekisaqal* — название растения (*tekä* 'козел'), *lājliqazaq* 'степной мак' (*lājlä* 'лилия'), *bediköki* 'верхушка молодого клевера' (*bedä* 'клевер'), *kalti-qurquq* 'куцый' (*kaltä* 'короткий')²⁸, и с другой — *koni bazar* 'старый базар' (*kona* 'старый'), *tülki balisi* 'лисенок' (*tülkä* 'лиса'), *alti kiši* 'шесть человек' (*altä* 'шесть'), *ĉagi kögüş* 'принятие мер' (*ĉagä* 'меры') и т. п., а также ферганское *Eŋzaŋu keldem* 'Я приехал в Андижан' (*Eŋzaŋu* 'в Андижан').

В стихах такие явления наблюдаются в целых предложениях, например, ферганское:

*At minip säraya ĉiqsaŋ,
Qamĉi dästiŋ män bolaj*

'Сядешь на коня, поедешь в деревню,
Буду нагайкой в твоей руке'.

*Baqqy kirmäkĉi bolduq,
Cilgi üzmäkĉi bolduq*

'Мы пошли было в сад,
Хотели сорвать дыню'.

Таким образом, и в этой группе примеров не прослеживается разницы между внутренним и внешним сандхи.

²⁸ См.: М. И. Трофимов. К вопросу об отпадении гласных в абсолютном исходе слова в современном уйгурском языке. — «Қазақ тілі мен эдебияты», 5-ш. Алматы, 1974, стр. 129—130, где приводятся ссылки на источники.

В качестве четвертой группы примеров можно взять сложные глаголы типа *arparadi* 'отнес' (< *alup bardī*), *āččiqti* 'вынес' (*alup čiqti*) и т. п., в которых стяжение опять-таки происходит за счет конечной части первого компонента. Правда, главным образом это относится к одному и тому же глаголу *alup*.

В некоторых случаях фонетическое ослабление слога приводит к определенным последствиям в морфологическом плане. В форме интенсивной степени прилагательного, образованной путем редупликации, ударение на первом слоге становится главным, и в то же время первый компонент подвергается усечению за счет заударной конечной части: уйгурск. *qar-qaqa* 'черный-пречерный', *sar-seriq* 'желтый-прежелтый'. Если прилагательное односложное, финальный согласный заменяется согласным *p*, который играет таким образом роль своего рода архифонемы: *čoršiq* 'большой-пребольшой' (*čoŋ* 'большой'), *arraq* 'белый-пребелый' (*aq* 'белый').

В других случаях могут выпадать целые морфемы, например, в сочетаниях *čaj ičti* 'пил чай' (отсутствует аффикс винительного падежа), *at beši* 'лошадиная голова' (отсутствует аффикс родительного падежа). А. Гуломов приводит примеры из узбекского языка, в котором в результате объединения двух слов словоизменительные аффиксы присоединяются лишь ко второму компоненту, хотя относятся к обоим: *ака-укалар* 'братья', *ўрик-олмалар* 'фрукты'²⁹. Наконец, можно привести из уйгурского разговорную форму *ansanda* 'изредка' (< *anda-sanda*). Все это можно сравнить с пропуском окончания в разговорной речи в некоторых собственных именах в русском языке, например: «Жюль Верна», «Джек Лондону», «Иван Ивановичем» и т. п.

А. Гуломов различает сочетания, связанные по типу подчинения, и сочетания, связанные по типу сочинения. Примеры, приведенные выше, в подавляющем большинстве относятся к первой группе. Однако А. Гуломов приводит и примеры второй группы. Следует отметить, что когда Ф. Г. Исхаков говорит об ударении на первом компоненте сложных слов, все его примеры относятся как раз к сочетаниям, связанным по типу сочинения: *bala-čaqa*, *xatup-quz*, *anda-tonda*. А. Гуломов при этом считает, что в таких сочетаниях каждый компонент имеет свое самостоятельное ударение. С грамматической точки зрения, эти слова, относятся к различным частям речи: к существительным — *қозон-товоқ* 'кухонная утварь', *олма-ўрик* 'свежие фрукты', к прилагательным — *яхши-ёмон* (хорошие и плохие)', *ёш-қари* 'все (стар и млад)'. Многие сочетания восходят к глаголам, подвергшимся конверсии, например: *қўйди-чиқди* 'развод', *урди-сурди* 'суматоха', *ҳайда-ҳайда* 'название какого-то поспешного действия', *олди-берди* или *олиш-бириш* 'связь, отношение, название действия', *келди-кетди* 'название многократного действия', *кирди-чиқди* 'повторяющееся действие', *олди-қочди* 'возбужденные слухи, сплетни, панические слухи'. В таких сочетаниях могут выступать и настоящие глаголы, например: *йиртаман-ташлайман* 'разорву и выброшу', *айтди-қўйди* 'сказал, и все тут', *қиламан-қуяман* 'сделаю, и точка'³⁰. Но А. Гуломов приводит также примеры сочетаний, в которых один аффикс относится к обоим компонентам, чем подчеркивается их единство, например: *акукалар*, *уруголмалар*³¹. Поэтому можно предположить, что и в таких сочетаниях ударение может быть общим для обоих компонентов. В некоторых случаях процесс образования единого значения сопровож-

²⁹ А. Гуломов. Указ. раб., стр. 27.

³⁰ Там же, стр. 25—26.

³¹ Там же, стр. 27.

дается стяжением сочетания в единое слово, и, таким образом, процесс образования единого слова из сочетания завершается, например: *огаини* > *огаини* 'друг-приятель'³² (ср. уйгурск. *агинэ*).

Обозначается ли вообще граница между компонентами словосочетания? Л. Н. Старостов упоминает о сингармонизме как средстве указания границы слова, но сингармонизм как раз не распространяется на сложные слова, например: *qagögük* 'слива'.

Изменяется ли слогоделение на стыке компонентов словосочетания? Л. Н. Старостов ссылается на пример Л. В. Щербы: «старух увели — старуху вели». Л. В. Щерба считает, что между этими словосочетаниями существует различие в слогоделении. А. Н. Гвоздев, который во всех основных вопросах следует за Л. В. Щербой, здесь, однако, не видит разницы между этими примерами³³. Л. Н. Старостов сопоставляет это с французским *enchainement* (сцеплением) и приводит аналогичные примеры из турецкого языка: *on oda* 'десять комнат' делится на слоги следующим образом: *o-po-da*³⁴. А. Гуломов подтверждает, что в узбекском языке происходит такое же перераспределение звуков между слогами, как и при аффиксации³⁵. Видимо, подобное же перераспределение звуков наблюдается при элизии гласного, например, в слове *qagögük*.

Л. Н. Старостов указывает также на примеры внешнего сандхи на стыке слов, аналогичного французскому *liaison* (связке): ср. турецкое *tektür aldım* 'получил письмо' (*p > v*). Он приводит для сравнения примеры из русского языка, в котором в сочетаниях знаменательных слов этого не происходит (в сочетании «пароход ушел» конечный согласный первого слова остается глухим). Более убедительными, вероятно, являются примеры неполной редукции гласного в уйгурском языке в сочетаниях, в которых первый компонент оканчивается на согласный, а второй начинается с гласного, так что последний гласный первого компонента оказывается благодаря этому в открытом слоге, например: *jaļuñaç* 'раздетый' (*jalañ* 'голый'), *jaүүсајақ* 'ходули' (*јауаç* 'дерево'). Редукция такого рода может происходить лишь в открытых слогах.

Нам известен лишь один пример, когда пауза между компонентами словосочетания не просто исчезает, но оставляет после себя какой-то рефлекс. Это слово *аррақ* 'белый-пребелый'. Точнее, пауза в сочетании *ар-ақ* оставила рефлекс в виде хамзы, в результате последующей ассимиляции которой образовался двойной согласный *p*. Однако есть и еще одна причина, благодаря которой этот рефлекс удержался в языке. В тюркских языках многие качественные прилагательные выступают с двойными согласными, например: *qattuq* 'твердый', *аçсуқ* 'горький', *issuq* 'горячий' и другие, причем эта тенденция еще более усиливается в случае появления значения интенсивности.

А. М. Щербак, касаясь вопроса о происхождении протетического *h* в тюркских языках, высказывает предположение, что он появился в качестве средства профилактики хиатуса на стыке слов³⁶. Это предположение представляется маловероятным по следующим причинам. Как указывает А. М. Щербак, глухие согласные относятся к сильным, звонкие — к слабым, а сонорные — к сверхслабым. Но тогда *h* придется отнести к сверхсильным. Между тем для заполнения хиатуса, например, в уйгурском, может употребляться другой согласный — не фарингальный *h*, а сонорный *ɣ*, самый слабый из сонорных, например: *piñägäj* 'что же',

³² А. Гуломов. Указ. раб., стр. 26.

³³ Л. Н. Старостов. Указ. раб., стр. 101.

³⁴ Там же, стр. 112.

³⁵ А. Гуломов. Указ. раб., стр. 27.

³⁶ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 184.

käldiräj 'пришел же'. Характерно, что, выступая в качестве междометия, слово äj получает протетический *h*: häj; выступая же в качестве постпозитивной частицы, может употребляться лишь с эпентетическим *г*. Таким образом, полярно противоположны по качеству не только звуки, но и позиции, в которых они выступают.

В связи с той ролью, которую играют сочетания глаголов в образовании различных глагольных форм в тюркских языках, мы рассмотрим глаголы отдельно, хотя общие закономерности должны распространяться и на них. Впрочем, имеющийся материал слишком фрагментарен, чтобы могла создаться цельная картина. В одних случаях можно предположить, что оба слова, составляющие глагольную форму, имеют свои ударения, например, в казахской форме бағуым keledi 'хочется пойти'³⁷. В других случаях сочетание глаголов имеет, по-видимому, общее ударение. Ф. Г. Исхаков в качестве примера приводит татарский глагол с факкультативным ударением ešli başladı // ešli başladı 'начал работать'³⁸. А. Гуломов дает примеры сложных глаголов в узбекском языке с одним ударением: айтабошлади 'начал говорить', ишлайбошлади 'начал работать', кулиб юборди 'рассмеялся' (если слова последнего сочетания имеют разные ударения, то оно выражает различные значения)³⁹.

К. Ищанов в своей работе, специально посвященной ударению в глагольных формах в казахском языке, останавливается на сочетаниях деепричастий на -р, -а, -е, -і и вспомогательных глаголов отуг-, žat-, tur-, žüg-. В этом случае главное ударение приходится на основной глагол, а второстепенное — на второстепенный: žazýr otýgtun 'я пишу', oqúr žügsinder 'почитываете', baǵá žatýg 'идет'. В результате стяжения образуются формы баǵатугтун 'я иду', kelátугтун 'я иду'⁴⁰. П. Е. Кузнецов для узбекского языка дает формы с глаголом tur-: в сочетании қарап тұрды 'смотрит' второй слог основного глагола полудолгий или почти краткий. Однако в форме қарап тұрты 'оказывается, смотрит' этот же слог удлиняется и становится длиннее полудолгого (в зависимости от интонации он может стать и сверхдолгим)⁴¹. Таким образом, в обоих языках более сильное ударение приходится на основной глагол. Но в уйгурском в аналогичной форме etivatidu 'стреляет' (< etip jatidu) особенно устойчивым оказывается как раз первый слог вспомогательного глагола⁴².

Т. Талипов считает, что в уйгурских сложных глаголах ударным является первый слог основного глагола, например: jézivät 'напиши', čišli-val 'откуси', örtivät 'подожди', jézival 'запиши', так как на него падает логическое ударение. То же подтверждает А. Т. Кайдаров: bérival 'приди раньше других'⁴³. Ч. Г. Сайфуллин последовательно отмечает в этих сочетаниях редукцию вспомогательных глаголов: sajlaviliš 'избрание', ärkilip 'принеся', ärkitiš 'унесение', aripir 'отнеся', erbiriš 'передача'⁴⁴.

³⁷ К. Ищанов. Зависимость ударения в системе глагола от склонения и времени. — «Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественных наук», 1963, вып. 3, стр. 44, 39.

³⁸ Ф. Г. Исхаков. Указ. раб., стр. 332.

³⁹ А. Гуломов. Указ. раб., стр. 26.

⁴⁰ К. Ищанов. Указ. раб., стр. 40—41.

⁴¹ П. Е. Кузнецов. Указ. раб., стр. 433.

⁴² А. Т. Кайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка. Ч. 1. Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка. Алма-Ата, 1969, стр. 280.

⁴³ Т. Талипов. Уйғур тилидики ургу. — «Известия Академии наук Казахской ССР. Серия филологии и искусствоведения», вып. 3 (16). Алма-Ата, 1960, стр. 69—70; А. Т. Кайдаров, Г. Сәдуақасов, Т. Талипов. Указ. раб., стр. 244; А. Т. Кайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка, стр. 296.

⁴⁴ Ч. Г. Сайфуллин. Уйғур тилиниң имласи билән әлипбәсиғә бәзи бир өвгир... ни киргузуш тоғрилик, Алмута, 1958 (на правах рукописи), стр. 13.

Правда, последние примеры показывают, что если два глагола выступают в тесном смысловом единстве как одна лексема, то первый компонент подвергается более резкому усечению за счет своей конечной части, так же как в сочетаниях типа qaqögük или qar-qaqa.

Довольно противоречивую картину представляет уйгурская форма со вспомогательным глаголом bāg- имеющая значение продолжения действия. Она восходит к сочетанию деепричастия настоящего времени на -a, -ā, -j со вспомогательным глаголом bāg-, в котором в результате сандхи $b > v$ образуется: ottuɣuvār 'сиди', ottuɣuveriŋ 'сидите'. Л. А. Аганина считает, что в зависимости от оттенков значения ударение может падать на первый или на последний слог первого компонента. Если глагол имеет значение продолжающегося действия, ударение приходится на последний слог основного компонента: aliveridu 'берет-берет', keliveridu 'ходит-ходит', так как эмфаза, по ее мнению, приходится именно на первый слог. Тем не менее она дает этот гласный со знаком краткости. Если же глагол имеет значение обязательной предрешенности действия, эмфазы не наблюдается, а главное ударение приходится на первый слог: aliveridu 'пойдет и возьмет', keliveridu 'вот возьмет да придет'⁴⁵. Т. Талипов и А. Т. Қайдаров также считают, что логическое ударение приходится на последний гласный перед вспомогательным глаголом и поэтому ударение падает на него: alivār 'бері-бері', baŋivā 'давай иди'; однако qojilivār (страдательная форма от qoj- 'ставить')⁴⁶. По нашему мнению, эмфатической формой можно считать скорее форму с ударением на первом слоге, форма же alivār является, по-видимому, стилистически нейтральной. Что же касается формы qojilivār, то ее нужно рассматривать в связи с залоговыми аффиксами. В любом случае следует отметить факт редукции широких гласных -a, -ā перед вторым компонентом ($a/\bar{a} > i$). Обычно эта форма пишется с полушироким e в начале второго компонента, что может навести на мысль о существовании второстепенного ударения: ejtiveridu 'скажет', jaziveriŋ 'пиши-пиши', keliverāmsiz 'будете ли приходить'⁴⁷. Впрочем, Ч. Г. Сайфуллин дает формы jaziviriŋš и söl-lävirir с редукцией не основного, а вспомогательного глагола⁴⁸. Можно еще отметить, что А. Т. Қайдаров приводит формы илийско-семиреченского говора — baŋavā 'иди, если хочешь', kelälivā 'приходи постоянно'⁴⁹ без редукции основного глагола.

Подобные же проблемы существуют, видимо, и в других тюркских языках. П. Е. Кузнецов в узбекском языке отмечает форму настоящего времени с долготой корня вспомогательного глагола, но ударения не указывает⁵⁰: *кела йāнты* 'приходит', *қыла йāнсан* 'делаешь', *бора йāнсыз* 'идете'

В. Прёле в своей работе стремится резюмировать различные суждения об ударении в турецкой форме на *yor-*. Он пишет, что Hagorip ставил ударение на слог, предшествующий слогу *yor-*, а Jehlitschka и

⁴⁵ Л. А. Аганина. Уйгурские диалекты Казахской ССР (Чиликский р-н). Канд. дисс. М., 1954, стр. 87—88.

⁴⁶ Т. Талипов. Уйгур тилидики урғу, стр. 70; А. Т. Қайдаров, Г. Сәдуақасов, Т. Талипов. Указ. раб., стр. 244; А. Т. Қайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка, стр. 296.

⁴⁷ А. Т. Қайдаров. Уйгурский (ново-уйгурский) язык. — В кн.: «Языки народов СССР», т. II. Тюркские языки. М., 1966, стр. 370; С. К. Кенесбаев, А. Т. Қайдаров. О новой уйгурской орфографии. — «Известия Академии наук Казахской ССР. Серия филологии и искусствозведения», 1960, вып. 2 (15), стр. 90; А. Т. Қайдаров, Г. Сәдуақасов, Т. Талипов. Указ. раб., стр. 197.

⁴⁸ Ч. Г. Сайфуллин. Указ. раб., стр. 13.

⁴⁹ А. Т. Қайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка, стр. 286.

⁵⁰ П. Е. Кузнецов. Указ. раб., стр. 432.

Müller — на этот слог. Сам В. Прёле сначала разделял второе мнение, а затем присоединился к первому: например: *gelijog* 'приходит', *agájog* 'ищет', *oqújog* 'читает'. Эти формы образовались в результате стяжения форм *geléjog*, *agajájog*, *oqujájog*, которые в свою очередь образовались из сочетания деепричастия на *-a*, *-e*, *-ja*, *-je* с настоящим временем вспомогательного глагола *jog*. Таким образом, ударение падает на конечный слог первого компонента, а вспомогательный глагол, который фактически превратился в аффикс, остается безударным. В. Прёле делает оговорку, что в стамбульском произношении все гласные перед *j* переходят в *y*, *u*, *i*, *ü* и произносятся очень бегло, несмотря на экспираторное ударение, а слог *jog* несет заметное побочное ударение, которое может быть еще более усилено в случае присоединения форм вспомогательного глагола *i* - 'быть' или энклитической вопросительной частицы *-ти* (*-ту*, *-ти*, *-тү*), то есть *gelijògum* 'я прихожу', *gelijogmúsun* 'идешь ли ты' и т. д. В результате дальнейшего стяжения в разговорной речи эти формы принимают вид *gel'ògum* 'я прихожу', *qal'ògum* 'я остаюсь' и т. д.⁵¹ Таким образом, в стяженных глагольных формах ударение может в процессе превращения вспомогательных глаголов в аффиксы оказаться на неконечных слогах.

⁵¹ W. Pröhle, Указ. раб., стр. 210—211.

М. Н. ДЖАВАДОВА

НЕПРОИЗВОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ В ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА

В системе частей речи азербайджанского языка одно из основных мест принадлежит глаголу, играющему большую роль в организации предложения в связи с присущими ему морфологическими категориями времени, наклонения, лица и залога. В семантическом отношении глагол характеризуется богатством и разнообразием оттенков смыслового содержания.

Исследователями языков самых различных систем единодушно отмечается исключительно важная роль глагола в речи, его доминантная самобытность и конструктивная емкость. Все это в полной мере относится и к тюркскому глаголу. Так, Н. А. Баскаков указывает на многоаспектность, словарную гибкость, морфологическую собирательность тюркского глагола, противопоставленного по всем лексико-грамматическим параметрам имени¹.

На протяжении всей многовековой истории азербайджанского языка глаголы сохраняли свою самобытность и активность деривационного начала, сопряженного с богатством форм словоизменения преимущественно функционально-синтаксических категорий.

Основные особенности глагола как категории, всесторонне характеризующей действие, процесс², прослеживаются во все периоды исторического развития грамматического строя азербайджанского языка, начиная с эпохи первоначального формирования общенародного языка. Глаголы, употреблявшиеся в письменных памятниках азербайджанского языка, по всем своим характеристикам органически связаны с глаголами современного языка.

Большинство простых глаголов, зафиксированных в указанных письменных памятниках, не отличается сколько-нибудь существенно от соответствующих глаголов в современном азербайджанском литературном языке. Вместе с тем в азербайджанских письменных памятниках встречаются десятки и таких непроемных глаголов, которые либо вовсе выпали из употребления, либо выступают в современном литературном языке в других значениях.

¹ См.: Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. Фонетика и морфология. Т. II, часть I. М., 1952, стр. 306.

² В. М. Насилов. Древнеуйгурский язык. М., 1960, стр. 47—48.

Корневые глаголы, представленные в письменных памятниках азербайджанского языка, можно разделить на две группы:

1) глаголы, соотносящиеся с идентичными глаголами в современном азербайджанском литературном языке;

2) архаичные глаголы, не соотносящиеся с глаголами современного литературного языка.

Последние в свою очередь подразделяются на три подгруппы:

а) глаголы, ставшие полностью архаичными с точки зрения современного литературного языка;

б) глаголы, частично изменившие свое значение в современном языке;

в) глаголы, претерпевшие те или иные фонетические изменения.

Некоторые тюркологи предполагают изначальную двусложность глагольных корней³. Однако большинство ученых высказывается за первичность односложного корня и в глаголах⁴. Последнее предположение находит подтверждение в том, что второй слог двусложных глаголов чаще всего представляет собой глаголообразующую аффиксальную морфему.

Сравнительное исследование позволяет установить односложность корней подавляющего большинства глаголов. Так, Б. Аталау⁵, Э. В. Севортяну⁶ и Р. Рустамову⁷ удалось выявить первоначальную исходную односложность большого числа многосложных глагольных основ в турецком и азербайджанском языках. Р. Рустамов, сопоставляя *gaz- 'рыть'* и *gazy- 'рыть'*, *žoš- 'вскипать'* и *žošu- 'вскипать'*, приходит к выводу о вторичности производных глагольных основ.

Можно предположить, что глаголы типа: *açmag 'открыть'*, *tutmag 'занять'*, *durmag 'стоять'*, *tökmäk 'лить'*, *g'ögmäk 'видеть'*, *oturmag 'сидеть'*, *olmag 'быть'*, *udmag 'глотать'*, *vermäk 'давать'*, *janmag 'гореть'*, *axmag 'течь'*, *şuxmag 'выйти'*, *örtmäk 'закрывать'*, *g'älmäk 'прийти'*, *g'etmäk 'уйти'*, *g'ülmäk 'смеяться'*, *juxmag 'валить'*, *g'irmäk 'войти'*, *uçmag 'летать'*, *sevrmäk 'любить'*, *saçmag 'излучать'*, *içmäk 'пить'*, *jazmag 'писать'*, *jemäk 'есть'*, *ejlämäk 'делать'*, *almag 'брат'* — в результате многовекового письменного и устного употребления претерпели лишь незначительные семантические изменения.

Простые глаголы в письменных памятниках, соотносящиеся с глаголами в современном азербайджанском языке, представлены в нижеследующих разновидностях:

а) семантически вполне самостоятельные непроезводные глаголы, например:

Susamyş ganymä lä'lin eşıtdim;

Bu dövriät aşıg'ı miskinä ganu (Насими, XIV век, стр. 110)

'Я слышал, что твои губы жаждут моей крови;

Откуда такое счастье бедняге-влюбленному?'

³ Г. И. Рамstedt. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 27; Н. К. Дмитриев. Очерки по кумыкскому синтаксису. — «Языки Северного Кавказа и Дагестана». Сборник лингвистических исследований. М.—Л., 1935, стр. 60.

⁴ П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900, стр. XII; А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, § 415, стр. 209; его же. Грамматика турецкого языка. М.—Л., 1941, § 226, стр. 104, § 231, стр. 107; В. В. Решетов. Основы фонетики и грамматики узбекского языка. Ташкент, 1961, стр. 122; Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 438; *Besim Atalay*. Türk dilinde ekler ve kökier üzerine bir deneme. Istanbul, 1942, стр. 6; Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальябах. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, § 273, 274, стр. 255.

⁵ *Besim Atalay*. Указ. раб.

⁶ Э. В. Севортян. Указ. раб.

⁷ Р. Рустамов. Азербайжан дили диалект вэ шивэлэриндэ фе'л. Баки, 1965.

Bu Xätai Kâ'beji-kujindä tapmyşdyr şäraf;
 Nažu tāk könlüm tävafi-kujinzdän həz alur (Хатаи, XV век, стр. 126)
 'Этот Хатаи обрел славу у твоего священного, как Кааба порога;
 Так душа моя, подобно гаджи, получает право входа в святилище';

б) часть простых глаголов (например: ol- 'быть', et- 'делать', bil- 'знать', g'ög- 'видеть', tut- 'держатъ' и др.), выступающих как в функции отдельного члена предложения-сказуемого, так и в качестве продуктивного средства аналитического глаголообразования и образующих глагольный компонент составных глаголов, чаще всего полувспомогательного, а иногда и вспомогательного характера, например: et- 'делать', tut- 'держатъ' и некоторые другие. Такие глаголы условно можно было бы назвать полувспомогательными простыми глаголами, например: bižan olmag 'стать безжизненным', g'ülüstan olmag 'расцветать', rejhan olmag 'благоухать', tufan olmag 'разбушеваться', jeksan olmag 'развалиться', dägman olmag 'стать лекарством' (Насими, XIV век, стр. 118, 119); mähfil olmag 'собраться', mükäggäm olmag 'стать щедрым' (Физули, XVI век, т. II, стр. 227); bidar etmäk 'разбудить', gan tutmag 'сковать', pišan tutmag 'обозначить' (Тебризи, XVII век, стр. 30).

Целый ряд глаголов письменных памятников ныне полностью архаизировался. Относительно архаизации той или иной грамматической формы или слова можно судить путем сопоставления с современным литературным языком. Глаголы, зафиксированные в письменных памятниках и вышедшие ныне из употребления, в свое время, несомненно, функционировали как в живой разговорной речи и фольклоре, так и в художественных, научно-философских произведениях⁸.

Древние, ныне архаические глаголы, употребительные в азербайджанском литературном языке XIII—XIX веков, сопоставлялись с соответствующими глаголами в письменных источниках азербайджанского языка, в памятниках древнетюркской письменности, в современных тюркских языках, а также в диалектах и говорах азербайджанского языка.

В зависимости от степени архаизации глаголы, встречающиеся в письменных памятниках XIII—XIX веков, были нами объединены в указанные группы и подгруппы. Ниже мы остановимся лишь на одной подгруппе, а именно на глаголах, ставших полностью архаическими для современного азербайджанского литературного языка.

Ajutmag 'сказать, говорить', **söjlätmäk** 'рассказать'. Формы Aj-, ajut- в древнетюркских памятниках широко употребительны в значении «сказать», «говорить», «рассказать» и т. п.⁹ Данный глагол в форме ajt-//ajut- широко употреблялся в письменных памятниках азербайджанского языка до XVII века включительно. Это подтверждается текстом «Книги моего деда Коркута», например: Dirsä xan *ajdur*. Bajandur xan mänim

⁸ «Əsrarname». Bakı, 1964. см. стр. 24.

⁹ «Divanü Lügat-it-türk tercümesi». Çevirer Besim Atalay, cilt I. Ankara, 1939, cilt II. Ankara, 1940, cilt III. Ankara, 1941 (в дальнейшем—МК); С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 356; В. М. Насилов. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960, стр. 15; В. М. Насилов. Древнеуйгурский язык. М., 1963, стр. 29; П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке, стр. 78; Aptullah Battal. İbnü Mühenna Lüğati. İstanbul, 1934; А. К. Боровков. Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII веков. М., 1963, стр. 46; Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I, вып. I. СПб., 1869, стр. 9, 22, 25, 48; Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, стр. 100; «Ettühfet-üz Zekiyye-fil-lügat-it türkiyye». Çeviren Besim Atalay. İstanbul, 1945, стр. 145.

nā äksiklijimi g'ördü¹⁰ 'Дирсе хан говорит: Какой недостаток у меня заметил Баяндур хан?'

Глагол *ajutmag*, не употребляющийся в современном азербайджанском литературном языке, поныне бытует в говорах Физулинского района в значении «поведать», «рассказать»¹¹. К этому же глаголу восходит слово *ajalı* в западной группе диалектов и говоров азербайджанского языка¹².

Факты языка древнетюркской письменности показывают, что первичной формой упомянутого глагола были *aj-*, *ajut-* (каузативная форма). Н. К. Дмитриев справедливо указывал, что *ajut-//ajt-*, некогда выражавший значение «заставить говорить», состоит из глагольного корня *aj-* и аффикса понудительности *-(y)t*. Впоследствии эта форма утратила каузативное значение¹³.

В большинстве современных тюркских языков данный глагол употребляется в различных фонетических вариантах: *yjt-*, *ejt-*, *ajt-*, *ajt-*, *yjyt-*, *ajyt-*¹⁴. Можно предположить, что глагол *andutmag//adutmag* 'дать знать' — в геокчайских и агдашских говорах азербайджанского языка — также восходит к глаголу *ajut-*.

Глагол *autmag* 'подниматься', 'возвышаться', 'взлететь' являлся в свое время одним из наиболее распространенных глаголов азербайджанского языка. Этот глагол встречается в древних письменных памятниках в значении «подниматься», «восходить», «возвыситься», «выступить» и т. п. и в значении «подняться вверх, наверх»; в словарях Л. З. Будагова и В. В. Радлова он приводится в значении «подняться» (о пыли и т. п.), а также и в некоторых других значениях¹⁵.

Глагол *bozlamag* встречается в «Книге моего деда Коркута» в значениях «плакать навзрыд, рыдать», «ревмя реветь», «орать», например: *Ajdur — Vajbuga bāj: Nā aylajub bozlarsan* (Деде Коркут, стр. 44) 'Байбура-бек говорит: Почему плачешь, кричишь?' Данный глагол в словаре Махмуда Кашгари приводится в значении «кричать»¹⁶.

Глагол *bozlamag* в тюркоязычных памятниках, как правило, употребляется по отношению к животным, прежде всего к верблюду¹⁷. Сохранившись в говорах Физулинского района, он приобрел более общее значение, например: *Oturuf orada ni jā bozodursan* 'Почему сидишь там и кричишь (плачешь)?'; *Noluf oa bozodur*¹⁸ 'Что с ним, плачет?'

¹⁰ *Ajdur* — форма настоящего времени глагола *ajutmag*; здесь отмечается чередование *t/d* с выпадением *y* перед *d*: *ajyutur* → *ajyudur* → *ajdur*.

¹¹ И. М. Маммадов. Фүзули район шивәләриндә термин сәчијјәси дашымајан сөзләр. — М. Ф. Ахундов адына АПИ-нин елми әсәрләри, I бұрахылыш. Бақы, 1961, стр. 200.

¹² К. Т. Рамазанов. А ј а л ғ а сөзүнүн етимолокијасы. — «Азербайжан ССР ЕА Хә-бәрләри. Әдәбијјат, дил вә инчәсәнәт серијасы», Бақы, 1965, № 6, стр. 112.

¹³ См. об этом: Н. З. Гаджиева, А. А. Коклянова. Глаголы речи в тюркских языках. — «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 341.

¹⁴ В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 342.

¹⁵ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 62; *его же*. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 89; «*Divanü Lügat-it-türk tercümesi*», I cilt, стр. 1—173—24; *Aptullah Battal*. Указ. слов., стр. 8; Л. З. Будагов. Указ. слов., стр. 83; В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. II, вып. I. СПб., 1888, стр. 142.

¹⁶ «*Divanü Lügat-it-türk tercümesi*» cilt III, стр. 22, 291—19; 291—1; 120—19.

¹⁷ *Aptullah Battal*. Указ. слов., стр. 92; А. К. Боровков. Бади-ал-лугат (Словарь Тали Имани Гератского и сочинений Навои). М., 1961, стр. 142; Л. З. Будагов. Указ. слов. стр. 280.

¹⁸ Примеры взяты из статьи Р. Рустамова, см.: Р. Рустамов. Мүасир Азербайжан әдәби дили үчүн арханкләшмиш фе'лләр. Дилчилик мәчмуәси, XVIII чилд. Бақы, 1963, стр. 11.

И. М. Мамедов отмечает, что глагол *bozda-* выражает значение «кликать идущего, плача»¹⁹.

Глагол *gonmag* 'сесть', 'очутиться', 'опуститься'. Часто встречается в памятниках азербайджанского языка. Например: *Onlar dāxi bu dūnjaja g'ālib keçdi, karvan kimi gondu köçdü* (Деде Коркут, стр. 27) 'Они пришли в этот мир и ушли, как караван, остановились и двинулись в путь'; *Bu janda bazirg'anlar g'ālibāni Gara Dārbānd ayzyna gonmuşlardi* (Деде Коркут, Д., стр. 17-31-7)²⁰ 'В это время бозарганы, придя, заняли вход Гара Дербенда?'

Глагол *döşürmək* 'собрать', 'собирать': *Täkur çārisini dövşürub mejdana g'āldi* (Деде Коркут, стр. 147) 'Текюр, собрав войско, вступил на ристалище'; *Bojlā deg'āz gurg inžā gyz jayıldılār, day, çiçāji dövşürdülār* (Деде Коркут, Д., стр. 6—22—13) 'Сказав это, сорок нежных дев разбрелись собирать горные цветы'.

В том же значении данный глагол встречается и у Хатаи:

Hār bir çiçāk üstā gondu zānbur;
Dövşürmäjä çuxdy danāsin mur (Хатаи, XVвек, стр. 10—16)²¹
'На каждый цветок села пчела,
Собрать себе зерно вышел муравей'.

Л. З. Будагов отмечал, что глагол *dövşürmək* в азербайджанском языке и в других тюркских языках употребляется в значении «собирать (траву, фрукты и т. п.)»²².

Данное значение было указано и В. В. Радловым для турецкого глагола *devşir-* и крымско-татарского *dävşür-*²³.

До последнего времени существовало мнение, что глагол *dövşürmək* не является исконно азербайджанским и заимствован из других тюркских языков. Однако приведенные выше примеры говорят о том, что он вовсе не чужероден для азербайджанского языка и, вероятно, был когда-то достаточно употребительным²⁴. Это подтверждается тем, что данное слово в своем основном значении функционирует в азербайджанском языке, начиная со времени «Книги моего деда Коркута» и кончая XIX веком, особенно в тех произведениях, которые близки по своему словарю к народно-разговорному языку.

Глагол *dövşürmək* в своем основном значении широко употребляется в большинстве азербайджанских диалектов и говоров, и прежде всего в Казахском, Таузском, Ханларском, Борчалинском, Шамхорском и Джеб-ранильском районах Азербайджанской ССР. Приведем примеры: *Aj uşax*

¹⁹ И. М. Мамедов. «Füzuli rayon şivələrinin lügətinə dair. — «М. Ф. Ахундов адына АПДИ-нин елми эсэрлэри», XI бурахылыш. Баку, 1961, стр. 118.

²⁰ Примеры приведены из фотофаксимиле Дрезденского списка «Книги моего деда Коркута», изданного М. Эргиним; см.: *Müharrem Erg'in. Dede Korkut kitabı, Türk Tarik kitubı Basemevi. Ankara, 1958* (страницы и строки указаны по этому изданию).

²¹ Примеры взяты из древнейшего рукописного списка дивана, переписанного Шах Махмудом сель-Нишабури в 1535 году, то есть спустя одиннадцать лет после смерти поэта, см.: *دیوان خطایی* («Дивани-Хатаи») в рукописном фонде Института востоковедения АН Узбекской ССР, инв. № 1339 (14, 12 фотофаксимиле) и «Дехнамэ» (Ленинградский список), изданного в 1959 году Г. Араслы (цифры в скобках обозначают страницы).

²² Л. З. Будагов. Указ. слов., т. I, стр. 371.

²³ В. В. Радлов. Указ. слов., т. III, вып. VI, 1905, стр. 1696.

²⁴ См. об этом: Р. Рустамов. Мүасир Азербайжан әдәби дили үчүн архаикләшмиш фе'ллэр, стр. 28.

g'et çör-çöp döşür; 'Эй, ребята, пойдите соберите хворост!', G'al bir iki fartux da rambyg döşüräk²⁵ 'Давай соберем еще несколько фартуков хлопка!'

Данный глагол в говорах Борчалинского района употребляется также в значении «пожирать», «лопать (есть)», а в переходных говорах Джебраильского района — еще и в значении «срывать»²⁶.

Глагол *irışmāk* 'достичь, поспеть' — употребительный глагол, часто встречается в «Книге моего деда Коркута» и в произведениях классиков азербайджанской литературы.

Х. Мирзаде пишет о глаголе *irışmāk* следующее: «Употреблялся в письменных источниках XIV—XVIII веков в значении „достигать“, „попеть“. В последующие периоды его употребление нами не отмечено. *Irışmāk* в значении „высмеивать, насмеяться, скалить зубы“ и т. п., встречающемся в азербайджанских диалектах и говорах, вероятно, восходит к тому же слову»²⁷.

На наш взгляд, это высказывание нуждается в уточнении: во-первых, глагол *irışmāk* в азербайджанских диалектах и говорах поныне употребляется и в значении «достичь»; во-вторых, этот глагол встречается не только в письменных памятниках XIV—XVIII веков, но и в литературном языке XIX века; в-третьих, между указанными выше значениями «достигать» и «смеяться» нет никакой историко-семантической связи.

Данное слово встречается в диалектах и говорах азербайджанского языка, например: *Sā:n atup mām atuma irışmāz*²⁸ 'Твой конь не нагонит моего коня'.

В письменных источниках XIII—XIX веков *irışmāk* зафиксирован также в значении «достичь», например:

Surātin nāg'şinā xājal irāmāz;
D'özlärinin alāşinā al irāmāz (Насими, XIV век, стр. 114)

'Воображение не достигает черт твоего образа:
Не найти лукавства такого, как в глазах твоих'.

Л. З. Будагов указывал, что *irışmāk* имеет значение «достичь», «попеть» и т. д.²⁹ и В. В. Радлов отмечал функционирование этого глагола в азербайджанском языке³⁰.

Глаголы *galanmag* 'сгореть', *galamag* 'сжигать';

Heç bilmädim dövran neşā dolandy;
Jandu žismim atāşlārā galandy (Видади, XVIII век, вар. 345)

'Я и не заметил, как прошло время.
Сгорела моя плоть в огне'.

В современном азербайджанском языке *galamag* означает «затопить (печь)», «разжечь (костер)» и т. п. Употребление возвратно-страдательной формы этого глагола в языке Видади в значении «гореть»

²⁵ «Азербайжан дилинин диалектологи лугәти». Бақы, 1964, стр. 203.

²⁶ «Азербайжан дилинин гәрб групу диалект вә шивәләри», I чилд, Бақы, 1967, стр. 213.

²⁷ *Һ. Мирзәадә. Азербайжан дилинин тарихи грамматикасына аид материаллар. Фонетика, морфолокија, Бақы, 1953, стр. 67.*

²⁸ См.: *Р. Рүстәмөв. Мүасир Азербайжан әдәби дили үчүн арханкләшмиш фе'ләр.* стр. 30.

²⁹ *Л. З. Будагов. Указ. слов., т. I, стр. 187.*

³⁰ *В. В. Радлов. Указ. слов., т. I, вып. 1, 1862, стр. 1463.*

следует объяснить влиянием фольклора на литературный язык XVIII века.

Глаголы *jaşırmaq* 'прятать', *jaşınmaq* 'таиться' восходят к глаголу *jaşmaq*, который встречается еще у Махмуда Кашгари: *Ol māni g'ögür jaşdu* (МК, III, стр. 60) 'Та, увидев меня, укрылась'; *Ol nān (šej) jaşurdi* (МК, III, стр. 68) 'Тот спрятал что-то'.

Зафиксирован он и в «Книге моего деда Коркута»:

Alp ārām ārdān adun jaşurmag ejib olur (стр. 120)
'Благородным мужам не подобает скрывать имена от мужей'.

Обратимся к примеру из Физули:

Jaşirib saxlardum eldān dayü-hižranun āg'ār;
Etmāk olsajdy müdarā dideji — g'irjan ilā (Физули, XVI век, стр. 70)
'Боль разлуки с тобой я бы, скрыв, упрятал от людей,
Если бы можно было вынести ее, обливаясь слезами'.

Данный глагол, издавна употреблявшийся в азербайджанском языке, ныне выпал из словарного состава литературного языка, сохранившись лишь в ряде диалектов и говоров в форме *jaşınmaq* 'укрыться'.

Глагол *sajratmaq* 'петь', 'заливаться (пением)'. У Махмуда Кашгари этот глагол означает прежде всего «петь (о птицах)», например: *Sapduvaž sajradu* (МК, II, стр. 331—2) 'Соловей запел'.

Можно встретить его и у Хатаи:

Sajrar ayaž üstā jüz süyüçün;
Ahāng' tutar ona g'ög'ārçin (Хатаи, XV век, стр. 10—15)
'Запоют на дереве сто скворцов,
Будут переключаться с ними голуби'.

Л. З. Будагов и В. В. Радлов отмечали глагол *sajratmaq* в джагатайском, татарском и турецком языках в значении «петь (о птицах)». В том же значении этот глагол выступает и в «Книге моего деда Коркута»: *Salgum-salgum tan jellāri āsdig'indā, sāggallu bozaž toragaj sajradugdā* (Деде Коркут, Д., стр. 7—11-2—3) 'Когда дул равномерно утренний ветерок, когда пел бородатый серый жаворонок'.

В различных семантических и фонетических вариантах данный глагол встречается и в диалектах и говорах азербайджанского языка. Так, в казахском, карабахском диалектах, таузских и кельбаджарских говорах этот глагол выступает в значении «кудахтать»: *Tojux sājrijir apar fal goj joxsa jazuxag* (Шамхорский говор, казахского диалекта) 'Курица кудахчет, отнеси одно яйцо, подложи под нее, не то она собьется'; *Bu tojuçun peşäsi sājrimäkdü* (Шамхорский говор)³¹ 'Эта курица только и знает, что кудахчет'.

Глагол *sayınmaq* 'остерегаться'. Зафиксирован у Махмуда Кашгари: *Ol mändin sagundy* (МК, III, стр. 151) 'Она остерегается меня', в «Книге моего деда Коркута»: *Sagun gadun apa* 'Остерегается женщина-мать', в некоторых других источниках, например:

Sagun bu razy kimsäjä demäg'il;
Bu sözü kimsäjä faş ejlätäg'il (Ахмед Харамии, XIII век, стр. 91)
'Утан эту тайну, не сообщай ее никому.
Это слово не разглашай'.

³¹ «Азербайжан дилинин диалектологи лүгәти», стр. 357.

Глагол *tāzmāk* 'убегать', 'бежать'. Приведем несколько примеров его употребления:

Asmā g'āhi solda, g'āhi sayda;
Tāzmā g'āhi jolda, g'āhi dayda (Хатаи, XV век, стр. 35—55)

'Не трясись то слева, то справа.
Не бегай то по дорогам, то по горам'.

Kejik tezdi (МК, III, стр. 8—27) 'Серна побежала'; *Ol tezindi* (МК, II, стр. 305—15) 'Он показался бежавшим'.

В орхон-енисейских памятниках этот глагол выражает значение «ступать», «убегать», «бегать»³². То же значение отмечается и у В. В. Радлова, ср.: *Az kupa baran tazip bardy*³³ 'Чуть было баран не пропал', у Махмуда Кашгари: *It kejikni tezitti* (МК, II, стр. 305—15) 'Собака гнала оленя'.

Глагол *tāzmāk* (реже *tezmāk*) встречается в одном и том же значении в целом ряде диалектов и говоров азербайджанского языка. Например: *Guzu tezif//tāzif g'etdi desān bir šej g'ōgūf*³⁴ 'Ягненок убежал, кажется, что-то увидел'.

Интересно отметить, что в геокчайском говоре азербайджанского языка употребляется парный глагол движения *azyb-tāzmāk* в значении «запропасться», «запропасть».

Глагол *ulašmag* 'достичь', 'соединиться'. В данном значении этот глагол употребляется в «Книге моего деда Коркута»: *Ulašuban sular dašsā tāniz tolmaz; Tākābbürlük ejlājāni tanqu sevmāz* (Деде Коркут, Д., стр. 33—3) 'Воды, слившись, не создадут моря, спесивого бог не любит'.

Этот глагол издавна функционирует в азербайджанском языке. Примеры:

Surātin nāg'šinā hejran olmušam;
Vāslinā ulašaly zan olmušam (Насми, XIV век, стр. 208)

'Я очарован чертами твоего образа,
Я стал человеком, обретя твою любовь'.

Hoš joldur olkim ulaša ba jar;
Mānzur ola ona ruji dildar (Хатаи, XV век, стр. 66—125)

'Блажен тот путь, что ведет
К слиянию с возлюбленной...'

Глагол *ulašmag* в значении «соединиться» зафиксирован в «Шюхеданаме»³⁵: *Gonaglyg mähābbätilān ulašmag sābābidir*³⁶ 'Пиршество — средство достижения любви'.

³² См.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 431; И. А. Батманов. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959, стр. 206; И. А. Батманов, Э. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Современная и древняя Енисейка. Фрунзе, 1962, стр. 235.

³³ В. В. Радлов. Указ. слов., т. I, вып. VI, стр. 1097, 1103.

³⁴ Р. Рустамов. Мүасир Азербайжан әдәби дили үчүн арханкләшмиш фе'лләр, стр. 22.

³⁵ «Шюхеданаме» — произведение Ванза Кашифи. Переведено на азербайджанский язык Нишати Мухаммедом ибн Хусейном в 1538—1539 гг. Рукопись перевода хранится в Республиканском рукописном фонде Академии наук Азербайджанской ССР, инв. № Д-535 (13659).

³⁶ См.: М. Рәхимов. Азербайжан дилинин XVI әср јазылы абидәләриндә ишләниши бир сыра сөзләр һаггында. — «Азербайжан ССР ЕА Хәбәрләри. Әдәбијат, дил вә ичәсанәт серјасы». Баки, 1962, № 8, стр. 46.

В форме *ul̄aşt̄mag* этот глагол выступает и в лачинском говоре азербайджанского языка, например: *Sāninlān ul̄aşt̄duȳum g'ūn daȳylejdi*³⁷ 'Да сгинул бы тот день, когда мы с тобой сблизились'.

Глагол *çözmäk* 'раскрыть', 'распустить'. Данный глагол зафиксирован в письменных памятниках, например: *Gazana bu söz xoşt̄ g'āldi atundan endi çöbanun āllāgin çözdü, alnynda bir öpd̄i* (Деде Коркут, Д., стр. 27—50—14) 'Это слово понравилось Газану, он сошел с коня, развязал руки чобана, поцеловал его в лоб'.

*Ej bana müşkin saçundan könlünü gurtar dejān;
Gan̄u gafildir sālasildān çözār divanās̄in* (Насими, XIV век, стр. 157)
'О тот, кто говорит мне: «Избавь свою душу от черных локонов»
Что за невежда станет распутывать безумного от цепей?';

*Dedim ki, āja, sāba indi;
Asudā otur çözüb kāmāndi* (Хатаи, XV век, стр. 39—63)
'Я сказал: «О возлюбленная, теперь
Сиди спокойно, распустив аркан (волос)»'.

В. В. Радлов и Л. З. Будагов отмечают употребительность глагола *çözmäk* в указанном значении в тюркских языках³⁸.

Этот глагол встречается в письменных памятниках азербайджанского языка и в азербайджанских диалектах и говорах в формах *çözdā-māk, çözālāmāk*³⁹.

Глагол *sunmag//sonmag* 'протянуть', 'дать'. Обратимся к древним памятникам⁴⁰: *Ol mana ātmāk sundu* (МК, II, стр. 28) 'Он дал мне хлеба'.

Этот некогда широко употреблявшийся глагол со временем стал встречаться все реже. Приведем несколько примеров: *Vasat goçun başunu Dārāg'özün ālinā sundu* 'Басат вручил Дегегёзу голову овцы'; *Açu sunar isā judmag g'ārākdir* (Ахмед Харамии, XIII век, стр. 44) '... Если же дадут отраву, надо проглотить'.

*Dün varmuşt̄ idim bahçaja g'ül dārmājā, amta;
Sundum ālimi bir g'ülā, sād harā joluxdum* (Хатаи, XV век, I, стр. 264)
'Ночью я отправился в сад сорвать розу.
Однако, протянув руку, напоролся на сто шипов'.

Глагол *sürmāk* 'гнать'. Примеры употребления:

Sürmā mān Māžnunu garudan ej Lejl̄iji-dāhr (Видади, XVIII век, стр. 238).
'Не прогоняй, о Лейли, меня, Меджнуна, с порога твоего';
*Allah muradunu versin o jargun;
Ragibi kujindān sürsün o jargun* (Вагиф, XVIII век, стр. 34)
'Пусть аллах исполнит желания возлюбленной.
Да прогонит соперницу с порога возлюбленной'.

Этот глагол, часто встречающийся в произведениях Видади и Вагифа (XVIII век), зафиксирован также в языке среднеазиатского тефсира⁴¹ в том же значении, что говорит о его древности и исконности. Сказанное подтверждается еще и тем, что пассивная форма данного глагола — *sürülmāk* в значении «быть изгнанным» употребляется и Насими⁴².

³⁷ «Азербайжан дилинин диалектоложу лугәти», стр. 395.

³⁸ В. В. Радлов. Указ. слов., т. III, вып. VI. СПб., 1905, стр. 1987, 2045; Л. З. Будагов: Указ., слов., т. I, стр. 494.

³⁹ «Азербайжан дилинин диалектоложу лугәти», стр. 449.

⁴⁰ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 423; А. К. Боровков. Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII веков, стр. 191.

⁴¹ А. К. Боровков. Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII веков, стр. 279.

⁴² Ч. Гәһрәманов. Нәсиминин лексикасы. Баку, 1970, стр. 279.

Глаголы *syndurmag* 'одержать победу', 'одолесть', *synmag* 'потерпеть поражение'. Примеры употребления:

Jaуу basyldy, düšman syndu (Деде Коркут, стр. 103) 'Враг потерпел поражение, недруг оказался сокрушенным':

*Bir-birinä danyşyr här bir keçän sevdalary;
Syndyryb düšmanläri, kor etdijin ädalari* (Видади, XVIII век, стр. 312)⁴³
'Рассказывают друг другу про каждую свою прошлую проделку,
Про врагов, которых одолели и ослепили'.

Зафиксированные лишь в «Книге моего деда Коркута» и у Видади, эти глаголы поныне бытуют в народно-разговорной речи.

В заключение хотелось бы отметить, что выявление и исследование непроизводных глаголов в письменных памятниках является еще одним важным источником, проливающим свет на историю развития языка и особенности его эволюции, и поэтому заслуживает пристального внимания специалистов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Ахмед Харам* — «Дастан-и-Әһмәд һарам». Баку, 1978.
Вағиф — Молла Пәнаһ Вағиф. Әсәрләри. Баку, 1957.
Видади — Молла Вәли Видади. Әсәрләри. Баку, 1957.
Деде Коркут — «Китаби Дәдә Горғуд». Баку, 1962.
Деде Коркут Д. — «Dede Korkut kitabı», I. G'iriş-metin, faksimile dr. Mühərrem Ergin. Ankara, 1958 (Дрезденский список).
МҚ — «Düvanü Lügat-it-türk tercümesi». Ceviren Besim Atalay. Ankara, cilt I, 1939; cilt II, 1940; cilt III, 1941.
Насими — Имадәддин Нәсими. Сечилмиш әсәрләри. Баку, 1973.
Тәбризи — Гәтран Тәбризи. Сечилмиш әсәрләри. Баку, 1958.
Физули — Мәһәммәд Физули. Әсәрләри. II чилд. Баку, 1958.
Хатаи — «ديوان ختاي» «Дивани Хәтаи» (Шаһ Исмајыл Хәтаи).
 Рукописный фонд Института востоковедения АН Узбекской ССР, инв. №—1339 (14, 12 фотокопия; первый ташкентский список).

⁴³ См.: Т. Дунҗамалыјева. Молла Вәли Видадинни һәјат вә җарадычылығы. (Канд. дисс.), Баку, 1968; Ф. Әһмәдов. Молла Вәли Видадинни дили (лексика вә фразеолокија). Баку, 1978.

РЕЦЕНЗИИ

Н. П. ПЕТРОВ. ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

ЧЕБОКСАРЫ, ЧУВАШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, 1980, 208 стр.

К шестидесятилетию образования Чувашской АССР Чувашское книжное издательство выпустило в свет монографию Н. П. Петрова «Чувашский язык в советскую эпоху». В ней исследуется широкий круг вопросов функционирования и нормализации чувашского литературного языка в послеоктябрьский период, усовершенствования алфавита, орфографии и пунктуации.

Монография состоит из введения, трех глав, кратких выводов и указателя литературы.

Введение (стр. 3—11) содержит краткую характеристику чувашского языка дореволюционного периода.

В первой главе книги — «Ленинская языковая политика и функциональное развитие чувашского языка в советскую эпоху» (стр. 12—77) автор на большом фактическом материале показывает основные этапы формирования чувашского литературного языка, его роль в развитии национальной чувашской культуры. Изменение статуса чувашского языка после Великого Октября, когда он стал, наравне с русским, использоваться во всех сферах социальной, экономической, культурной жизни, создание системы народного образования на этом языке, национального театра, издание учебной, общественно-политической, художественной и научной литературы, использование его средствами массовой информации — весь этот комплекс вопросов функционального развития языка получил в монографии весьма обстоятельное освещение.

Проследившая функциональное развитие родного языка и его роль в национально-государственном, культурном, хозяйственном строительстве, автор рассматривает также такие важные вопросы, как языковая ситуация, соотношение функций чувашского и русского языков в основных сферах общественной и государственной жизни Чувашской АССР, справедливо отмечая, что рост культурно-образовательного уровня населения республики обуславливает развитие чувашско-русского двуязычия. В книге приводятся такие факты: в 1926 году из всех чувашей, проживавших в Чувашской АССР,

только 22,2 процента назвали себя владеющими русской грамотой, в 1970 году — 63,8, а в 1979 году уже 78,3 процента.

Однако, утверждает автор, усвоение русского языка, как, несомненно, более развитого и более распространенного, служащего средством межнационального общения, не приводит к автоматическому снижению приоритета родного языка. Этот вывод сделан на основе анализа и обобщения статистических и социологических данных.

Большой научно-практический интерес представляют вопросы, рассматриваемые во второй главе книги «Нормализация чувашского литературного языка в советскую эпоху» (стр. 78—160). Говоря о языковых нормах, автор справедливо отмечает, что «литературные нормы создаются социально осознанно, на основе действующих правил и законов, постулируемых системой языка, и корректируются в соответствии с изменениями, происходящими в речевой деятельности языкового коллектива под действием разных языковых, политических и социальных факторов» (стр. 78).

Безусловно, правильна и мысль автора о том, что для достижения относительно единства, совершенства, универсальности и устранения избыточных вариантов форм литературный язык нуждается в сознательной коррекции его норм. «Нормализация особенно необходима, — пишет Н. П. Петров, — когда литературный язык формируется и развивается на основе синтеза разных диалектных систем» (стр. 86).

Значительное внимание уделено в монографии разработке и кодификации (узаконению в словарях) лексических норм языка. И это закономерно, ибо неустойчивость норм чувашского литературного языка послереволюционного периода дала о себе знать прежде всего в лексике, чутко реагирующей на все изменения в жизни общества. На основе анализа двуязычных, орфографических и других словарей в их хронологической последовательности Н. П. Петров устанавливает, что первые послереволюционные кодификационные предписания опирались, в основном, на базу массового

узуса, то есть в словари широко включались диалектные варианты. По мере углубления знаний о структуре родного языка и роста требований к культуре речи кодификация литературных норм становилась более совершенной. Это привело к сокращению в нормативных словарях вариантных форм слов как избыточных средств языка. Н. П. Петров приходит к заключению, что в 30—40-е годы чувашский литературный язык достиг высокой степени нормативности и стандартности, а в 50-е годы на фоне этого стандартно-нормативного языка начинается актуализация других разновидностей литературного выражения и снова обостряется интерес к вариантным формам, но уже в плане стилистической специализации их.

Оригинальные суждения и ценные наблюдения содержатся в разделе, посвященном разработке и кодификации синтаксических норм. Автор пишет, что история формирования письменно-литературного языка (в данном случае — чувашского) — это прежде всего история выработки его синтаксических норм, ибо синтаксически правильная речь есть неперенный и элементарный критерий литературного языка.

В главе приводятся интересные данные о становлении фонетических и орфоэпических норм литературного чувашского языка и их кодификации, причем, говоря о формировании орфоэпических правил, Н. П. Петров особо подчеркивает влияние верхового диалекта на литературное произношение.

В третьей главе (стр. 161—194) автором прослеживаются процессы совершенствования алфавита, разработки и кодификации орфографии и пунктуации. Основной осо-

бенностью чувашского алфавита и орфографии Н. П. Петров считает несоответствие значений некоторых букв чувашского и русского алфавитов, что приводит к фактическому сосуществованию двух систем письма: одна служит для написания собственно чувашских слов, другая — для заимствованных из русского языка. Однако далее автор показывает, что хотя эта двухсистемность и создает некоторые затруднения, «но дело облегчается тем, что русский язык в чувашских школах изучается параллельно с родным языком с первого класса... При развивающемся двуязычии одинаковое написание общих для чувашского и русского языков слов позволяет экономить время и энергию в овладении грамотой на двух языках» (стр. 183—184).

Монография написана на обширном и новом материале. В ней широко использованы архивные источники, партийные документы, материалы периодической печати разных лет, данные статистики и социологических исследований и, конечно, большая лингвистическая литература, посвященная нормализации и кодификации литературного языка. Автору удалось сделать интересные наблюдения, обоснованные выводы, представляющие несомненную ценность как для осмысления исторического развития социальных функций исследуемого языка и его литературных норм, так и для решения практических вопросов национально-языковой политики и языкового строительства. Книга представляет определенный интерес и для исследователей проблем общесоциологического лингвистического характера.

Н. А. Баскаков

«ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ГРАММАТИКЕ СОВРЕМЕННОГО БАШКИРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА»

ИЗД-ВО БФ АН СССР, Уфа, 1979, 133 стр.

После опубликования известной «Грамматики башкирского языка» Н. К. Дмитриева прошло более тридцати лет. За это время башкирское языкознание обогатилось исследованиями Дж. Г. Киекбаева, К. З. Ахмерова, А. А. Юлдашева, Г. Г. Саитбатталова, Т. М. Гарипова, З. Г. Ураксина и других лингвистов. Авторский коллектив преподавателей кафедры башкирского языкознания Башкирского государственного университета и сотрудников Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР под руководством А. А. Юлдашева завершил работу над «Грамматикой современного башкир-

ского литературного языка», издание которой планируется осуществить в 1981 году.

Этому капитальному труду предшествовал сборник «Исследования по грамматике современного башкирского языка», содержащий статьи по наименее разработанным вопросам башкирской фонетики и грамматики: словообразованию различных частей речи; словообразовательной роли отдельных форм; экспериментальному изучению гласных фонем; категории модальности, синтаксису и синонимике словосочетаний и т. д.

Сборник открывается статьей Т. М. Гарипова «О новых явлениях в словообразо-

вании прилагательных». В истории башкирского словообразования число выявленных аффиксов прилагательных колебалось до последнего времени в пределах двадцати пяти. В действительности же их оказалось значительно больше: в статье зафиксировано 130 словообразовательных типов. Автор пишет, что границу морфемного шва приходится устанавливать для каждого словообразовательного типа (а иногда и слова) отдельно, поэтому не исключены случаи, когда производные с адекватной морфемной структурой могут быть отнесены к разным моделям.

«Словообразование и модификация глагола с помощью форм залога» — так называется статья А. А. Юлдашева, по мнению которого нет оснований считать залог собственно грамматической категорией, хотя он и служит для выражения синтаксических отношений. Все косвенные залогов в лучшем случае могут быть квалифицированы как лексико-грамматическая категория, в целом более тяготеющая к сфере внутрислогового словообразования, нежели к собственно словоизменительной морфологии. Такая двойная природа тюркского залога объясняется, как отмечает автор, главным образом его зарождением и развитием на почве собственно словообразовательных форм, поначалу вовлекавших в свою сферу не только глагольные, но и именные производные основы.

Особенности категории залога рассматриваются также в статье З. Г. Уразбаевой. Установлено, что залоговые аффиксы образуют однокоренные синонимы в лексическом, грамматическом и лексико-грамматическом значении. Часто синонимизируются слова с показателями косвенных залогов, а иногда — аффиксы одного и того же залога. В ряде случаев в синонимических отношениях находятся формы основного и косвенного залогов.

Звуковой строй башкирского языка подробно описан в трудах Н. К. Дмитриева, Дж. Г. Кнекбаева и других исследователей. Однако фонологическая система его до сих пор не изучалась экспериментальным методом. В этом плане представляет интерес работа Н. Г. Охаревой, подводящая первые итоги экспериментального исследования: формантные характеристики основных аллофонов — собственно башкирских и заимствованных гласных, сопоставление тех и других. Система гласных фонем башкирского языка рассматривается также в статье Р. Х. Халиковой.

Вошедшая в сборник работа Э. Ф. Ишбердина посвящена фонетическому словообразованию в башкирском языке. Фонетический способ словообразования был и остается одним из древнейших путей пополнения словарного состава языков. Некоторые фонетические изменения были связаны прежде всего с изменением смысловой структуры слова. Иначе говоря, необходимость расчленения наименований отразилась в переходе звуков. В силу действия различных причин,

как лингвистического, так и экстралингвистического характера, утрачивались отдельные звенья в цепи фонетического и семантического развития слов. Вот почему изучение фонетического способа словообразования важно и для сравнительно-описательного исследования современного башкирского языка, и для изучения его истории.

В статье М. В. Зайнуллина рассматриваются способы выражения гипотетической модальности, анализ их семантической структуры, а также выясняются особенности употребления гипотетических форм. Основным грамматическим средством выражения гипотетической модальности являются формы сослагательного наклонения. Следует отметить, что в башкирском языкознании сослагательное наклонение не рассматривается как самостоятельное, отсутствует и соответствующий термин, хотя наличие такой формы убедительно доказано в работах А. А. Юлдашева.

В недавнем прошлом в разряд междометий включались и подражательные слова, по своим категориальным признакам существенно отличающиеся от первых. Грамматическая традиция преодолела этот недостаток. Но к междометиям продолжают еще причислять звательные слова, а также императивы. В статье З. Г. Ураксина показаны сходство и различие между теми и другими, высказывается мнение о правомерности выделения звательных слов и императивов в самостоятельный (хотя и количественно ограниченный) разряд слов. Другую свою статью З. Г. Ураксин посвятил актуальной задаче башкирского языкознания — синонимике словосочетаний. В современном башкирском литературном языке большое место занимает морфологическая и синтаксическая синонимия, что подтверждает его стилистическую развитость и жизнеспособность.

Сборник содержит также две работы Г. Г. Сантбатталова. В первой из них рассматриваются основные структурные типы словосочетаний, создаваемых на базе партаксиса и гипотаксиса. Предметом другой статьи Г. Г. Сантбатталова является парцелляция в современном башкирском языке. Явление парцелляции автором характеризуется как способ выражения актуализации, отражающий характерную стилистическую особенность народно-разговорной речи, и распространенный в художественной литературе.

В сборнике помещены статьи Н. Х. Максуютовой о послелогах, Г. Д. Зайнуллиной — об источниках формирования грамматической терминологии, К. Г. Ишбаева — о специфической глагольной форме башкирского языка на *-галы/-гале*.

Рецензируемое издание, посвященное актуальным вопросам башкирской грамматики, будет с пользой и интересом прочитано педагогами средних школ и вузов, а также специалистами-тюркологами.

Г. Г. Кагарманов

ЮНИС МЭММЭДОВ. ОРХОН-ЕНИСЕЈ АБИДЭЛЭРИНДЭ АДЛАР

АПИ-НИН НЭШРИ. БАҚЫ, 1979, 112 стр.

Лингвистический анализ именных частей речи в древнетюркских письменных памятниках имеет особое значение, так как современные тюркские языки (каждый в определенной степени) структурно-генетически связаны с некогда существовавшей в древности языковой общностью.

Автор рецензируемой работы рассматривает морфологические особенности именных частей речи орхоно-енисейских памятников в непосредственном сопоставлении их с языками огузской группы, а в отдельных случаях и с некоторыми тюркскими письменными памятниками и живыми языками. Как отмечается в предисловии, поскольку книга предназначена для студентов-филологов, сложный научный материал излагается в наиболее доступной форме.

Рецензируемая работа является первой частью задуманного автором исследования категории имен и посвящена имени существительному.

Ю. Мамедовым дается научное определение семантико-структурного статуса существительного в лингвистической системе орхоно-енисейских языковых памятников.

Заслуживает внимания замечание автора об отношении имени существительного к другим именам. В ретроспекции имя существительное обнаруживает возрастающую тождественность с именем прилагательным, на что указывает неспециализированность и недифференцированность словообразовательных аффиксов этих языковых категорий. К орхоно-енисейским памятникам в полной мере может быть отнесено, как отмечает автор (стр. 7), следующее высказывание А. А. Потебни: «Различие между существительным и прилагательным в языке, доступно наблюдению, в историческое время уменьшается по направлению к прошедшему... в существительном в том же направлении от нас увеличивается атрибутивность»¹.

Характеризуя ту или иную форму, автор прослеживает ее эволюцию, то есть рассматривает в диахроническом аспекте. Одновременно им для сравнения привлекаются материалы различных современных тюркских языков, а также тюркских письменных памятников более позднего периода. В тех случаях, когда средства образования какой-либо грамматической формы аналогичны образованию этой же формы в современных тюркских языках, автор устанавливает частотность ее употребления и статистико-стилистическую значимость. Таким образом, автором используются все возможности для сравнения и сопоставления исследуемого материала с современными тюркскими язы-

ками. Попутно Ю. Мамедов полемизирует с другими учеными, выражая свое отношение к их высказываниям по исследуемому им вопросу.

В рецензируемой работе имя существительное подвергается структурно-грамматическому анализу. В ней рассматриваются простые, производные и сложные существительные, а также отдельные категории — падежа, принадлежности, количества, сказуемости. Автор отдельно останавливается на производных существительных, в частности на их словообразовательных аффиксах. В работе прослеживаются лексико-морфологическая структура сложных существительных, пути их образования (различные способы и виды примыкания и управления, парные слова и т. д.).

Ю. Мамедов отмечает, что категория падежа складывалась в тюркских языках еще в VI—VIII веках и с того времени, эволюционируя, она претерпела значительные изменения (стр. 34). Наличие некоторых падежей, таких, как направительный, орудийно-инструментальный, ныне отсутствующих в ряде тюркских языков, позволяет видеть разницу между современными системами падежей (например, в азербайджанском языке) и в памятниках орхоно-енисейской письменности.

Много внимания в работе уделено рассмотрению функциональной взаимозаменяемости падежных форм. При этом выясняется, что углубление в изучение истории языка обнаруживает большую объективную возможность подобных взаимозамен. Интересным представляется и тот факт, что в древний период развития языка определенные падежные формы, в частности именительный падеж, предстают в семантическом плане более абстрактными и «синтетическими», так, например, в орхоно-енисейских памятниках этот падеж выступает в функции почти всех других падежных форм.

Исследуя падежные формы, Ю. Мамедов по мере необходимости обращается и к стихотворным текстам. Рассматривается автором падежная форма на *-л(х)*, выступающая как усеченная, ср.: *sesin kesdi* вместо *sesini kesdi*. Вопреки мнению некоторых исследователей, связывающих этот факт с особенностями стихотворного размера, автор считает, что в орхоно-енисейских письменных памятниках функционировал специальный аффикс винительного падежа *-ул, -ип, -п* (стр. 58), который вовсе не был обусловлен стихотворным размером, ибо и в более позднее время «в азербайджанских письменных памятниках, написанных прозой, этот аффикс был также широко представлен» (стр. 59). Таким образом, форма винительного падежа в орхоно-енисейских памятниках сохранялась полностью и после аффиксов принадлежности не подвергалась усечению, поэтому *-л* и *-л(х)* определяют

¹ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. III. М., 1968, стр. 37.

ся автором как специальные показатели внятельного падежа.

Автором исследуется и категория принадлежности. Три способа выражения этой категории в современных тюркских языках (морфологический, морфолого-синтаксический, синтаксический), по мнению Ю. Мамедова, были продуктивны и в эпоху орхоно-енисейской языковой общности. Вместе с тем в качестве дополнительного здесь выступал и аналитический способ: два существительных сочетались путем простого примыкания, ср.: *lingu ukuz, turk budun, tabač qagan* и т. д.

После подробного функционально-семантического анализа категории принадлежности автор переходит к описанию категории количества, которая в орхоно-енисейских письменных памятниках образуется как морфологическим, так и синтаксическим путем. Наибольшее распространение в этих памятниках получил синтаксический способ. Однако употребительны и морфологические показатели, такие, как *-lar/-ler, -z, -an, -en, -kun, -t*. Согласно наблюдениям автора, тогда когда форма на *-lar/-ler* в орхоно-енисейских памятниках лишь начинает функционировать в качестве аффикса количества, формы с аффиксами *-z, -an, -kun, -t* уже становятся архаичными.

Орхоно-енисейские письменные памятники наглядно демонстрируют образование сказуемого на базе личных местоимений, а также позволяют наблюдать аналитические формы сказуемости — без формальных показателей. Личные формы сказуемого являются его основными формальными показателями и раскрывают динамику развития этой стороны категории сказуемости. Другая форма сказуемости складывалась на аналитической основе (стр. 100—103). Особенно явственно это проявляется в выражении третьего лица единственного числа. Автор отмечает в данном случае как безаффиксальную форму, так и форму с местоимением *ol* (стр. 103), указывая на большую частотность употребления безаф-

фиксального способа, который широко использовался в конструкциях с условным показателем. Данное обстоятельство позволяет усомниться в предикативной функции подобных синтаксических образований.

Хотелось бы отметить некоторые погрешности рецензируемой работы, особенно досадные на фоне бесспорных ее достоинств.

Проводя широкий диахронический анализ того или иного грамматико-семантического факта или явления, автор привлекает к исследованию, как уже отмечалось, помимо орхоно-енисейских, и многие другие памятники тюркской письменности, а также материалы некоторых современных тюркских языков. К сожалению, языковой материал орхоно-енисейской письменности им рассматривается в целом, тогда как орхонские и енисейские памятники следовало бы сопоставить между собой, так как им присущи определенные отличительные признаки.

Ю. Мамедов отмечает, что в орхоно-енисейских памятниках существовала безаффиксальная форма принадлежности и указывает на факты аналитического примыкания (ср.: *turk buduk, tabač qagan* и др.). Далее он ошибочно утверждает, что в современных тюркских языках таких фактов нет (стр. 75—76). По-видимому, он основывается на материалах азербайджанского языка и не учитывает данные некоторых других тюркских языков, в частности кумыкского. Известно, что в кумыкском языке аналитический способ примыкания сохранился, ср.: *кум. кумык тил* вместо азерб. *кумыг дили*.

Не всегда в работе унификация в употреблении терминов соблюдается последовательно, так, например, в одном и том же значении встречаются термины *бир печалы* и *так печалы*.

В целом книга Ю. Мамедова представляет собой ценное исследование в области сравнительно-исторической морфологии и изучения письменных памятников тюркских языков.

Ф. Джалилов, Н. Худиев

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

III ВСЕСОЮЗНАЯ ТЮРКОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

10—12 сентября 1980 года в Ташкенте состоялась III Всесоюзная тюркологическая конференция, организованная Отделением литературы и языка Академии наук СССР, Отделением истории Академии наук СССР, Советским комитетом тюркологов при ОЛЯ АН СССР и Академией наук Узбекской ССР. В работе конференции приняли участие тюркологи Москвы, Ленинграда, союзных и автономных республик СССР, а также ряда зарубежных стран: ГДР, ПНР, Швеции, Венгрии, Болгарии, ФРГ.

С приветственной речью к участникам конференции обратился президент Академии наук Узбекской ССР академик А. С. Садыков. Приветственное слово произнес и председатель Ташгорисполкома В. А. Казимов. С вступительным словом выступил председатель Оргкомитета III Всесоюзной тюркологической конференции, член-корреспондент Академии наук СССР Г. Ф. Ким.

На общем пленарном заседании были заслушаны доклады по языкознанию, литературоведению, истории, этнографии.

В коллективном докладе академика А. Н. Кононова (Ленинград), Э. Р. Тенишева (Москва) и Э. И. Фазылова (Ташкент) «Тюркское языкознание в СССР. Итоги и перспективы» говорилось о работе, проделанной языковедами-тюркологами за время, минувшее после II Всесоюзной тюркологической конференции в Алма-Ате и о задачах, стоящих перед лингвистами в ближайшие годы.

В коллективном докладе З. А. Ахметова (Алма-Ата), М. К. Кошчанова (Ташкент), А. С. Садыкова (Фрунзе), И. А. Султанова, Т. И. Мирзаева (Ташкент) «Изучение литературы и фольклора тюркоязычных народов СССР. Состояние и задачи» были кратко охарактеризованы достижения литературоведения и фольклористики тюркоязычных народов СССР за последние годы и указаны задачи на будущее¹.

Историческим процессам современности посвятил свой доклад К. Х. Ханазаров (Ташкент) «Расцвет и сближение тюркоязычных наций и народностей СССР в составе новой исторической общности — советского народа».

Т. А. Жданко (Москва) в докладе «К вопросу о характере этнических процессов у тюркоязычных народов Средней Азии в XVIII веке» рассказала о результатах исследования различных сторон экономической, культурной и духовной жизни, крупных и малых тюркоязычных народностей Средней Азии и их этнографических (племенных и др.) групп, активно участвовавших в бурных политических событиях XVIII века.

Последующая работа конференции велась в трех секциях: лингвистической, литературоведческой и исторической. В лингвистической секции заседания проходили в шести подсекциях: истории тюркских языков (№ 1); диалектологии (№ 2); грамматики (№ 3); фонетики, фонологии, морфонологии, орфографии и стилистики (№ 4); лексикологии и лексикографии (№ 5); сопоставительного и типологического изучения тюркских языков (№ 6). В литературоведческой секции работали следующие подсекции: история литературы (№ 7); современный литературный процесс и проблемы теории литературы (№ 8); фольклористика (№ 9).

Пленарное заседание лингвистической секции открылось докладом С. Н. Иванова (Ленинград) «В. И. Лейни о понятийном мышлении и вопросы грамматики», в котором было подчеркнуто, что научные принципы описания грамматики тюркских языков должны опираться на четкие методологические принципы, содержащиеся в ленинской теории отражения и понятийного мышления.

М. Ш. Ширалиев (Баку) в докладе «Изучение процессов развития современных тюркских языков — важнейшая задача советской тюркологии» осветил пути решения

¹ Тексты обоих коллективных докладов печатаются в настоящем номере журнала.

проблемы «язык и общество» на материале азербайджанского языка.

Н. А. Баскаков (Москва) в докладе «Итоги и задачи историко-типологических исследований по фонологии тюркских языков» остановился на проблеме установления фонологических типов этих языков как в диахроническом, так и в синхронном аспектах. Докладчик высказал предположение, что тюркские языки в древнем своем состоянии имели характер изолирующих языков.

А. М. Шербак (Ленинград) в докладе «О так называемом продольном падеже в тюркских языках», опираясь на материалы ряда тюркских языков со следами смешения в недавнем прошлом форм исходного и творительного (орудного) падежей, выдвинул тезис о региональности этого процесса, который мог начаться еще в эпоху общетюркского состояния.

Теории текста был посвящен доклад Г. А. Абдурахманова (Ташкент), который в зависимости от контекстуального смысла выделил несколько видов текстов.

В докладе «Современная терминология литературных тюркских языков СССР» К. М. Мусаев (Москва) охарактеризовал историю развития терминологии литературных тюркских языков и пути терминологического образования в настоящее время.

С задачами составления диалектологического атласа узбекского языка и с состоянием ведущейся работы ознакомили слушателей содокладчики Ш. Ш. Шаабдурахманов и А. Шерматов (Ташкент).

В коллективном докладе В. Г. Гузева и Д. М. Насилова (Ленинград) утверждалось, что учение о грамматической категории, сформировавшееся в общем языкознании на основе изучения свойств языков индоевропейской семьи, не находит подтверждения в языках иных семей, в частности алтайской. Здесь требуется проведение дополнительных исследований на материале тюркских языков.

Г. Е. Корнилов (Чебоксары) в докладе «Теория имитативов, ностратика и тюркология» указал на необходимость согласования ностратики с имитативкой при изучении глоттогенетических процессов.

В докладе Ф. Д. Ашнина (Москва) «О составлении „Библиографического словаря советских тюркологов“» содержался краткий обзор словарей такого типа и были сформулированы принципы организации работ над ними.

В работе лингвистической подсекции «История тюркских языков» в центре внимания находились такие актуальные проблемы общетюркологического плана, как исторические контакты тюркских языков различных групп, роль историко-сравнительного исследования в освещении современного состояния тюркских языков, ареально-историческая интерпретация показаний современной тюркской диалектологии, соотношение диалектных особенностей и литературно-языковой традиции в средневековых текстах. Освещались также вопросы исторической фо-

нетики и грамматики, лексики и этимологии, результаты лингвотекстологических исследований.

Н. З. Гаджиева (Москва) в докладе «Критерии выделения кыпчакских элементов в огузских языках» предложила следующую классификацию кыпчакизов: 1) исконные (изначальные); 2) контактно-приобретенные; 3) закрепившиеся в результате влияния литературных языков; 4) ложные (случайно совпадающие). В докладе В. А. Гукасяна (Баку) был проанализирован древнекыпчакский пласт лексики азербайджанского языка. На материале огузского пласта в склонении узбекских диалектов и карлукского пласта в склонении хорасанотюркских диалектов Г. Ф. Благова (Москва) представила ретроспективную картину языкового контактирования в тимуридских Мавераннахре и Хорасане (XV — начало XVI в.), показав при этом плодотворность применения методов ареальной лингвистики, в том числе картографирования языковых явлений. М. Ш. Рагимов (Баку) в своем докладе показал важную роль историко-сравнительного исследования тюркских языков в выявлении специфических особенностей развития отдельных тюркских языков огузской группы. И. В. Кормушин (Москва) в докладе «Позиции В. В. Радлова и А. Н. Самойловича в вопросе классификации тюркских языков» остановился на принципиальном значении классификационного критерия *d/j*, введенного А. Н. Самойловичем. С. Н. Муратов (Ленинград) в докладе «Древняя структура тюркских корней и их современные типы» поддержал гипотезу, в соответствии с которой тюркские корни могли оформиться и выделиться после окончательного установления агглютинативного строя языка.

Интерес участников конференции вызвали доклады, в которых конкретизировались задачи тюркского исторического языкознания, трактовались вопросы периодизации старописьменных литературных языков, вводились в научный обиход новые источники по истории тюркских языков.

Ш. Шукуров (Ташкент) охарактеризовал состояние и задачи изучения истории узбекского языка, Г. А. Абдурахманов (Ташкент) поделился «Опытном составлении исторической грамматики» тюркских языков, М. З. Закиев (Казань) говорил о необходимости изучения высказываний древних греков о тюрках и их языках, а также о необходимости исследования скифской ономастики, дошедшей до нас в греческих источниках, М. А. Хабичев (Караचाевск) сообщил о результатах анализа клинописи на гранитных камнях и плитах, обнаруженной на территории СССР (Большой Карагач), И. Г. Добродомов (Москва) сообщил результаты расшифровки тюркских рунических надписей на монетах, И. А. Абдуллин (Казань) и Е. К. Мелконян (Ереван) в совместном докладе указали на возможность использования «Армянописьменных грамматических и лексикографических пособий

кыпчакского языка» XVI—XVII веков при составлении полной грамматики армянокыпчакского языка.

Ряд выступлений был посвящен проблемам исторической фонетики тюркских языков, в том числе доклад Ф. А. Абдуллаева (Ташкент) «К истории утраты сингармонизма в узбекском языке», причину которой докладчик видит в конвергенции парнопротивопоставляемых гласных фонем в результате переосмысления типично узбекского вокализма на таджикской артикуляционной базе. А. Рустамов (Ташкент) остановился на вопросах конвергенции гласных по ряду, дивергенции гуттуральных согласных и утраты палатально-велярной аттракции в словоформах. Ф. Р. Зейналов (Баку) в докладе «Морфологические особенности огузосельджукских памятников (XIII в.)» вопреки мнению турецких ученых, относящих эти памятники к числу османотурецких, утверждал, что в них нашли отражение общие черты как азербайджанского, так и ряда других тюркских языков. В. И. Асланов (Баку) проанализировал тюркизмы, встречающиеся в персональном диване Хагани Ширвани, отдельно остановившись на семантико-функциональных особенностях их использования поэтом.

В работе подсекции нашли отражение и вопросы развития старописьменных литературных языков в новый период. В. Х. Хаков (Казань) говорил о больших изменениях, которые претерпел татарский национальный литературный язык в период его формирования и дальнейшего развития. С докладом «Традиции тюрки в казахской письменной литературе XIX века» выступил Б. А. Абилхасимов (Алма-Ата).

В работе подсекции принимали участие зарубежные ученые. В их выступлениях были затронуты вопросы изучения языковых особенностей письменных памятников, отдельных тюркских языков, тюркологической библиографии и документации, а также проблемы обучения тюркским языкам.

А. Дубинский (Польша) сделал доклад на тему «Каранские рукописи из коллекции Сулимовича в Варшаве». Э. Трыяски (Польша) выступил с докладом «Существовала ли поэзия на армянокыпчакском языке?». А. Рона-Таш (Венгрия) предпринял попытку хронологизации ротацизма на материале чувашского языка и высказал предположение, что некогда в сибирском регионе существовал тюркский язык, в котором был представлен ротацизм. Г. Кара (Венгрия) осветил вопросы, связанные с природой мнем — группы глаголов в якутском, тувинском и киргизском языках. Г. Хазаи (Венгрия) доложил о «Тюркологической библиографии и документации». С. Петрова (Болгария) сделала доклад на тему «Проблемы выбора лексического минимума для обучения турецкому языку». Х. П. Фитце (ГДР) выступил с докладом «Древнетюркское двойственное число и его соответствие в других алтайских языках». Х. Штейн (ГДР) сделала сообщение на те-

му «Описание османотурецкого языка лейпцигскими языковедами».

Б. А. Серебрянников (Москва) выступил по некоторым актуальным проблемам тюркологии, вынесенным на обсуждение докладчиками.

Доклады в подсекции «Диалектология» были посвящены вопросам составления региональных диалектологических атласов тюркских языков, проблемам классификации диалектов и говоров, характеристике их фонетической системы, грамматического строя, лексики.

В рамках подсекции было проведено заседание круглого стола по проблеме «Диалектологический атлас тюркских языков СССР». Обсуждались также вопросы собранного и обобщенного в таблицах материала, была подчеркнута необходимость ускорения публикации составленных региональных диалектологических словарей тюркских языков.

Д. С. Насыров (Нукус) рассказал об опыте создания каракалпакской части «Лингвистического атласа тюркских языков СССР» и о результатах исследования каракалпакских диалектов. О проблемах, связанных с составлением диалектологического атласа азербайджанского языка, говорилось в докладе М. И. Исламова (Баку).

Ряд докладов был посвящен спорным вопросам классификации казахских и татарских диалектов, диалектному членению казахского языка, говорам татарского языка на территории Башкирской АССР, проблемам становления и развития южного диалекта башкирского языка, анализу дифференциальных (фонетических) признаков опорных диалектов башкирского языка, историческим путем формирования узбекских говоров Южного Казахстана, фонетико-грамматическим и лексико-семантическим отличиям брагунского говора кумыкского языка, территориально изолированного от других кумыкских говоров.

Участники конференции уделили определенное внимание вопросам диалектного контактирования близкородственных языков и проблемам диалектной грамматики. Г. С. Садвакасов (Алма-Ата) проанализировал способы выражения категории вежливости в диалектах уйгурского языка; Р. М. Бирюкович (Саратов) предложила историческую интерпретацию временной системы диалектов малоизученного чувлымско-тюркского языка, не имеющего письменной традиции; Ф. Ю. Юсупов (Елабуга) остановился на функционально-семантических особенностях инфинитивных форм в различных татарских диалектах; Ш. Насыров (Ташкент) рассмотрел характерные аффиксы именного словообразования, употребляющиеся в узбекских говорах, в сопоставлении с фактами других тюркских языков.

Несколько докладов было посвящено вопросам диалектной лексики тюркских языков. Н. Х. Максютова (Уфа) с помощью лексикостатистического метода пыталась установить ареалы распространения в прошлом языков

башкирских племен «катай» и «кыпчак». У. Доспанов (Нукус) остановился на вопросах изучения диалектной лексики каракалпакского языка. У. Бекбаулов (Нукус) доложил об исследованиях лексики каракалпакского героического эпоса и т. д.

Состоялся ряд выступлений по таким вопросам, как синтаксический строй диалектов тюркских языков, экспериментальное исследование степени близости родственных диалектов и языков с применением математических методов, топонимия Алтая, ономастика тюркских языков и др.

В подсекции «Грамматика» ставились и обсуждались следующие вопросы: проблема частей речи, классификация семантико-морфологических и семантико-синтаксических подразделений в отдельных частях речи, грамматические категории, наклонение и модальность, время и залог, вопросы сложного и усложненного предложений, сложного словосочетания, синтаксической синонимии, а также синтаксиса разговорной речи и др.

Тематика ряда докладов была связана с семантико-синтаксической классификацией частей речи в тюркских языках. Л. А. Покровская (Москва) выступила с докладом о классификации тюркских прилагательных по их семантико-синтаксическим признакам. Доклады М. Оразова (Ташкент) и Г. К. Кулиева (Баку), А. А. Цалкаламанидзе (Тбилиси) были посвящены лексико-семантической классификации глаголов казахского и азербайджанского языков, анализу семантической системы глаголов эмоционального состояния узбекского и турецкого языков.

Тематика докладов по синтаксису была весьма разнообразной. Вопросам структурным особенностям предложения в современном узбекском языке был посвящен доклад М. Аскаровой (Ташкент), вопросам сложных синтаксических единств и развития сложного предложения в узбекском языке — доклады И. Р. Расулова (Коканд), К. Н. Назарова (Ташкент). Р. Дж. Магеррамова (Баку) посвятила свой доклад вопросам грамматической омонимии, синонимии и антонимии в азербайджанском языке, Т. Сайрамбаев (Алма-Ата) и С. И. Гаюпов (Ташкент) — проблеме сложных словосочетаний. О проблематике синтаксической синонимии в тюркских языках говорилось в докладах В. И. Игамбердиева (Бухара), С. М. Ибрагимова (Казань), Б. Туйчибаева (Сырдарья), о различных вопросах синтаксиса тюркских языков — в докладах З. З. Загидуллиной (Уфа), Д. А. Монгуша (Кызыл), Н. Х. Демесиновой (Алма-Ата), З. А. Ализаде (Баку), Б. Хасанова (Алма-Ата), Ф. С. Убаевой (Ташкент), К. Н. Веллиева (Баку), Ф. С. Сафиуллиной (Казань), М. А. Ахметова (Уфа) и др.

Ряд докладов был посвящен рассмотрению теоретических и практических вопросов морфологии.

Е. И. Убрятова (Новосибирск) посвятила свой доклад вопросам образования длительных времен в тюркских языках Южной

Сибири. А. Г. Гулямов (Ташкент) подробно осветил грамматические свойства возвратного залога в узбекском языке.

Ряд докладов был посвящен вопросам грамматической природы деепричастий (Е. И. Коркина, Якутск), функциональной классификации морфологических категорий (Х. Нигматов, Бухара), классификации частей речи (Н. Х. Ишбулатов, Уфа), отграничения частиц от других частей речи и от аффиксов (З. Г. Ураксин, Уфа; А. Дж. Шукюров, Баку), этимологизации тюркских финитных форм (П. И. Кузнецов, Москва), аффиксальной омонимии в тюркских языках (М. А. Джурабаева, Ташкент).

На заседаниях подсекции «Фонетика, фонология, морфонология, орфография и стилистика» были заслушаны доклады, посвященные изучению фонетической структуры слова и слога, морфонологии, ритмической организации слова, особенностям систем гласных и согласных в различных тюркских языках, экспериментальным исследованиям звуков и просодических явлений (ударения, интонации), инженерно-лингвистическому моделированию и т. д.

Вопросы фонологии отдельных тюркских языков рассматривались в докладах Т. Талипова (Алма-Ата), А. К. Калыбаева (Алма-Ата), Ж. Аралбаева (Алма-Ата), А. А. Ахундова (Баку), Э. Ф. Ишбердина (Уфа) и др.

Звуковой состав тюркских языков освещался в целом ряде докладов и сообщений, в том числе А. Нурмухаммедова (Ашхабад), С. К. Куренова и Дж. Гокленова (Ашхабад), А. Д. Давлетова (Нукус), С. С. Татубаева (Алма-Ата), А. Т. Кайдарова (Алма-Ата), А. А. Абдуазизова (Ташкент), С. Атамирзаевой (Ташкент) и др. О спорных вопросах сингармонизма и ударения в тюркских языках шла речь в докладах А. Махмудова (Ташкент), Т. К. Ахматова (Фрунзе), В. И. Котлева (Чебоксары), А. Джунисбекова (Алма-Ата) и др.

Совместный доклад А. П. Ходжиева и Э. А. Бегматова (Ташкент) был посвящен дальнейшей кодификации орфографических норм современного узбекского литературного языка, доклад Х. Д. Даниярова и Б. Юлдашева (Самарканд) — анализу лингвистической и художественной стилистики.

В подсекции «Лексикология и лексикография» докладчиками освещались лексико-семантические, семантико-стилистические особенности слов, проблемы подачи и толкования лексем в словарях, говорилось о теории лексем и семемы, о фразеологии, ономастике и т. д.

В совместном докладе Б. О. Орузбаевой, З. М. Мусабаевой (Фрунзе) «Манас» — источник для изучения лексики киргизского языка в историческом плане» был проанализирован лексический состав этого эпоса. Е. Д. Бердимуратов (Нукус) посвятил свой доклад стилевой дифференциации каракалпакского языка, М. Ш. Гасымов (Баку) — состоянию и развитию азербайджанской терминологии, З. И. Будагова (Баку) —

глагольной энантиосемии в азербайджанском языке и ее отличиям от лексической антонимии, Н. Маматов (Ташкент) — дифференциальным признакам собственно-сложных слов и словосочетаний, А. Х. Нуриева (Казань) — пластам заимствований в лексике тюркских языков и др.

О перспективах развития казахской ономастики говорилось в докладе Т. Жанузакова (Алма-Ата), Г. Ф. Саттаров (Казань) и Т. Х. Кусимова (Уфа) показали, что анализ ономастического материала Татарии и Башкирии позволяет обнаружить сложные историко-этнические процессы, происходившие на этих территориях. С. Я. Байчоров (Черкесск) доложил о группе северокавказских топонимов, относящихся, по его мнению, к одному из диалектов протобулгарского языка. А. П. Векилов (Ленинград) рассказал об источниках сбора многочисленных языческих турецких имен. М. А. Булгарова (Черкесск) рассмотрела ногайские топонимы; А. А. Камалов (Уфа) исследовал семантическое развитие башкирских народных географических терминов и установил ареалы их распространения.

Ряд сообщений был посвящен этимологическим исследованиям отдельных лексем.

О теоретических основах составления толковых национальных словарей говорилось в докладах Ж. М. Гузеева (Нальчик), А. Г. Биншева (Уфа), С. Ф. Акабирова (Ташкент). Принципам составления русско-национальных и национально-русских словарей были посвящены доклады Т. Алякулова (Ташкент) Л. С. Войтик (Оренбург), А. С. Сафаева (Ташкент), Р. Даниярова (Ташкент).

Фразеологии тюркских языков были посвящены доклады: Э. А. Умарова (Ташкент) «Фразеологизмы как дополнительный источник по истории языка», А. Т. Тыбыковой (Горно-Алтайск) — о структуре фразеологизмов алтайского языка, Э. В. Мамулия (Тбилиси) — о фразеологической омонимии, встречающейся как в фразеологизмах, относящихся к разным структурно-семантическим типам, так и в однопорядковых структурно-семантических группах, Ю. И. Васильева (Якутск) — об устойчивых сравнениях в якутском языке. Об исследовании языковых процессов в фразеологических сочетаниях говорилось в коллективном докладе Р. Х. Аннаевой (Ашхабад) и К. М. Мусаева (Москва) «К историческому изучению фразеологических устойчивых сочетаний в тюркских языках».

В подсекции «Сопоставительное и типологическое изучение тюркских языков» рассматривались проблемы сравнительной типологии тюркских языков и сопоставительной типологии русского и тюркских языков.

С. Кудайбергенов (Фрунзе) подвергнул анализу причастные и деепричастные формы в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. А. Хамитова (Ташкент), говоря о степенях сравнения в тюркских языках, предложила новую классификацию наречий, Л. Ш. Арсланов (Елабуга)

посвятил свое выступление языку алабугских татар, небольшой этнической группы, в формировании которой участвовал узбекский компонент, К. Конкобаев (Фрунзе) рассмотрел киргизскую топонимию в аспекте языковых взаимосвязей киргизского и южносибирских тюркских языков. К. Дыйканов (Фрунзе) и С. Исхакова (Казань) исследовали те фонетические и прочие изменения слов, принадлежащих различным частям речи, которые появились в результате взаимодействия киргизского и языка сибирических татар с другими языками, преимущественно неродственными, М. В. Зайнуллин (Уфа) и К. М. Мелиев (Ташкент) доложили об изучении системы наклонения в тюркских языках, в частности татарском, узбекском и уйгурском. В докладе Н. А. Шаропова (Душанбе) рассматривалось узбекско-таджикское лексическое взаимовлияние, Д. Рашидовой (Ташкент) — философские термины узбекского языка, заимствованные из других языков и т. д.

Многие доклады были посвящены вопросам сопоставления русского и тюркских языков, роли русского языка в обогащении лексики тюркских языков и проблеме двуязычия. Влиянию русского языка на развитие национальных языков народов Средней Азии были посвящены доклады Л. В. Решетовой (Ташкент) и О. Назарова (Ашхабад). К. З. Закирьянов (Уфа) проследил тематические группы русских заимствований советского периода в башкирском языке. М. Г. Хайруллина (Уфа) произвела хронологизацию русских лексических заимствований в башкирском языке, исходя из их особенностей. В докладе М. Тохтаходжаевой (Ташкент) были рассмотрены типы лексических соответствий русского и узбекского языков с учетом особенностей лексических систем обоих языков.

Сопоставительно-типологический анализ семантических, структурных и грамматических связей между предикативными частями татарских и русских сложноподчиненных предложений содержался в сообщении К. З. Зиннатуллиной (Казань). Л. К. Байрамова (Казань) рассмотрела фразеологические эквиваленты русского и татарского языков, исходя из специфики семантических, стилистических, лексических, морфологических и синтаксических факторов. Д. А. Павлов (Элиста) остановился на влиянии русского языка на развитие фонетической системы калмыцкого языка, которое проявилось в количественных и качественных изменениях калмыцких фонем.

Т. Тачмурадов и А. Гельдымурадов (Ашхабад) говорили о варьировании гласных в словах, заимствованных из русского языка. В. А. Марданов (Баку) и Л. В. Данилова (Ташкент) рассмотрели фонетическую интерференцию в русской речи билингов — азербайджанцев и узбеков.

На пленарном заседании литературоведческой секции было заслушано девять докладов, посвященных актуальным вопросам

тюркоязычных литератур как историческо-го, так и теоретического плана.

В докладах С. Мамаджанова (Ташкент) «Ленинское учение о национальной культуре и судьба тюркоязычных литератур» и А. С. Садыкова (Фрунзе) «Образ Ленина в поэзии народов Средней Азии и Казахстана» говорилось об основных факторах успешного развития тюркоязычных литератур СССР.

В докладе М. К. Нурмухамедова «К вопросу синтеза устной и письменной традиции в тюркоязычной поэзии» были затронуты спорные вопросы взаимопроникновения устных и письменных традиций в современном развитии литератур народов СССР.

На пленарном заседании литературоведческой секции были заслушаны доклады, посвященные путям развития тюркоязычной прозы, национальному своеобразие и интернациональной общности тюркоязычных литератур Советского Союза, образу положительного героя в произведениях писателей нового поколения, проблемам исторического романа в литературах Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Туркмении, Казахстана и т. д. С докладом «Казахская проза на современном этапе» выступил М. Каратаев (Алма-Ата).

Оживленную полемику вызвали доклады «Изучение восточных связей казахской литературы» Ш. К. Сатпаевой (Алма-Ата) и «Стилевое многообразие в становлении узбекской литературы социалистического реализма» Х. И. Якубова (Ташкент). А. Х. Хайитметов (Ташкент) поделился опытом создания многоотной «Истории узбекской литературы дооктябрьского периода».

Литературоведческая секция продолжила свою работу в трех подсекциях: история литературы; современный литературный процесс и проблемы теории литературы; фольклористика.

Работа подсекции «История литературы» началась коллективным докладом В. А. Абдуллаева и Б. Н. Валиходжаева (Самарканд), в котором говорилось о важности углубленного изучения истории литератур дооктябрьского периода.

А. П. Каюмов (Ташкент) остановился на перспективах дальнейших научных исследований по истории дооктябрьской узбекской литературы и источниковедения. Важные вопросы типологии средневековой турецкой поэзии поднял в своем докладе Э. Д. Джавелидзе (Тбилиси). Доклад Г. К. Каримова и Б. К. Қасымова (Ташкент) был посвящен истории узбекской литературы в период 1905—1917 гг. По наблюдениям Г. Б. Хусайнова (Уфа), общность тюркоязычных литератур Урало-Поволжья как системы носит не только региональный, но и зональный характер, особенно четко прослеживаемый в XIV—XV веках.

Е. И. Маштакова (Москва) говорила об изучении типологических изменений, происходивших в турецкой литературе в период перехода от средневековья к новому времени. И. В. Стеблева (Москва) остановилась

на образной системе классической средневековой тюркоязычной поэзии. Ф. К. Сулейманова (Ташкент) рассказала о недавно найденном диване неизвестного ранее узбекского поэта XV века Хафиза Хорезми. М. Ш. Хамидова (Ташкент) осветила роль и место *базов* в литературе тюркских народов конца XIV — начала XV века. М. Хакимов (Ташкент) сообщил о ранее неизвестных рукописях произведений Алишера Навои в фондах Института рукописей им. Х. С. Сулейманова Академии наук Узбекской ССР. Ш. Ш. Абилов (Казань) показал на примере творчества представителя средневековой татарской поэзии Мухамедьяра большое влияние Навои на всю тюркоязычную поэзию. Я. Исхаков (Ташкент) осветил новаторство Навои в разработке отдельных лирических жанров. Образу автора в поэме Навои «Лисан ат-тайр» было посвящено сообщение А. Н. Малеховой (Ленинград). Основные принципы изучения прозы Алишера Навои изложила С. Ганиева (Ташкент). К. Т. Тахиров (Самарканд) остановился на узбекско-туркменских литературных взаимосвязях дооктябрьского периода. Г. С. Шарадзе (Тбилиси) проанализировал переводы «Псалтыря» на турецком и грузинском языках. М. Ш. Қадырова (Ташкент) рассказала об изучении творчества узбекских поэтов дооктябрьского периода (Надиры, Анбар Атъин и др.).

О проблеме самосознания автора в ногайской литературе дореволюционного периода говорилось в докладе А. И. Сикалиева (Черкесск), о вопросах метода и стиля чувашской литературы этого периода — в докладе Н. И. Иванова (Чебоксары). Д. У. Абдуллаев (Ашхабад) коснулся роли Махтумкули в обогащении туркменского стихосложения. О дореволюционной якутской драматургии, ее истоках и особенностях развития говорила А. А. Билюкина (Якутск). Э. Шадыев (Ленинабад) проанализировал узбекско-таджикские литературные взаимосвязи в XIX веке.

В работе подсекции «Современный литературный процесс и проблемы теории литературы» большинство докладов было посвящено вопросам типологического изучения современного литературного процесса.

В ряде докладов анализировались особенности развития прозы и прежде всего романа. З. С. Кедрина (Москва) остановилась на проблеме исторического романа в литературах Средней Азии и Казахстана, подчеркнул, что М. Ауэзов, Айбек, В. Ян, С. Бородин создали своеобразную школу в этой области.

Типологии развития жанра романа в литературах Средней Азии посвятила свой доклад Э. Г. Османова (Москва). И. В. Бородин (Москва) изложила принципы историко-типологического рассмотрения межлитературных контактов. У. Нарматов (Ташкент) говорил о тенденциях развития современной узбекской прозы, о наметившейся в ней тяге к мифологической символике. Р. Н. Баймов (Уфа) рассмотрел взаимодей-

ствие эпических форм в развитии реалистических повествовательных жанров. Ш. А. Курмангулова (Черкесск) связала развитие жанра повести в ногайской литературе (30-е годы) как с традициями родного фольклора, так и с опытом русской литературы и литератур других народов СССР. Е. В. Федоров (Якутск) рассказал о женских образах в якутской прозе 20-х годов. К. Тохтамов (Алма-Ата) показал, что успешное становление современной уйгурской прозы связано с развитием реализма и углублением психологического анализа.

В докладах Г. С. Мухамедовой (Казань), С. Акбиева (Махачкала) говорилось о роли творчества писателя в развитии национальной литературы. Воплощение идей дружбы народов и интернационализма в литературе было проследжено Б. Набиевым (Баку) на примере творчества С. Вургуня и Ф. Ю. Гасановой (Баку) — М. Ф. Ахундова.

Вопросы интернациональных и национальных связей были затронуты в докладах Т. Шариповой (Ташкент), К. Сейданова (Ташкент), Ш. Турдиева (Ташкент) и др. Э. Г. Нигматуллин (Казань) остановился на роли писателя в развитии литературных взаимосвязей. Жанровые и стилистические искания в туркменской и узбекской поэзии освещались в докладах А. Караева (Ашхабад) и Н. Каримова (Ташкент). Н. Юзеев (Казань) сделал попытку дать научное обоснование классификации лирических форм татарской поэзии. М. Ф. Гайнуллин (Уфа) остановился на особенностях развития современной башкирской драматургии.

Такие проблемы, как эпоха и писатель, метод и типология реализма, составили тему докладов А. А. Гаджиева (Баку), Э. Каримова (Ташкент), Н. В. Владимировой (Ташкент), Г. Н. Галиуллина (Елабуга). Доклад А. Шарифудинова (Ташкент) касался спорных вопросов периодизации советской литературы.

Критерии комплексного анализа художественного произведения были изложены в докладе Ю. Г. Нигматуллиной (Казань). Доклады А. З. Нигматуллина (Уфа), П. М. Уразаева (Алма-Ата), В. Я. Канюкова (Чебоксары), С. Л. Лукьяновой (Баку), Б. А. Назарова (Ташкент) и других носили теоретико-методологический характер.

Г. Саямов (Ташкент) выступил с докладом «Билингвизм и перевод». Важные аспекты проблемы перевода были затронуты и в докладах Г. Гафуровой (Ташкент), М. Исраиловой (Ташкент).

На заседаниях подсекции «Фольклористика» был заслушан доклад профессора Боннского университета Э. Лауде-Циртаутас «Изучение монгольских и тюркских дастанов в Боннском университете». По ее мнению, переводы эпосов тюркоязычных народов на немецкий язык способствуют успешному изучению тюркских языков в зарубежных странах.

Б. Уахатов (Алма-Ата) доложил об общих типологических чертах и региональных национальных особенностях казахских образцовых песен. С. А. Каскабасов (Алма-

Ата) говорил о жанровом составе казахской устной народной прозы. А. Дербисалиев (Алма-Ата) высказал предположение, что до появления индивидуальных авторов казахские поэтические произведения возникали преимущественно в виде *толгау*. Б. Абдуллаев (Баку) говорил о происхождении народных жанров благословения и проклятия, связанных с древними верованиями.

Ряд докладов в подсекции был посвящен жанровому составу фольклора тюркоязычных народов, генезису, поэтике, эволюции и взаимосвязям жанров.

Другая часть докладов была посвящена проблемам типологии жанров, взаимодействию и взаимосвязям фольклора разных народов. Л. Бекизова (Черкесск) говорила о тюрко-северокавказских культурных взаимосвязях. Дж. К. Бардавелидзе (Тбилиси) остановился на многовековых традициях ашугской поэзии в Грузии и ее влиянии на грузинское стихосложение, А. К. Салмир (Чебоксары) осветил типологически сходные мотивы в узбекском эпосе «Рустамхан» и чувашских волшебных сказках о богатырях-змееборцах. В. Н. Меремкулов (Черкесск) проследил кавказско-тюркские фольклорные связи на примере анализа нарфского эпоса, киргизского «Манаса», узбекского «Алпамыша» и якутских олонхо.

Был заслушан ряд докладов по вопросам типологии жанров, взаимодействия и взаимосвязи фольклора разных народов.

Несколько докладов было посвящено теме «литература и фольклор», а также роли фольклора в становлении и развитии художественной литературы. Р. Бердибаев (Алма-Ата) осветил роль М. Ауэзова в изучении фольклора в Казахстане. Типологии фольклоризмов в узбекской советской литературе был посвящен доклад Б. И. Сарымсакова (Ташкент). С. С. Катар (Горно-Алтайск) говорил о взаимоотношении алтайского фольклора с художественной литературой, о влиянии эстетически усложненного, «скрытого» фольклоризма.

В ряде докладов трактовался вопрос о роли народных поэтов и сказителей в сохранении и обогащении традиций устного народного творчества.

С докладом «Роль народных певцов в духовной и эстетической жизни тюркоязычных народов Кавказа» выступила Р. Ортабаева (Черкесск). Р. З. Кыдырбаева (Фрунзе) посвятила свое выступление сказительской преемственности манасчи.

Были заслушаны доклады о принципах изучения, сбора, издания и перевода устно-поэтического творчества.

Опыт составления и подготовки к изданию многотомного собрания произведений узбекского фольклора поделился Т. Мирзаев (Ташкент). С. Бойгожоев (Фрунзе) остановился на тех задачах, которые стоят перед учеными-фольклористами Киргизии в области издания и изучения киргизского устнопоэтического творчества. В докладе Ш. Алекперовой (Баку) анализировались русские переводы азербайджанского эпоса «Кёроглы». На заседа-

ниях подсекции были заслушаны также доклады, посвященные фольклору советского периода (Я. Т. Джурбаев, Ташкент), принципам изучения историзма фольклора (Д. С. Куулар, Кызыл).

Тематика большей части докладов исторической секции охватывала основные проблемы истории тюркоязычных народов — их этногенеза и этнической истории, внутрирегиональных и межрегиональных связей, а также проблемы взаимоотношений кочевников и оседлого населения. В ряде докладов получили освещение историко-этнографические исследования и некоторые отдельные вопросы истории и этнографии тюркоязычных народов.

Одной из главных проблем — этногенезу и этнической истории — были посвящены двенадцать докладов, в которых освещались различные этапы этнического и этнокультурного развития узбеков, киргизов, азербайджанцев, якутов, уйгуров, тюркских народов Южной Сибири, Поволжья и Приуралья — татар, башкир и др. Наряду с этим были представлены и общие темы, в частности: основные этапы тюркизации Поволжья и Приуралья (А. Х. Халиков, Казань), монгольско-тюркские этнические контакты в XIII—XVI вв. (Г. О. Аvezов, Элиста).

Были заслушаны доклады об истории появления первых тюркоязычных племен в Азербайджане (А. С. Сумбатзаде, Баку), о формировании тюркоязычных народностей Средней Азии (К. Шаниязов, Ташкент).

Секционные доклады и сообщения осветили историю этнокультурных связей тюркоязычных народов, внутрирегиональные связи народов Хорезмского оазиса и Волго-Уральского региона, этнокультурные связи народов Южной Сибири, таджикско-узбекские и узбекско-таджикские контакты и др.

В нескольких докладах были охарактеризованы межрегиональные связи, например, ногайцев — с народами Средней Азии, туркмен — с народами Кавказа и Передней Азии, татар — с народами Средней Азии и

Казахстана, тюркских и финно-угорских народов Поволжья и Приуралья.

Были заслушаны доклады, посвященные взаимоотношениям кочевников и оседлого населения, городу и ремеслам у тюрко-монгольских кочевников в Евразии, этнокультурным связям оседлого и кочевого населения низовьев Зерафшана и Средней Сырдарьи.

Ряд докладов содержал анализ источников средневековья и нового времени, включающих материалы по истории тюркоязычных народов; к ним относятся новые эпиграфические памятники, обнаруженные в Киргизии, китайские источники по истории расселения тюркских племен в VII веке, турецкие дефтеры (реестры) XVI—XVIII веков, письменные памятники по этнической истории узбеков и архивные материалы по истории народов Хивинского ханства второй половины XIX — начала XX века.

В докладах и выступлениях, посвященных отдельным проблемам этнической истории, освещались новейшие исследования по истории караханидов, сельджуков, кыпчаков, болгар и др.

Разнообразными по тематике были доклады и выступления по этнографии тюркоязычных народов (якутов, каракалпаков, кумыков, узбеков, киргизов и др.). С критикой китайских фальсификаторов истории тюркоязычных народов выступил Б. П. Гуревич (Москва).

На всех секциях и подсекциях было проведено широкое обсуждение докладов и сообщений.

С заключительным словом выступил председатель Советского комитета тюркологов А. Н. Кононов.

Конференция приняла резолюцию (публикуется ниже).

*Л. В. Данилова, К. Каримов,
С. И. Гаюпов, С. Атамирзаев,
Б. Сарымсаков, С. Мамаджанов,
И. Ахмедходжаев, М. Ахунова*

РЕЗОЛЮЦИЯ

III ВСЕСОЮЗНОЙ ТЮРКОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Ташкент

10—12 сентября 1980 года

III Всесоюзная тюркологическая конференция, организованная Отделением литературы и языка Академии наук СССР, Отделением истории Академии наук СССР, Советским Комитетом тюркологов при Отделении литературы и языка Академии наук СССР, Академией наук Узбекской ССР, посвященная предстоящему XXVI съезду КПСС, состоялась в Ташкенте 10—12 сентября 1980 года.

В работе конференции принимали участие ученые-тюркологи Москвы, Ленинграда, союзных и автономных республик, а также ряда зарубежных стран — Болгарии, ГДР, Венгрии, ФРГ, Швеции.

За истекший короткий период после II Всесоюзной тюркологической конференции в Алма-Ате (1976) работами советских тюркологов подтвержден высокий уровень развития тюркологии во всех ее основных разделах — тюркского языкознания, литературоведения и фольклористики, истории.

Участники настоящего форума тюркологов с чувством глубокой благодарности и удовлетворения отмечают, что залогом успехов советской тюркологии в СССР является постоянная, неустанная забота Коммунистической партии Советского Союза, Советского правительства, успешное проведение в жизнь ленинской национальной политики, в результате чего изучение проблем истории, языка и литературы всех народов нашей страны, в том числе тюркоязычных народов, приобретает не только глубокое научное, но вместе с тем огромное практическое и политическое значение. Отвечая на заботу партии и правительства о непрерывном росте и расцвете науки, советские тюркологи создают фундаментальные исследования, помогающие определению дальнейшего пути развития национальной культуры народов тюркоязычных республик, чем вносится достойный вклад в дело коммунистического строительства.

Участники конференции отмечают, что одним из объективных факторов крепнущих связей научных учреждений, ученых страны, подъема уровня научных исследований в республиках, роста национальных кадров является дальнейший процесс сближения и расцвета всех наций и народностей Советского Союза.

В этом закономерном поступательном развитии советской тюркологии большую роль играют ученые гуманитарных институтов Академии наук СССР, Московского и Ленинградского университетов. Благодаря их помощи в тюркоязычных республиках сформированы научные школы тюркологов, снискавшие всесоюзное и международное признание.

Огромное организационное значение для координации и кооперации научно-исследовательской работы и обмена опытом среди тюркологов Советского Союза и для развития их контактов с зарубежными коллегами имеют созданные в 1973 году Советский Комитет тюркологов и в 1970 году всесоюзный печатный орган — журнал «Советская тюркология» (Баку), который в этом году отмечает первое десятилетие своего существования; журнал стал авторитетнейшим органом советской тюркологической науки.

III Всесоюзная тюркологическая конференция констатирует, что в условиях развитого социалистического общества советская тюркология в своем развитии вышла на новые рубежи, значительно расширив и углубив по сравнению с предыдущими этапами круг исследуемых проблем, продолжает вносить большой вклад в культурное и языковое строительство тюркоязычных народов, занимающих по численности после славянских народов второе место в нашей многонациональной стране. Созданы фундаментальные языковедческие и литературоведческие труды, работы по истории тюркоязычных народов СССР.

На конференции обсуждались актуальные проблемы тюркологической науки — языкознания, литературоведения, фольклористики, истории, археологии и этнографии тюркоязычных народов СССР.

Работа конференции проходила на общем пленарном заседании и в трех секциях: лингвистической, литературоведческой и исторической.

Заседания лингвистической секции проходили одновременно в шести подсекциях по темам «История тюркских языков», «Диалектология», «Грамматика», «Фонетика, фонология, морфонология, орфография и стилистика», «Лексикология и лексикография», «Сопоставительное и типологическое изучение тюркских языков», литературоведческой секции — в трех подсекциях по темам «История литературы», «Современный литературный процесс и проблемы теории литературы», «Фольклористика»; работа исторической секции велась по темам, посвященным дооктябрьской и послеоктябрьской истории тюркоязычных народов СССР.

На общем пленарном заседании было заслушано 4 доклада; на лингвистической секции и ее подсекциях — 250 докладов; на литературоведческой секции и ее подсекциях — 148 докладов; на исторической секции — 66 докладов. Всего заслушано 468 докладов.

Отмечая достижения советской тюркологии, конференция вместе с тем указывает и на имеющиеся недочеты. Все еще недостаточно налажены научные сотрудничество и кооперация работ различных научных учреждений в масштабах страны, что затягивает выполнение комплексных исследований, препятствует решению крупномасштабных проблем. Недостаточно ведется координационная работа, ввиду чего встречается дублирование тем исследований, не изжито мелкотемье.

Преодоление отмеченных выше недостатков — необходимое условие дальнейшего развития советской тюркологии.

РЕКОМЕНДАЦИИ

III Всесоюзная тюркологическая конференция с удовлетворением констатирует, что за прошедшие четыре года после II Всесоюзной тюркологической конференции в Алма-Ате работа в научных учреждениях всех тюркоязычных республик и областей СССР ус-

пешно шла по направлениям научных исследований, рекомендованных II тюркологической конференции.

III Всесоюзная тюркологическая конференция принимает следующие рекомендации, обращенные к научным учреждениям, учебным заведениям, ученым-тюркологам нашей страны, занимающимся исследованием и изучением проблем тюркских языков, литературы и истории тюркоязычных народов СССР.

Рекомендации по разделу «Тюркское языкознание»

1. Совершенствование методов и приемов, используемых при описательном, историческом, сравнительно-историческом, ареальном, сопоставительном и типологическом изучении звукового и грамматического строя, лексики тюркских языков. Дальнейшая разработка методологических основ исследования грамматики на системно-структурном уровне; разработка теории грамматических категорий и других теоретических положений общего языкознания в свете достижений тюркской грамматики; более широкое использование и апробация современных лингвистических теорий применительно к фактам тюркских языков.

Совершенствование методов изучения лексики и топонимии тюркских языков, их этимологии; совершенствование лексикографической теории и практики.

Расширение применения новейших технических средств (экспериментальная фонетика, ЭВМ и др.).

2. Совершенствование методов синхронической и диахронической диалектологии в соединении с приемами историко-генетического анализа; более широкое внедрение лингвистической географии с выходом в ареальные исследования. Создание диалектологических атласов отдельных тюркских языков и составление тюркских «областных» словарей. Издание пробного «Диалектологического атласа тюркских языков СССР».

3. Изучение закономерностей развития тюркских литературных языков (начиная с раннего средневековья) и дифференцированный функционально-стилистический подход к языковым показателям разножанровых текстов, подразумевающий повышенное внимание к лингвистическим вопросам поэтики. Изучение языка фольклора. Изучение процессов взаимодействия тюркских книжно-письменных языков, наддиалектных фольклорных койне и народно-обиходной речи в образовании национальных литературных языков; вопросы развития и нормализации тюркских литературных языков в разные исторические периоды.

4. Совершенствование методов исследования, усиление разработки научных основ культуры речи, разработка важнейших проблем орфографии и пунктуации, теории письма, совершенствование алфавитов, орфоэпических норм современных тюркских литературных языков.

5. Разработка истории отдельных тюркских общенародных языков, истории групп и подгрупп близкородственных языков и общей истории тюркских языков. Составление для этих целей таблиц, обобщающих фонетико-морфологические показатели, наиболее характерные для изучаемой группы языков.

6. Дальнейшее расширение работы в области сравнительно-исторической грамматики и лексикологии тюркских языков, этимологического словаря тюркских языков. Развитие тюркской ареальной лингвистики в плане как синхронии, так и диахронии при учете историко-генетических факторов.

7. Углубленное исследование проблем классификации тюркских языков и периодизации истории их развития.

8. Разработка проблемы общности тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, японского и корейского языков.

9. Разработка социально-лингвистических проблем. Изучение современных и исторических процессов взаимодействия и контактов как близкородственных тюркских языков, так и тюркских и нетюркских языков.

10. Дальнейшее изучение функционирования русского языка в инонациональных условиях; изучение проблем билингвизма, соотношения общественных функций русского как языка межнационального общения и тюркских языков, взаимодействия русского и тюркских языков.

11. Активизация и координация работы по сборанию, систематизации и изданию тюркоязычных рукописей книгохранилищ и архивов союзных и автономных республик. Создание пособий по палеографии различных систем письма; развитие тюркской лингвотекстологии.

12. Разработка единообразной системы строго определенных понятий для всех уровней тюркских языков; упорядочение тюркологической фонетической и грамматической терминологии.

13. Углубленное изучение истории отечественной тюркологии (включая историю востоковедных научно-исследовательских и учебных заведений).

14. Издание библиографии по тюркскому языкознанию; составление библиографического словаря советских тюркологов.

Рекомендации по разделу «Литературоведение»

1. Разработка вопросов генезиса и развития жанров в поэзии и прозе, взаимосвязи темы и жанра, сюжетосложения и стилистики на материале тюркоязычных литератур; изучение проблемы преемственности между разными этапами историко-литературного процесса, охватывающего досоветский и советский периоды.

2. Создание обобщающих трудов по проблеме социалистического реализма в современных тюркоязычных литературах. Продолжение комплексных исследований процесса развития региональных литератур и их региональных отношений в советский период.

3. Исследование процессов взаимодействия и контактов национальных тюркоязычных литератур в эпоху развитого социализма; роль русской классической и советской литературы в развитии тюркоязычных литератур. Создание трудов по истории межнациональных литературных отношений.

4. Усиление внимания к изучению древнего периода литературы тюркоязычных народов; критика попыток сужения национальных рамок отдельных литературных памятников. Исследование средневековых тюркоязычных литератур. Углубленная разработка проблем исторической периодизации дореволюционных литератур тюркоязычных народов. Изучение особенностей формирования методов реализма (просветительского, критического) в национальных литературах дооктябрьского периода. Осуществление академического издания классических произведений национальных литератур.

5. Совершенствование методов собирания и изучения фольклорных материалов; создание фольклористических карт (атласов) отдельных республик; подготовка указателей сюжетов и мотивов произведений фольклора.

6. Улучшение текстологической работы в области фольклора; научное издание лучших образцов устного народного поэтического творчества.

7. Типологическое исследование жанров фольклора; изучение современного устного народного творчества, в том числе детского фольклора; разработка проблемы взаимодействия литературы и фольклора.

Рекомендации по разделу «Этнические и историко-культурные связи тюркоязычных народов СССР»

1. Развитие творческих и организационных связей ученых, занимающихся проблемами истории, этнографии, археологии, антропологии тюркоязычных народов; усиление координации работы и кооперации исследований для решения крупномасштабных проблем.

2. Дальнейшее изучение проблем этнической истории и этногенеза тюркоязычных народов СССР, истории взаимоотношений кочевого и оседлого населения в рамках крупных регионов.

Прозрадание региональных (Средняя Азия, Закавказье, Урал, Сибирь и др.) и межрегиональных научных симпозиумов для обмена опытом работы по изучению проблем этногенеза и этнической истории тюркоязычных народов СССР.

3. Усиление внимания к подготовке сводов письменных источников, составлению историко-этнографических и других атласов, отражающих прошлое и настоящее этнокультурного развития тюркоязычных народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана, Поволжья, Приуралья, Сибири.

4. Усиление борьбы с буржуазной фальсификацией истории тюркоязычных народов СССР.

5. Всестороннее развитие исследований по теме этнокультурных контактов, взаимообогащения культур и сближения братских народов СССР в условиях развитого социализма, в процессе формирования новой исторической общности советского народа.

6. Усиление историографических исследований по отдельным регионам страны. Внести на рассмотрение руководства Института востоковедения АН СССР вопрос о назревшей необходимости восстановления издания серии очерков по истории отечественного востоковедения.

* * *

Считать целесообразным организацию и проведение в 1981 году конференции, посвященной проблемам тюркской текстологии и периодизации истории тюркских языков.

Просить Президиум Академии наук Туркменской ССР взять на себя подготовку и проведение IV Всесоюзной тюркологической конференции в 1984 году в Ашхабаде.

Просить Президиум Академии наук Узбекской ССР издать материалы III Всесоюзной тюркологической конференции в Ташкенте.

Поручить Оргкомитету конференции изучить все конкретные предложения, поступившие от ее участников, и принять меры к реализации наиболее целесообразных предложений.

* * *

III Всесоюзная тюркологическая конференция подытожила работу тюркологов страны за четыре года и наметила главные научные направления и проблемы, на разработку и разрешение которых должны быть направлены усилия советских ученых.

Участники III Всесоюзной тюркологической конференции с огромным удовлетворением и глубокой признательностью отмечают постоянную отеческую заботу ЦК КПСС о развитии науки и культуры всех народов нашей страны, о росте и расцвете тюркологии, одним из конкретных проявлений которой является созыв III Всесоюзной тюркологической конференции.

Участники III Всесоюзной тюркологической конференции выражают глубокую благодарность ЦК КП Узбекистана, Совету Министров Узбекской ССР, Отделению литературы и языка Академии наук СССР, Отделению истории Академии наук СССР, Советскому комитету тюркологов, Академии наук Узбекской ССР, коллективам Института языка и литературы, Института истории, Института востоковедения и Института рукописей Академии наук Узбекской ССР за образцовую организацию и проведение конференции.

Нет сомнения в том, что, вдохновленные постоянной заботой Коммунистической партии Советского Союза, советские тюркологи, вооруженные решениями XXVI съезда КПСС, мобилизуют всю свою энергию и знания для создания новых капитальных исследований по актуальным проблемам советской тюркологии.

Х Р О Н И К А

К ДЕВЯНОСТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЕВГЕНИЯ ДМИТРИЕВИЧА ПОЛИВАНОВА

27 февраля 1981 года в Москве состоялась конференция, посвященная девяностолетию со дня рождения выдающегося советского востоковеда-лингвиста Евгения Дмитриевича Поливанова, организованная по инициативе отдела языков Института востоковедения и при участии Института языкознания Академии наук СССР.

Выступивший со вступительным словом *И. Ф. Вардуль* (Институт востоковедения АН СССР) охарактеризовал Е. Д. Поливанова как одного из самых ярких лингвистов XX века, внесшего огромный вклад в развитие различных отраслей отечественного восточного и общего языкознания.

В. М. Алпатов (Институт востоковедения АН СССР) в докладе «Е. Д. Поливанов как японист» отметил, что практическое изучение японского языка в России началось лишь с 80-х годов прошлого столетия. Е. Д. Поливанов положил начало научному исследованию этого языка. Особенность исследовательской манеры ученого заключалась в том, что японский язык изучался им исключительно полевыми методами во время поездок в Японию в 1914, 1915 и 1916 годах. Из четырех больших работ Е. Д. Поливанова — по фонетике и исторической фонологии японского языка, акцентуации японских диалектов, а также этимологическому словарю японского языка — ни одна не была опубликована полностью и три из них, по-видимому, теперь уже могут считаться утраченными, между тем как в мировой лингвистике в настоящее время не существует аналогов таким поливановским трудам, как «Этимологический словарь японского языка» и «Историческая фонология японского языка». Ученый впервые выдвинул гипотезу о том, что японский язык мог быть генетически связан не только с алтайскими языками, но и с австронезийскими. Докладчик подчеркнул тот факт, что все научные результаты, полученные Е. Д. Поливановым, были перепроверены и подтверждены японскими лингвистами. Характерно, что из всех зарубежных японистов

в самой Японии популярны только двое — португальский миссионер XVI века Родригес и Евгений Дмитриевич Поливанов.

В. М. Алпатов отметил также, что ряд общетеоретических положений был разработан Е. Д. Поливановым в основном на японском языковом материале; это прежде всего относится к общим принципам фонологического анализа, сформулированным в трудах ученого.

В. М. Солнцев (Институт востоковедения АН СССР) в докладе «Е. Д. Поливанов как китаист» подчеркнул чрезвычайно широкий диапазон научной деятельности ученого. Многие идеи Е. Д. Поливанова послужили отправными пунктами для последующих исследований китайского языка. Учение Е. Д. Поливанова об инкорпорации (при критическом отношении современных китаистов к самому термину) открыло собой новый, весьма плодотворный подход к изучению слова в китайском языке. Понимание Е. Д. Поливановым характера и природы древнекитайского языка положено в основу современной трактовки исторической эволюции китайского языка, в частности падения старой морфологической системы, сопровождаемого рождением новой. Ученый предложил также четырехчленную формулу фонологической структуры китайского слова, которая в настоящее время является общепринятой в китаистике. Докладчик дал высокую оценку вкладу Е. Д. Поливанова в отечественное китайское языкознание.

А. А. Леонтьев (Институт русского языка им. А. С. Пушкина) в докладе «Е. Д. Поливанов и общее языкознание» сказал, что в период, когда лингвистическому мышлению был свойствен европоцентризм, Е. Д. Поливанов в своих трудах разрабатывал теорию и методику описания разнородных языков, выявляя многообразие языковых

¹ Общая характеристика лингвистических взглядов Е. Д. Поливанова дана Вяч. Вс. Ивановым («Вопросы языкознания», 1957, № 3).

моделей, для описания которых не мог быть применен один жесткий метаязык лингвистики. В своей рукописной работе «Еще о критерии единого слова» Е. Д. Поливанов предложил диалектическую разработку критериев выделения слова, показав, что слова в разносистемных языках определяются на основе различных критериев, тем более, что в конкретных языках морфология и синтаксис порою находятся в разных соотношениях. Диалектический подход ученого к трактовке слова проявился в определении слова, границы которого составляет, по выражению докладчика, как бы «пучок изоглоссы». Концепция частей речи излагалась Е. Д. Поливановым на материале разносистемных языков. Ему принадлежит идея о своеобразии классификации частей речи в китайском языке (по сравнению хотя бы с русским языком). Проблему выделения частей речи ученый рассматривал и решал на материале тюркских и финно-угорских языков. В своих работах Е. Д. Поливанов заложил основу для разработки принципов универсально-сопоставительного описания разноструктурных языков. Ученым был создан также лингвистический словарь, представляющий собой оригинальный опыт первой лингвистической энциклопедии².

Л. Р. Концевич (Институт востоковедения АН СССР) в докладе «Е. Д. Поливанов как коренист» говорил о том, что роль Е. Д. Поливанова, имя которого Н. С. Трубецкой в своих «Основах фонологии» ставил в один ряд с именами его великих учителей И. А. Бодуэна де Куртенэ и Л. В. Щербы, в истории лингвистической мысли 20-х — первой половины 30-х годов все еще продолжает недооцениваться. Работы ученого по корейскому языку позволяло признать его одним из пионеров современного научного корейского языкознания в нашей стране. Е. Д. Поливанов по существу впервые представил ряд веских доказательств гипотезы о генетических связях корейского языка с алтайскими, пользуясь при этом методами внутренней и внешней реконструкции (см. его работу «К вопросу о родственных отношениях корейского и „алтайских“ языков», 1927). По мнению докладчика, эта гипотеза даже после работ Г. Рамстедта и других алтаистов нуждалась в очень серьезном обосновании.

Л. Р. Концевич поставил вопрос о необходимости вести поиск работ Е. Д. Поливанова, считающихся утраченными (например, второй части «Введения в языкознание для востоковедных вузов», печатание которой было в свое время приостановлено).

Вяч. Вс. Иванов (Институт славяноведения и балканистики АН СССР) в докладе «Е. Д. Поливанов и теория исторического развития языка» рассказал о влиянии идей

ученого на формирование концепции Пражской школы (переписка Е. Д. Поливанова с Р. Якобсоном). Широта лингвистического кругозора Е. Д. Поливанова определялась его блестящей теоретической подготовкой, полученной им под руководством И. А. Бодуэна де Куртенэ, прекрасным знанием сравнительно-исторического языкознания, глубиной лингвистической интуиции, операвшейся на владение разноструктурными языками как западными (в том числе, например, итальяскими), так и многими восточными (наряду с японским, китайским, корейским, также тибетским, «енисейско-остяцким», то есть кетским, и др.).

Как указал докладчик, Е. Д. Поливанов видел общее, философское значение языкознания в «лингвистической историологии»³. В теории языковой эволюции ученый выделял два раздела. Первый из них охватывал внутренние факторы развития языка. В работах Е. Д. Поливанова эти факторы раскрываются на примере главным образом фонетической эволюции⁴, им была создана историческая фонология. Е. Д. Поливанов работал также над созданием аналогичной морфологической теории языка (из этих его работ сохранилось небольшое число фрагментов). Он стремился создать общую теорию языкового развития, которая, учитывая и нормальные, и аномальные случаи, позволяла бы объяснить, исходя из внутреннего состояния языковой системы, почему тот или иной ее фрагмент развивается именно данным, а не иным путем. Основным «общечеловеческим принципом развития языка» Е. Д. Поливанов признавал принцип экономного кодирования.

Второй раздел теории языковой эволюции, по Е. Д. Поливанову, должен составлять анализ социологических факторов. Благодаря действию этих факторов в первой трети XX века складывался среднеазиатский языковой союз, описанный ученым во время его пребывания в Средней Азии в работах 30-х годов. Взаимодействие разноструктурных языков в этом союзе исследовалось с помощью статистических методов.

Благодаря применению новейшей методики и глубине проникновения в суть языка, Е. Д. Поливанов во многом опередил лингвистическую науку своего времени, во всяком случае, его работа лишена недостатков современных исследований, посвященных языковому союзу. Е. Д. Поливанов первый указал на существование арабских диалектов в Средней Азии.

Опираясь на глубокое знание разноструктурных языков и закономерностей их

³ Термин «историология» был заимствован ученым у профессора Н. И. Кареева, разработавшего общую концепцию развития исторического процесса («историологию»), влияние которой испытал Е. Д. Поливанов.

⁴ См., в частности: Е. Д. Поливанов. Фонетическая конвергенция. — «Вопросы языкознания», 1957, № 3.

² «Словарь лингвистических терминов» Е. Д. Поливанова (публикация В. П. Григорьева). — «Вопросы языкознания», 1960, № 4.

исторического развития, Е. Д. Поливанов уделял немало внимания проблемам лингвистической футурологии — прогнозированию языкового развития.

В докладе «Е. Д. Поливанов как тюрколог» Ф. Д. Ашнин (Институт языкознания АН СССР) сообщил, что насчитывается около пятидесяти работ ученого по тюркским языкам, вышедших в малотиражных и редких изданиях. Они поражают богатством фактического материала и глубиной проникновения в языковые явления. Вполне естественно поэтому было бы подготовить и издать том избранных работ Е. Д. Поливанова по тюркскому и алтайскому языкознанию⁶.

Ф. Д. Ашнин остановился на основных достижениях ученого в области тюркского языкознания. Прежде всего — это общая классификация тюркских языков, при разработке которой ученый, по мнению докладчика, находился в русле русской традиционной тюркологии. Е. Д. Поливанов заложил основы научного изучения узбекских диалектов. В ряде работ он затрагивал проблему соотношения диалектов и литературного языка узбеков. Многочисленные иллюстрации, относящиеся к теории конвергенции и другим проблемам, как считает докладчик, свидетельствуют о том, что Е. Д. Поливанов близко подошел к решению проблем сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. При рассмотрении алтайской гипотезы ученый с осторожностью относился к включению в круг исследования так называемых уральских языков.

В заключение Ф. Д. Ашнин рассказал об активном участии Е. Д. Поливанова в языковом строительстве в СССР.

Г. Ф. Благова (Институт языкознания АН СССР) в докладе «Е. Д. Поливанов и ареальная лингвистика» показала, что в работах ученого, написанных в 30-е годы, представлена целая система лингвогеографических приемов и принципов, которая применялась им для решения неотложных практических задач тюркского, в частности, узбекского языкознания. Е. Д. Поливанов положил начало научному изучению узбекских диалектов. Без теоретического осмысления всех схождения и расхождений многочисленных узбекских диалектов и говоров невозможно было, например, решить остро стоявший в те годы вопрос о диалектной основе формировавшегося современного литературного узбекского языка. Именно с

этим связана разработка Е. Д. Поливановым первой диалектной классификации узбекского языка, в которой оценка диалектных фактов велась ученым с позиций лингвистической географии (учет пространственного размещения языковых явлений, географической изолированности некоторых языковых территорий, наличия языковых контактов на других территориях и др.).

При определении места узбекского языка среди других тюркских языков Е. Д. Поливанов внес существенные уточнения в классификацию тюркских языков, в частности оснастил ее морфологическим материалом. Различия между классификационными группами он видел не в индивидуальных особенностях конкретных языков, а в совокупности фонетических, морфологических и лексических изоглосс, охватывающих известную группу тюркских языков (или их диалектов); особое внимание уделялось при этом исторической мотивировке изоглосс.

А. А. Калимов (Институт востоковедения АН СССР) в своем выступлении рассказал об изучении Е. Д. Поливановым дунганского языка полевыми методами во время его пребывания в Киргизии. Ученый активно участвовал в работе над составлением учебника дунганского языка (1935) и над проектом дунганской орфографии, разрабатывал научную терминологию на дунганском языке. Им написано более десяти статей по различным вопросам дунганского языкознания. Е. Д. Поливанов и А. А. Драгунов являются основоположниками дунганского языкознания. Докладчик ознакомил собравшихся с присланными Ю. Я. Яншансином воспоминаниями о Е. Д. Поливанове. В них, в частности, говорится о том, что Е. Д. Поливановым были переведены стихами большие фрагменты из киргизского эпоса «Манас».

А. Н. Хохлов (Институт востоковедения АН СССР) рассказал о работе над архивом Е. Д. Поливанова, хранящимся в ЦГАЛИ, и изложил содержание нескольких неопубликованных писем ученого, свидетельствующих о широком культурно-историческом диапазоне его интересов.

В заключение И. Ф. Вардуль, резюмируя пожелания докладчиков, высказался за издание как опубликованных, так и неопубликованных работ Е. Д. Поливанова и обратился с призывом к академиям наук союзных республик переиздать труды ученого, посвященные изучению того или иного из языков народов Советского Союза, в том числе тюркских языков.

⁶ Ср.: Е. Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.

«ФОРМИРОВАНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ГОВОРОВ ВОСТОЧНОГО ДИАЛЕКТА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА (СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)»

2 февраля 1981 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности «Тюркские языки» при Институте языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита докторской диссертации «Формирование и современное состояние говоров восточного диалекта башкирского языка (сравнительное исследование)», представленной старшим научным сотрудником Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР Максютовой Нажибой Хаерзамановной.

Диссертация посвящена исследованию наречий, групп региональных говоров башкирского языка, являющихся исходными в его развитии. В работе рассматриваются формирование говоров башкирского языка и их этническая основа, особенности их фонетической системы, морфологической структуры и лексики, диалектный состав башкирского языка. Научное и практическое значение диссертации заключается в том, что в ней впервые подверглись систематическому изучению и анализу диалектные особенности башкирского языка.

Большой фактический материал, на котором основываются важные теоретические

выводы автора, содержит обширную информацию не только о башкирском языке и его диалектах, но и о других тюркских языках и древних наречиях.

В исследовании Н. Х. Максютовой башкирские говоры сопоставляются как с литературным башкирским языком, так и с материалами целого ряда современных тюркских языков и древнетюркских письменных памятников. Значительное внимание диссертант уделила и сравнению аналогичных материалов монгольского, финно-угорского и других неродственных языков, что позволило ей определить этническую структуру башкирских говоров в процессе их исторической эволюции.

Выступившие на защите в качестве официальных оппонентов доктор филол. наук, профессор Т. М. Гарипов, А. Г. Велнев, д-р филол. наук В. Л. Гукасян дали высокую оценку исследованию Н. Х. Максютовой, отметив, что ею изучен, классифицирован и систематизирован огромный по объему и новый по содержанию лингвистический материал; диссертанту удалось установить границы важнейших диалектных явлений башкирского языка и их этимологическую основу, проследить исторические этапы становления диалектов, уточнить классификацию наречий, что представляет и определенный общетюркологический интерес.

Специализированный совет вынес решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении Н. Х. Максютовой ученой степени доктора филологических наук.

Р. Дж. Магеррамова

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

10 февраля 1981 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языкознания Академии наук СССР состоялась защита докторской диссертации «Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке», представленной

заведующим кафедрой балкарского языка и

литературы Кабардино-Балкарского государственного университета Ахматовым Ибрагимом Хашимовичем.

Диссертация посвящена синтаксису простого предложения. Однако диссертант не ограничивается только анализом простых предложений в карачаево-балкарском языке. Работа имеет общетеоретическую направленность, в ней рассматриваются основные положения синтаксиса простого предложения с точки зрения общего языкознания.

Как известно, в тюркологических работах члены предложения обычно изучаются в аспекте их взаимоотношений. В диссертации И. Х. Ахматова на основе анализа обширного языкового материала исследуется вопрос об отношении компонентов предложения

к самому предложению, отдельно говорится о моделиобразующих членах предложения.

Диссертация состоит из введения, пяти глав и заключения.

Во введении диссертант излагает свою концепцию изучения синтаксиса простого предложения, сложившуюся на основе современных достижений лингвистики и отражающую многочисленные аспекты рассмотрения простого предложения.

В первой главе диссертации диссертанту на основе применения установленных им принципов исследования удалось показать четкую системность семантических признаков простого предложения, что имеет, несомненно, принципиальное значение.

Во второй главе работы представлено все разнообразие моделей простого предложения в стройной системе, сопровождаемой оригинальной интерпретацией, значение которой представляет интерес для синтаксиса тюркских языков в целом.

В остальных трех главах диссертации И. Х. Ахматов рассматривает в соответствии с принятой им классификацией сорок

четыре модели простого предложения кара-чаево-балкарского языка.

Таким образом, И. Х. Ахматовым в его диссертации предложена оригинальная теория формально-семантического анализа тюркского предложения, которая представляется нам весьма перспективной.

Диссертация имеет и чисто практическое значение: ее положения могут быть использованы при составлении программ, учебников и учебно-методических пособий, спецкурсов и т. д.

Официальные оппоненты — д-р филол. наук, проф. Н. З. Гаджиева, д-р филол. наук Л. А. Покровская, д-р филол. наук проф. М. З. Закиев, а также выступивший на защите член-корр. АН СССР Б. А. Серебрянников и другие дали высокую оценку исследованию И. Х. Ахматова.

Члены ученого совета единогласно решили ходатайствовать перед ВАК о присуждении И. Х. Ахматову ученой степени доктора филологических наук.

И. М. Отаров

СОДЕРЖАНИЕ

А. Н. Кононов (Ленинград), Э. Р. Теншиев (Москва), Э. И. Фазылов (Ташкент). Тюркское языкознание в СССР: итоги и перспективы	3
Э. Ахметов (Алма-Ата), М. К. Кошчанов (Ташкент), А. С. Садыков (Фрунзе), И. А. Султанов (Ташкент), Т. М. Мирзаев (Ташкент). Изучение литературы и фольклора тюркоязычных народов СССР. Состояние и задачи	23

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Р. А. Юсупов (Казань). Общее и специфическое в переносном употреблении слов контактирующих языков	30
С. Ф. Миржанова (Уфа). О древних этно-языковых связях башкир и венгров	37

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Х. Г. Короглы (Москва). Древнетюркские элементы в парфянском эпосе «Аяткар Зареран»	49
--	----

ОНОМАСТИКА

И. В. Дрон (Кишинев). «Комрат» — этнопоним ногайского происхождения	54
---	----

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

Г. Ф. Благова (Москва). Е. Д. Поливанов и тюркская ареальная лингвистика	60
--	----

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

М. И. Трофимов (Ош). Об ударении в сложных словах и словосочетаниях в тюрк- ских языках	65
М. Н. Джавадова (Баку). Непроизводные глаголы в письменных памятниках азербайджанского языка	77

РЕЦЕНЗИИ

Н. А. Баскаков (Москва). Н. П. Петров. Чувашский язык в советскую эпоху	87
Г. Г. Кагарманов (Стерлитамак). Исследования по грамматике современного баш- кирского литературного языка	88
Ф. Джалилов, Н. Худиев (Баку). Юнис Мэммедов. Орхон-јенисеј абидэләриндә адлар	90

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Л. В. Данилова, К. Каримов, С. И. Гаюпов, С. Атамирзаева, Б. Сарымсаков, С. Мамаджанов, И. Ахмедходжаев, М. Ахунова (Ташкент). III Всесоюзная тюркологическая конференция	92
---	----

ХРОНИКА

Г. Ф. Благова (Москва). К девяностолетию со дня рождения Евгения Дмитриевича Поливанова	104
«Формирование и современное состояние говоров восточного диалекта башкир- ского языка»	107
«Структурно-семантические модели простого предложения в современном кара- чаево-балкарском языке»	107

CONTENTS

- A. N. Kononov* (Leningrad), *E. R. Tenishev* (Moscow), *E. I. Fazylov* (Tashkent).
The Turkic linguistics in the USSR: results and perspectives 3
- Z. Akhmetov* (Alma-Ata), *M. K. Koshchanov* (Tashkent), *A. S. Sadykov* (Frunze),
I. A. Sultanov (Tashkent), *T. M. Mirzayev* (Tashkent). Investigation of turkic
literature and folk-lore in the USSR. The state and tasks 23

LANGUAGES IN CONTACT

- R. A. Usupov* (Kazan). General and specific in metaphoric use of words of contact
languages 30
- S. F. Mirzhanova* (Ufa). On the ancient ethnolinguistic contacts between Bashkirs
and Hungarians 37

PROBLEMS OF FOLK-LORISTICS

- Kh. G. Korogly* (Moscow). The ancient turkic elements in Parfyan epos «Ayatkar
Zareran» 49

ONOMASTICS

- I. V. Dron* (Kishinev). Komrat — an ethnotoponym of Nogai origin 54

HISTORY OF NATIVE TURKOLOGY

- G. F. Blagova* (Moscow). Ye. D. Polivanov and the turkic areal linguistics 60

REPORTS, SURVEYS

- M. I. Trofimov* (Osh). On the stress in compound words and word-combinations in
the turkic languages 65
- M. N. Dzhabadova* (Baku). Primary verbs in the written records of Azerbaijan
language 77

REVIEWS

- N. A. Baskakov* (Moscow). Н. П. Петров. Чувашский язык в советскую эпоху 87
- G. G. Kagarmanov* (Sterlitamak). Исследования по грамматике современного
башкирского литературного языка 88
- F. Dzhaliyev, N. Khudiyev* (Baku). Юнис Мәммədov. Орхон-јенисеј абидәләриндә
адлар 90

SCIENTIFIC LIFE

- L. V. Danilova, K. Karimov, S. I. Gayupov, S. Atamirzayeva, B. Sarymsakov, S. Ma-
madzhanov, I. Akhmedkhodzhayev, M. Akhunova* (Tashkent). The third All-Uni-
on Turkological Conference 92

CHRONICLE

- G. F. Blagova* (Moscow). Commemorating the 90th anniversary of Yevgeny Dmit-
rievich Polivanov 104
- «Formation and modern state of subdialects of Eastern dialect of the Bashkir
language» 107
- «Structural-semantic models of simple sentence in modern Karachai-Balkar
language» 107

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ
ТРАНСКРИПЦИЯ НА ОСНОВЕ ЛАТИНСКОЙ
ГРАФИКИ, ПРИНЯТАЯ РЕДАКЦИЕЙ ЖУРНАЛА
«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ»**

ГЛАСНЫЕ

А а — а
 Ä ä — э
 Е е — е
 У у — у
 I i — и
 О о — о
 Ö ö — е
 U u — у
 Ü ü — v

СОГЛАСНЫЕ

B b — б
 V v — в
 G g — г
 G' g' — к (گ)
 Y y — ф (غ)
 D d — д
 Z z — ж
 Ž ž — ч, дж (چ)
 Z z — з
 Δ δ — з (ذ)
 J j — j
 Q q — ка (ق)
 K k — ке (ك)
 L l — л
 M m — м

N n — н
 ŋ — н
 ng — н (نگ)
 P p — п
 R r — р
 S s — с
 T t — т
 F f — ф
 X x — х (خ)
 H h — h, x (ه, ه)
 C c — ц
 Č č — ч (چ)
 θ θ — ç (ث)
 Š š — ш

ДИАКРИТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ

—, : долгота
 ˘ краткость
 ~ носовой
 ' мягкость

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются

Корректоры *Ф. М. Джавадова, А. А. Гусейнова*

Сдано в набор 7/IV-1981 г. Подписано к печати 30/VI-1981 г. ФГ 26328. Формат бумаги 70×108^{1/16}. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 9,8. Усл. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 2505. Тираж 2568. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал

1 руб.

Индекс
70927